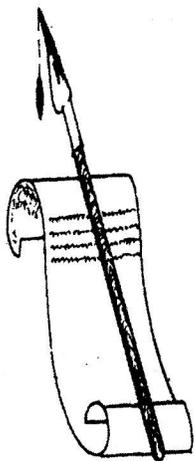

Врачи пишут ...

Рассказы

Очерки

Воспоминания

Исследования

(выпуск XIII)

2018
Москва

Общество медиков-литераторов
имени М.И. Буянова

Врачи пишут...
Выпуск XIII
Издается на средства авторов

Врачи пишут... Российское общество медиков-литераторов,
2018 г. 152 стр. Выпуск XIII.

В очередном выпуске сборника «Врачи пишут» представлены очерки, рассказы, повести и воспоминания практикующих врачей и авторитетных ученых-медиков.

© Все авторы. 2018

Сдано в набор 22.08.2018 г. Подписано в печать 22.08.2018 г. Формат
62x84 1/16

Бумага офсетная. Усл. печ. листов 9,5. Тираж 50 экз. Заказ 777.

Издательство Российского общества медиков-литераторов.

Лицензия ЛР № 030857 от 14.10.1998 г.

109280, Москва, Второй Автозаводский проезд, 4/5. Медцентр 675-45-67

Составитель сборника и компьютерная подготовка рукописи к печати – Софья Иосифовна Высоцкая.

Отпечатано в типографии ООО «Аналитик»
127299, г. Москва, ул. Клары Цеткин, дом 18, корп. 3

СОДЕРЖАНИЕ

1. Кулик В.Н. ПРЕДИСЛОВИЕ	4
2. Акулина Хмель ДОРОГА В ОДИН КОНЕЦ.....	6
3. Белкина Александра МУЗЫКА ДОЖДЯ	9
БЕЛЫЙ СТЕРХ	
ЧТОБЫ С ПРОШЛЫМ	
РАССТАТЬСЯ, НАДО С НИМ ВСТРЕТИТЬСЯ	
4. Бурно Марк ВОЛОСАТОЕ СЕРДЦЕ	33
5. Горелов Кирилл В ЗООПАРКЕ	36
6. Захаров Николай СТИХИ.....	43
7. Кулик Владимир ГОЛИЦЫНО	51
ПИВКА ПОПИЛИ	
8. Магомедов Магомед ЗАНАЧКА	56
КАПИТАН МОСКОВЧУК	
КАРИБСКИЙ КРИЗИС	
БРЮШНЯК	
9. Нестеров Савелий СТИХИ	68
10. Панкова Ирина ВРЕМЕНА ГОДА.....	70
11. Саркисов Армен ТЕРЕМОК.....	74
ДУРА	
СКУДНЫЙ ЛЕКАРЬ	
12. Урадовская Анна СТИХИ	86
13. Филозоф А. ПЕСЕНКА О КАРАКАТАМБИКЕ	94
НОВЫЙ ГОД	
14. Шевченко Юрий ЗАЗДРАВНЫЕ ПЕСНИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ДРУЗЬЯМ-КОЛЛЕГАМ.....	107
15. Шувалов Александр БАБОЧКИ И БУДДА	153

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1992 году известный российский врач и писатель Михаил Иванович Буянов создал Российское общество медиков-литераторов. Среди участников РОМ-Л медицинские работники из России и стран зарубежья.

Многие годы Михаил Иванович Буянов руководил обществом, занимался лечебной, учебной, литературной, исследовательской и общественной деятельностью. М.И. Буянов скоропостижно скончался 22 апреля 2012 г. во время своего последнего путешествия в Центральную Африку.

В течение 25 лет, дважды в год, в доме-музее А. П. Чехова проводятся конференции, на которых медиками и филологами обсуждаются различные вопросы. Ежегодно Общество медиков-литераторов выпускает литературные альманахи «Врачи пишут», сборники, книги. За прошедшие годы было выпущено более сотни книг. Публиковаться в сборниках могут не только участники Общества, но и все желающие медработники.

Из предисловия к сборнику «Врачи пишут I», написанного М. И. Буяновым в 1992 г.: «А сколько врачей, фельдшеров, медицинских сестёр в обычных городских, сельских больницах пишут стихи, рассказы? Сколько из них хотят писать, душа просит, но пока не решаются? Всех Вас мы приглашаем на собрания Российского общества медиков-литераторов. Мы обязательно Вам поможем преодолеть силу страха, инерцию и сесть, как говорили раньше, за перо или теперь за компьютер. Из нас тоже не все профессионалы писатели. Но какую радость Вы принесете своим родным и близким, вашим детям и внукам и, прежде всего себе, когда в печати появятся Ваши стихи, рассказ или воспоминания».

Мы продолжаем работу Общества, дело, начатое М.И. Буяновым и храним светлую память о Михаиле Ивановиче, нашем первом председателе Общества.

В. Н. Кулик, председатель ОМЛ им. М. И. Буянова

ДОРОГА В ОДИН КОНЕЦ

Что такое смерть? Это начало новой жизни. Ещё не зайдя в комнату, я догадывалась, что увижу. Но мои предположения это одно, а суровая реальность это другое. Шестидесятитрехлетняя женщина лежала в непривычной позе на красно-коричневом диване-софе. Её влажные, грязные от пота короткие седые волосы липкими прядями развалились по подушке. Из рта текла слюна, а при выдохе раздавался характерный звук раздувающихся щек и губ. «Парусит» - подумала я - «ловить нечего, это конец...».

Мой врач, посмотрев на меня украдкой, двинулся вперед. Я молчаливой тенью скользнула за ним. Мы принялись за осмотр. Решительным жестом отодвинув своего коллегу начинаю первой. Шерстяная фиолетовая кофта была застегнута на три пуговицы, снимаю. Состояние: кома 2-3 степени. Недалеко и до 4, последней. Глаза: это самое важное. Они были пустые и отчужденные. Один зрачок больше другого - «анизокория», - отметила я. Взяв голову в руки и положив на ладонь правой руки, попыталась её приподнять и привести подбородок к груди – мышцы отказывались слушаться - «ригидность мышц затылка». Руки были напряжены словно струны - «парезы», - проскочил очередной термин в голове. Ноги: взяв левую ногу правой рукой под колено, а левой рукой за голеностоп я постаралась её выпрямить, не удалось - «Керниг», - всплыла фамилия очередного автора и симптома. Смотрю правую ногу, результат тот же. Ниже. Беру шариковую ручку и колпачком провожу по пятке- пальцы веером разошлись вверх - «Бабинский», - услужливая память цитировала учебник неврологии. В голове уже созревает череда диагнозов. Один за другим. Важно то что кровь из разорвавшегося сосуда хлынула в мозг. Скорее в ствол мозга. Ствол - мозга — это дорога, связывающая мозг с телом, и эта связь теперь потеряна. Ишемический инсульт или разрыв

аневризмы сосудов головного мозга. Перед глазами возникли образы из учебника и препараты из анатомички. Ход сосудов, нервов, извилины мозга, черепная коробка. Я задумалась. Мой коллега отводит меня в сторону и продолжает осмотр. Я слежу за точными и выверенными годами движениями. Понимая всё. Эмоций нет- есть холодный разум и расчет. Снимаем ЭКГ- сердце бьется медленно, но четко. Оно сильное в отличие от мозга, он предательски сдался...

Иду за мягкими носилками в машину. Водитель молчит, он всё понимает, всякое видал. Не впервой. Медленно закрывает машину и идет со мной. Укладываем носилки на пол, на них шерстяное одеяло и простынь. Все происходит молча. Все движения точные и четкие, как у роботов. Осторожно опускаем больную на простынь и заворачиваем. Водитель даёт мне ключи. Я знаю, что надо делать. Пока мужики тащат ещё живое тело на мягких носилках, я с ящиком и кардиографом иду открывать машину, кладу на свои места вещи и выдвигаю стационарные носилки на колесиках. Жду. А вот и они. Осторожно грузим больную. Все по местам. Ну, собрались, поехали. С Богом! Подключили кислород. Мерное пиканье аппарата и ритмичные «вдохи-выдохи» автоматики немного убаюкивали и рассредоточивали внимание. Начались судороги. Оранжевый ящик открыт на ходу, ампула звонко чпокнула, в шприц потянулась желтоватая жидкость. Вену я нашла сразу. Давление стабильное- низкое, но стабильное. Судороги остановились. Эх, дыхательный центр может сказать своё «фи», и отказаться работать вообще, но пока исправно трудиться.

Водитель распугивал кваканьем сирены и светом маяков народ в пробке, он не уставал орать матом на всех и вся. Но это помогало слабо. Застряли на переезде. Единственная мысль была у меня в то время: - «Если она умрет, то доктору придется писать три карты и констатировать смерть в машине, придется

ехать в милицию и долго оформлять бумаги», - да и перед доктором просто почему-то было совестно. Не знаю почему. Эти сорок минут показались вечностью. Сирена воеет с крыши машины и от этого завывания очень болит голова. Слышно, как крутятся маяки на крыше. А на носилках лежит женщина и медленно умирает. На горизонте показался забор больницы. Едем сразу по пандусу на второй этаж в реанимацию, минуя приемное отделение. Дежурный вопрос от дежурного же врача:

-Что везем?

-Кому 2-3 степени. Геморрагический инсульт.

-Почему к нам?

-По показаниям, - чуть не ляпнула «по кочану», но смолчала. Мой врач берет инициативу в свои руки, отводит коллегу врача реанимации в сторонку и тихо, но четко перечисляет все симптомы и предположительный диагноз. Я начинаю заполнять сопроводок. Паспорт, полис, сопроводительный лист. Все формальности соблюдены. Ну вот последняя точка в документе поставлена: - «Прощай». Из глаз сами собой потекли слезы. Сильно потекли, много, молча. Слезы текли, а на душе была пустота.

Водитель курил рядом с машиной. Он устал. Руки у него тряслись. Выложился он, выложился и движок мотора. По дороге мы несколько раз чуть не попали в аварию и чуть не перевернулись на крутом повороте. Но ведь чуть-чуть не считается. Дорога позади, а значит можно и покурить. Приехали.

Я сидела в машине, а непослушные слезы сами по себе катились по щекам, молча. Задняя дверь открылась и показался нос мед брата реанимационного отделения:

-Грузим...ой, а почему Вы плачете?

-Это моя мама.

Вопросов больше не было. Все понимали, что это была дорога в один конец.

18. 03. 2016

Белкина Александра **МУЗЫКА ДОЖДЯ**

1 июня 2012 года присутствовала на занятии группы терапии творческим самовыражением. Бурно Марка Евгеньевича. Была объявлена тема: «Природа и характеры».

Сначала Марк Евгеньевич показал слайды фотографий, сделанные людьми разных характеров, чтоб мы увидели, как человек в соответствии с природными особенностями своего характера, воспринимает природу, чтобы стало очевидным, как тот или иной характер обнаруживает себя в отснятых им фотографиях.

Затем был предложен фильм неизвестного автора «Палики». Фильм мне не нравился. Я всё веселое люблю, а тут темно-серые краски мутного неба, заунывная народная песня и дождь, барабанивший по крыше дачного домика. И в доме, показанном был один только мрак: темный, длинный, узкий коридор и всё-всё такое грустное. . .

Закончился печальный фильм, и Марк Евгеньевич попросил аудиторию порассуждать - определить, какой же характер у автора, снявшего такой фильм. . .

На следующий день песня с ритмом дождя, почему-то, продолжала звучать в моей душе. Я бы еще раз с удовольствием, более внимательно просмотрела этот не понравившийся мне фильм, но такой возможности не было. Нашла в интернете текст песни и прослушала ее в разных исполнениях. Странно: фильм совсем не был мне созвучен во время просмотра в зале у Марка Евгеньевича. Я его смотрела и ощущала какой-то протест против серых и темных тонов, против льющей тоски-печали, но что-то меня зацепило, что-то, чего я сразу не смогла осознать: или мелодия, или слова песни, или красота мокрой природы, или музыка-ритм дождя. .

И не таким уж сплошь тоскливым казался он теперь, вспомнились моменты, которые разбавляли черные краски: в проеме дверей висела разноцветная лоскутная занавеска, угол комнаты украшала горка румяных яблок. А как хорош был серый кот, стоявший на подоконнике, с любопытством улавливающий трепет природы. И я ведь тоже, оказывается, не осталась равнодушной к предьявленной красоте и жизни природы: как приятно вспоминать теперь затянувшиеся (как в тот день мне казалось) картины мокрых деревьев. . . и этот дождь, который торопливо звучал, словно о чем-то говорил-рассказывал. . . и красиво-медленно развешивал одинокие капли на зеленых садовых яблоках.

Песня в сопровождении ритмичного дождя, как мелодия под барабаны в «Болеро» у Равеля, продолжала звучать в моей душе.

На улице дождик
С ведра поливает,
С ведра поливает,
Землю прибивает.
Землю прибивает
Брат сестру качает,
Ой, люшеньки люли,
Брат сестру качает.
Брат сестру качает,
Ещё величает,
Расти поскорее,
Да будь поумнее.
Вырастешь большая
Отдадут ты замуж.
Ой, люшеньки, люли,
Отдадут ты замуж.
Отдадут ты замуж
Во чужу деревню,

Ой, люшеньки, люли
В семью несогласну.
На улице дождик
С ведра поливает,
Землю прибивает.
Землю прибивает,
Брат сестру качает.

Да, текст грустный, а мелодия замечательная, особенно в исполнении Лидии Руслановой. Повяло стариной, вспомнились бабушкины лоскутные одеяла. Такие изделия из разноцветных кусочков материи (бедность вынуждала женщин из остатков старой одежды создавать новые вещи) были у многих, поэтому они меня в моем детстве не удивляли.

Меня впечатлила другая старина, к которой я успела прикоснуться.

Когда я однажды зашла к моей чистюле бабушке, она гладила белье, да не просто, а удивительным для меня способом. У неё было интересное приспособление для глажки – рубель – толстый деревянный брусок с ручкой и нижней ребристой стороной. Верхняя сторона у бабушкиного рубеля была красивая: резная, украшенная причудливыми узорами. Бабушка наматывала бельё на валёк (скалку), а ребристой стороной рубеля его раскатывала, нажимая на неровности грубого домотканого материала. - Как Аксинья в «Тихом Доне» . . .

Еще меня заинтересовал другой способ глажки, который я увидела у соседей. Старшая из девочек многодетной семьи гладила белье угольным утюгом. Любопытно было наблюдать за всем этим процессом. Если утюг остывал, девочка высыпала остывшие угли, и, ловко выхватывая (не помню, чем именно) красные угли из печки, укладывала их в открытый утюг, затем закрывала его крышкой, и начинала, зачем-то, размахивать им

из стороны в сторону. После этих манипуляций утюг снова готов был к глажке.

В нашем доме таких утюгов не было, как не было и лоскутных одеял. Мама была женщиной современной. Наши комнаты были наполнены журналами «Семья и школа», и у меня сложилось впечатление, что воспитывала нас мама по рекомендациям этого журнала.

Еще помню длинные, зимние вечера и мамино завораживающее чтение взрослых книг (классики), которое мы любили слушать всей семьёй. Правда, семейное чтение было только в самом-самом начале моего детства, а потом, к сожалению, прекратилось.

Запомнился забавный эпизод. Приходит соседский Ванька, так звали брата той самой девочки, которая гладила угольным утюгом, и, обращаясь к маме (если мне в ту пору было лет 7-8, то ему, значит, лет 9-10), и, протягивая ей какую-то тряпичную вещичку, спрашивает:

- Александра Яковлевна, это не Вы забыли вчера в нашей бане трусы?

Ваня, услышав отрицательный ответ, исчез за дверью, а я удивилась, как его мать могла отправить мальчика со столь интимной женской вещицей. . . . Странно: неужели мы ходили мыться в баню к тете Анфисе, ведь у нас была своя баня?

- Что ж, оказывается, ходили, вспомнилось мне одно любопытное детское открытие в процессе мытья у соседей. Но, конечно, у нас появилась и своя баня. Отец построил. Причем, не как у всех, а «по-белому».

Всё у нас было не как у всех.

Отец уже был женат, а вокруг него, увлеченного техникой, возле нашего дома, по-прежнему собиралась молодежь, парни нашего села.

То, что отец увлечен техникой, было заметно везде: детали и запчасти различных машин можно было увидеть не только в гараже и во дворе. Ими был набит голубой деревянный диванчик, стоявший у входной двери в прихожей. Их можно было обнаружить даже в столешнице кухонного стола.

Да, отец любил возиться с техникой, однако самым примечательным и удивительным для меня было то, что отец трудился над созданием чертежа вечного двигателя (лат. *perpetuum mobile*), и, когда его закончил, то отправил в столицу. Ответ из Москвы не пришел, и отец, по-видимому, забыл о своей сверхценной идее. Или она приобрела другое направление?

Им овладела ревность. Его самолюбие было ранено словами матери: «Я не люблю тебя, Митя». Позже она мне говорила, что очень сожалеет о сказанном, так как эти слова повлекли за собой недоверие и подозрительность отца.

Никто из знающих отца не мог подумать и предположить, что такой приятный во всех отношениях человек, может быть тираном в своей семье.

Все его называли уважительно, только по имени и отчеству, не иначе, как Дмитрий Андреевич. Всё он мог, всё умел, во всём преуспевал – за какую бы работу ни брался. Если в колхозе не хватало комбайнеров, и его просили помочь в уборке урожая, то папа не отказывал и работал лето комбайнером. Если у киномеханика ломался движок в сельском клубе, то звали Дмитрия Андреевича, и он шел и быстро налаживал. Когда понадобился завмаг и продавец (в одном лице) в сельский магазин, он взялся и за это дело и успешно проработал там много лет.

Несколько лет отец трудился на колхозной пасеке. Пчеловодство – это искусство, которым в совершенстве владел папа.

Стояли и на нашем домашнем участке 2 или 3 маленьких домика на тоненьких ножках. Помогая отцу «смотреть пчел», наблюдала, как отец (в белом халате, с сеткой на голове, - только кисти рук были не прикрыты) вынимает из ульев рамки, облепленные пчелами, пускает небольшой дымок из дымаря, чтобы ушли с рамки пчелки-работнички, затем передает тяжелую рамку мне, чтобы отнесла в медогонку выкачать ароматный, темно-коричневый, гречишный мед...

С удовольствием вспоминаю, как девочкой-подростком бежала по огороду с водой и мокрым веником за вылетевшим из улья роем (молодой семьей, решившей отделиться от родительской семьи и жить самостоятельно) и брызгала на темную тучку пчел, чтобы не смогли от нас улететь. От воды им стало тяжело, и они опустились на изгородь. А отец, одевшись в белый халат, надев на голову сетку, с дымарем в руке, собрал аккуратно птичьим перышком пчел в роевню и исполнил их желание: разместил их в отдельном домике.

Один раз отец взял меня на рыбалку. Ранним-ранним утром, совсем сонная, шагала за отцом по краю огромного (любимого мной!) зеленого луга с желтыми лютиками. Затем мы шли вдоль речки, затем сели в моторную лодку, приехали в тихую заводь и поставили сети. Сети отец вязал сам. Ловил рыбу для семьи, и, чтобы угощать заезжих гостей, любивших, почему-то, его малосольных хариусов. Отец был радушным хозяином, а гости были не простые. Запомнились некоторые своими яркими историями да интересными судьбами.

Однажды отец заключил пари с кем-то из высокопоставленных людей, утверждая, что к ноябрьскому празднику сделает аэросани. Было очень интересно наблюдать, как рождалась эта чудо-машина на 3-ех огромных лыжах, с огромным деревянным винтом-пропеллером сзади корпуса, и с рулем впереди в застекленной кабине. Он собирал мотор,

вымачивал дерево, чтобы согнуть его в лыжи, выстругивал на верстаке доски для корпуса, и шлифовал наждаком лопасти пропеллера, чтобы дерево было нежным и гладким. И вот красавица-машина к указанному дню была готова, и он прокатил нас по заснеженному полю...

Отец многому научил меня.

У нас был огромный мотоцикл «ИЖ-49», мне было сложно им управлять, но он научил меня, семиклассницу, на нем кататься. Еще мы возили на этом мотоцикле воду с речки. Отец был за рулем, а я садилась на заднее сиденье с коромыслом и ведрами на плечах, и мы ехали на речку, набирали воды и привозили в баню. В доме была вода, отец сделал насос, чтобы качать воду из колодца, но она была жесткая, а отец любил мягкой водой умываться.

Мне было лет 15-16, когда у нас появился Запорожец и отец обучил меня вождению. Я, такая гордая, отвозила маму по утрам до паромной переправы на Бирюсе, а вечером приезжала к парому, чтобы ее забрать (шли обычные летние курсы-семинары для учителей).

Отец научил меня стрельбе из мелкокалиберной винтовки, и, когда, учась в институте, я случайно приняла участие в соревновании по стрельбе, то заняла 2-ое место.

Мне нравилось, как он пел. Голос у него был не сильный, но мелодию выводил, верно, и пел душой, изливая свою грусть. Вот одна из его песен, которая звучит в моих воспоминаниях об отце: «Майскими короткими ночами, отгремев, закончились бои, где же вы теперь, друзья-однополчане, боевые спутники мои? . . .» Совсем юным он участвовал в войне, и вернулся контуженным.

Отец не курил, и я никогда не видела его пьяным.

Обычно он был чем-то занят, но однажды я застала его, сидящим на крыльце нашего дома, склонившим голову. Я

остановилась рядом, и мне послышалось, что душа его застонала. Я поняла, что ему было больно, очень больно: страдала его душа. Что у него не получалось в жизни? Какие свои тайные амбиции не удалось реализовать? Любил ли он маму, или ему просто хотелось, чтобы у него было всё самое лучшее? Ведь, он уезжал от нас, когда мы, дети, были совсем еще маленькими. В поисках своего счастья, или на заработки? Может быть, он искал женщину, которая бы ему подчинилась, восхищалась бы им, говорила бы ему, что он самый лучший на свете?

Оставив нас, отец работал по городам России фотографом. Через 2 года «из чужих краев» вернулся. (Понял, что такой женщины, как Саша, ему не найти? . . .) А мама в его отсутствие тянула-везла все это немалое хозяйство одна: корова, свинья, куры, огромный огород, а еще школа, тетрадки, дети. . .

Я считала и была уверена в том, что моя мама, как учительница, заслуживает награды. – Столько благодарностей выражали, разъехавшиеся по стране ее бывшие ученики.

Мама появилась в этой деревне не по своей воле.

Шла война, когда она окончила педагогическое училище, и была направлена на работу в райцентр. Но, когда она прибыла по назначению и пришла в районо оформлять документы, заведующий стал просить её уступить это место эвакуированной учительнице, предлагая другое.

- Недалеко от города. Всего в 6-ти километрах. Красивые места. – Приводил доводы зав. районо в пользу деревни с красивым названием Енисейка.

Маме очень-очень, ну совсем не хотелось ехать в деревню, не об этом она мечтала. Однако, будучи человеком мягким, интеллигентным, не уступить не смогла. Так она оказалась в этом селе, и местные парни сразу обратили внимание на стройную, сероглазую учительницу, с роскошными русыми

волосами. Особое усердие проявил папа. Он вечерами возникал на берегу реки, возле дома старой женщины Марии Чугуновой, у которой квартировала мама, и пел под окнами «серенады». Бабка Чугуниха, то и дело ей выговаривала:

-Сколько же ты будешь мучить парня, девонька?

А тут и Новый Год подоспел. Отец пригласил маму к родителям, чтобы отпраздновать вместе. Девушка согласилась просто отпраздновать, а на следующий день по селу пошли слухи, что учительница выходит замуж за Тимонова Дмитрия. Маме было неудобно противостоять такому наговору.

Был и другой парень в нее влюбленный, высокий, кареглазый Георгий, который, как потом выяснилось, пронес любовь к Саше через всю свою жизнь. Уходя в армию, просил-уговаривал маму выйти за него замуж, так как боялся, что она его не дождется.

Так и случилось: мама уступила настойчивым ухаживаниям отца и согласилась принять его предложение.

- Какой красивый у Вас муж. – Говорили моей маме женщины, впервые увидев моего отца.

Я же не видела, не находила красоты у отца: не высокий, худой, с тонким, не мужским голосом. Чем же тогда привлекал он женское внимание? Сейчас достала из альбома семейную фотографию, где на переднем плане сидят хорошенькая девочка лет 5-ти и семилетний смеющийся мальчуган с хулиганистыми глазами. В центре хмурая женщина - наша бабушка, Фекла Исаевна. А за ней мама, в глазах которой чувствуется какая-то устремленность – взгляд направлен в объектив, но смотрит будто далеко-далеко, а в лице какое-то напряжение (или упрямство?). – Совсем молодая женщина, но рука ее, лежавшая на плече моего брата, успела потерять девичье изящество: большая, натруженная - пальцы, как будто даже припухли от каждодневного нелегкого деревенского труда. И рядом с ней

отец. И лицо его, действительно, красиво и удивительно гармонично: выразительные, задумчивые глаза, высокий открытый лоб и красивая шапка вьющихся темных волос. Лицо узкое, как у его матери, и такой же грустный рот, как у нее. Только нос у моей бабушки строгий, чуть длинноватый, с едва заметной горбинкой, а у него совсем другой: небольшой, ровный, очень даже симпатичный нос, но мягких, точнее даже изящных очертаний. Я уверена, что по этой части лица можно судить о силе характера. Мне кажется, что отцу моему не хватало мужественности – именно той самой силы, которая бы не позволила обидеть более слабого.

Вот сейчас задумалась:

- Слабого ли? В физическом плане – да, слабее была мама, а в духовном?

Помню однажды он взял ремень и стал меня наказывать (классическим путем, разумеется). Было больно, но я молчала, не согласная с таким решением, считая свою провинность (да и провинность ли?) слишком уж мелкой для воздействия ремнем: ну пробежалась по морозу без пальто – ничего страшного. Но чем дольше я молчала, тем больше злости прибавлялось у отца.

Так, наверное, и с мамой: не получалось у него сломить ее дух, не просила она пощады, оскорбленная его грубыми, необоснованными обвинениями в ее изменах...

У мамы уже было двое детей, когда Георгий узнал, что Саша Белкина - его любовь, совсем несчастлива в браке. И он со своей сестрой передал маме записку, в которой снова умолял ее стать его женой, утверждал, что ее дети станут его детьми. Но у мамы не было к нему чувств. А к кому у нее были чувства, у нашей строгой, холодной мамы? (Нас-то она, я думаю, любила, но не помню, чтобы она обнимала, целовала или гладила по головке кого-то из моих братьев, меня или сестру.) Отцу вот тоже, сразу после замужества, заявила, что не любит его. Как

она объясняла потом: ей хотелось, чтобы он ее завоевывал. А получила совсем обратное. Отец стал ревнив и жесток после рождения 2-ого ребенка, то есть меня. И начались в нашей семье тяжелые времена. Иногда матери, схватив нас-малышей, удавалось сбежать от разъяренного отца, и мы прятались в темноте по задворкам.

Будучи ребенком, недоумевала, не могла понять, почему взрослые люди не могут остановить эту опасную для жизни беспощадную жестокость. Приезжали в гости родственники: дядя Гоша - мамин брат, мать мамы – баба Оля, тетя Дуся – сестра мамы, - узнавали нашу семейную историю и уезжали, никак не повлияв на ситуацию, оставляя нас незащищенными наедине с безумной, дикой силой.

Я поняла: всем не хватает любви. Отец надеялся получить это чувство от жены, а мама объясняла мне, что мечтала о рыцаре-муже, который будет ее завоевывать, доказывая тем самым, что ее любит. Я думаю, что мои родители в детстве недополучили родительской любви, не наполнились ею, чтобы потом могли ею поделиться с другими. А, если ребенок в детстве от родителей не получил безусловной любви, то сколько бы потом он ее ни получал, у него всегда будет оставаться в этом не насыщаемая потребность. Это можно сравнить с бездонным колодцем. И это будет продолжаться до тех пор, пока человек не научится давать себе это чувство сам. Мне было трудно принять это вычитанное из книги положение, но оно верно: "Когда нас будут любить? Когда мы получим защиту, заботу и любовь, которую мы так заслуживаем? – Мы получим всё это, когда начнем всё это давать себе".

Я достигла совершеннолетия, когда началась очередная сцена жестокости. На этот раз с ножом. Я знала, что мама боится именно ножа. Мне казалось, что лучше умереть, чем принимать такие унижения. Я больше не могла этого безобразия вынести и

бросилась на защиту матери. Отец отшвырнул меня с такой силой, что я летела через всю нашу длинную-длинную кухню. А он бросился за дверь и уехал на несколько дней на рыбалку.

В дни его отсутствия пыталась уговорить мать уехать, но она боялась, помня угрозы отца, что он её везде найдет. Я не понимала, как можно терпеть такое, меня возмущала ее жертвенность и покорность судьбе.

И всё-таки я смогла ее убедить. Мы что-то продали, чтобы были деньги на билеты в поезд, взяли младших детей, и уехали к тете Дусе, ее сестре. . .

Мама очень испугалась и побледнела, увидев в окно шагающего в дом отца. . .

Всё обошлось. Отец смог уговорить ее начать всё сначала, а мне заявил:

-Чтобы тебя, в моём доме, больше не было.

И они вернулись домой.

После этого случая отец маму больше не обижал, но тяжело стал болеть. Артериальное давление поднималось за пределами высокого. Врачи запрещали с таким давлением работать, а он продолжал ездить по делам в город. Затем обнаружился цирроз печени. Мама, как могла, ухаживала за ним: собирала и заваривала разные травы, топила часто (по его просьбе) баню, потому что в ней отец чувствовал себя легче, готовила то, что он просил. . .

Я жила за тысячи километров. Ждала ребенка. В ночь на 23-е апреля 1979-ого года мне приснился кошмарный сон, от которого я в ужасе проснулась. Через несколько дней пришло сообщение от мамы, что у отца случился инсульт, и он, не приходя в сознание, ушел из жизни. Ему было всего лишь 54.

Мне стали сниться какие-то нехорошие сны, связанные с отцом, но приехать навестить его могилу смогла лишь летом. На

кладбище поразила его фотография: мне казалось, что на лице его застыла боль... Мне стало жаль отца.

Могло ли повлиять разрушительное поведение моего отца на мой характер, мою судьбу? Почему мне так тяжело всё дается в жизни? Почему всё так нескладно? – Закончила не тот институт, о котором мечтала, вышла замуж за нелюбимого. . . Почему не смогла выйти замуж за любящего меня, предлагающего мне выйти за него замуж и, главное ведь, - любимого мной, человека? Почему не умею принимать подарки, которые иногда преподносит жизнь «на блюдечке с голубой каемочкой»? (Нет, не та норковая шуба, от которой я отказалась, чтобы не зависеть от того мужчины, - другое предложение, более для меня значимое и ценное, полученное от преподавателей в Новосибирском университете.) Да, я научилась выживать, нашла принципы, за которые можно хвататься, чтобы оставаться «на плаву», но научилась ли я быть счастливой?

В народе говорят, что если дочь похожа на отца, то она вырастет счастливой. А на кого похожа я?

Как-то на пароме, движущемуся через Бирюсу к городскому берегу, Мордовка (так все деревенские называли приезжую из Мордовии) беззастенчиво меня рассматривая, бросила три неграмотных слова:

- Вся Митькина лица.

Я не согласна с ее словами. Думаю, у меня другие черты лица. Наверное, отец стоял рядом, и ей хотелось ему угодить. Ведь, если я на него лицом похожа, значит, унаследовала и черты его характера. Мне бы этого не хотелось.

После посещения отца на кладбище, плохие сны перестали приходить ко мне.

В тот мой приезд запомнился вопрос мамы:

- В чем смысл жизни, доченька?

- Думаю в том, чтобы быть кому-то нужной. – Ответила я, немного подумав.

Сейчас я бы ответила по-другому. Я бы ответила словами из Библии, 2-ой заповедью: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя».

Я убеждена: «Люди, которые себя любят, по-настоящему способны любить других и позволять другим любить себя. Люди, которые ценят себя и имеют к себе уважение – это те, которые могут больше всего отдать, лучше всех помочь и давать лучшую любовь».

Вскоре после моего приезда к маме посватался представительный импозантный мужчина и увез ее в свой город. Я приезжала к ней из своей далекой северной столицы, и не узнавала. Интересная, жизнерадостная женщина, любящая и читающая наизусть стихи, обладающая отличным юмором. С ней можно было поговорить на любые темы.

Но мама была совершенно непрактичной женщиной. Они жили с Алексеем Яковлевичем, не зарегистрировав брак. Когда Яковлевич тяжело заболел, она преданно за ним ухаживала. Однако болезнь восторжествовала, и он ушел из жизни. Из Красноярска приехали его дети, забрали все отцовское, и предложили маме купить дом, в котором она столько лет прожила вместе с мужем (пусть, гражданским, но она же для него была не просто женщиной!).

Конечно же, дом она выкупила, и говорила, что все так и должно быть, но мне кажется, что у нее осталась все-таки на него обида, что он вовремя о ней не позаботился. И в этой ситуации мне хочется повторить слова, которые я долго не могла принять:

"Когда нас будут любить? Когда мы получим защиту, заботу и любовь, которую мы так заслуживаем? – Мы получим все это, когда начнем все это давать себе».

Последний раз я видела маму летом 2009 года, инсультом прикованную к постели. Я приехала ее выхаживать, и как могла, изливала на нее всю свою любовь и нежность. Мы говорили обо всем на свете. Она по-прежнему любила шутить, всё смеялась:

- Не хотят меня носить ноги молодые. . .

А я ухаживала за ней и любовалась: ее фигура сохранила гармонию линий...

Ей стало лучше. Перед моим отъездом мы даже смогли прогуляться недалеко от дома...

Через год моей мамы не стало.

Июнь, 2012.

БЕЛЫЙ СТЕРХ

... Белый журавль прочно вошел в якутский фольклор. Это одна из популярнейших и любимых народом птиц. Стерх слывет красивейшим в мире пернатых и занесен в Красную книгу.

Из личных наблюдений натуралиста-орнитолога

В. В. Антонова:

«... Увидеть танцующих белых журавлей – небывалый случай для натуралиста.... Мне было известно, что стерх очень осторожная птица и увидеть его вблизи вряд ли придется. Замаскировавшись в кустах, метрах в 250-300 от токовой площадки, я стал наблюдать. Мне хорошо были видны в

бинокль все участники спектакля. По одному по два торжественно выходят птицы на авансцену, крутятся, ногами длинными топчутся, крыльями помахивают. А другие, будто зрители, стоят, любуются, некоторые на одной ноге, и голос дружелюбно подают. И хлопают крыльями – аплодируют. Иногда выходило трио долговязых красавцев. Каждый скороговоркой, точно на флейте, звонко что-то проиграет, голову запрокинет и поклонится каким-то страстным стоном. И все в такт. Один артист даже умудрился камешек с земли схватить, грациозно подбросил его, на лету клювом поймал и тут же жизнерадостную тарантеллу отстучал. Представление тянулось не менее часа. Вдруг горнист заиграл отбой. Белые птицы сразу закончили игры, присмирели, сникли и стали по одной, по две разлетаться».

...Мужчина и женщина вышли из гостиницы «Белый стерх» города Якутска и направились на площадь, к остановке. Лара молчала. Игорь был уверен, что знает, о чем она думает, но все-таки спросил:

- О чем ты думаешь?

И оказался прав: Лара продолжала мучить себя вопросом: «Кому из врачей, после столь долгого обследования, можно поверить в диагноз дочери?» У ее десятилетней дочери после перенесенного заболевания на рентгеновском снимке легких были обнаружены какие-то точки. Лара обошла всех столичных светил республики, чтобы собрать необходимую информацию и докопаться до истины. Одной высокомерной женщиной - врачом в медицинском центре города было объявлено, как приговор: «У Вашей дочери рак или туберкулез». Другой специалист предположил, что это токсоплазмоз, и анализы дали положительный результат. Ларе очень хотелось поверить в 3-ю версию, услышанную в республиканской больнице от пожилого, спокойного, худощавого доктора с бородкой и оптимизмом в

ясных голубых глазах: «Лариса Сергеевна, уверяю Вас, что ничего страшного нет».

...Столько разных, противоречивых мнений сложилось, поэтому решено было отправить девочку в Санкт-Петербург на более тщательное обследование.

Но пока министерство ожидало вызова на обследование в северную столицу, волнение и страх за жизнь дочери не отпускали Лару.

Тревога Лары за жизнь дочери имела под собой и другое, особое основание.

...Задолго до болезни мужа Ларе приснился сон, исполнившийся наполовину. Молодой женщине приснилось, что неожиданно потерялся ее муж. Она бегала, кричала-звала, искала его по всему городу, но найти не смогла. Сон оказался пророческим: через два года муж тяжело заболел и умер. Во 2-ой части этого же сна снилось, что Лара теряет и дочь. Первая часть сна сбылась, поэтому Лара переживала - тревожилась за девочку.

Влюбленному Игорю очень хотелось помочь этой хрупкой женщине, хоть как-то облегчить груз ее проблем, которые свалились на Лару после смерти мужа. Но помогать ей было сложно. Ее независимость очерчивала вокруг нее непробиваемый щит-заслон, сквозь который трудно было пробиться. Почему женщине не хотелось полностью ему довериться? Игорь знал, что Лара с семилетним сыном и десятилетней дочерью живет в новой, трехкомнатной квартире, улучшенной планировки, но к себе в гости Лара его, почему-то, не приглашала.

Они познакомились в санатории-профилактории, где Лара работала администратором, а Игорь приехал отдохнуть, чтобы набраться сил для своей любимой науки. Вот уж совсем не

думал Игорь, что у этой жизнерадостной, красивой женщины есть какие-то проблемы.

Ухаживать Игорю пришлось долго...

Узнав, что Лара любит танцевать, пригласил ее на майский праздничный вечер в дом ученых, где он работал.

Игорь ждал Лару у входа в здание, чтобы провести ее через охрану. Лара появилась в назначенное время, как всегда, экстравагантная. Поднявшись в зал, он подвел её к сидевшим за празднично накрытым столом коллегам и представил им.

Эту прелестную незнакомку хотелось рассматривать: сиреневое трикотажное платье нежно очерчивало ее изящную точеную фигурку; тонкую талию подчеркивал плетеный белый ремешок, удачно сочетающийся с цветом ослепительно белых туфель на небольшой платформе, только-только входившей в моду.

Внимание женщин притягивала и необычная на шее молодой женщины подвеска в форме резного тонкого колечка, внутри которого на длинных серебристых лапках висел аметистовый паук. В густых роскошных каштановых волосах красовалась крошечная серебряная заколка. Лара казалась легкой и беззаботной: бледное, приветливое лицо, улыбочивые губы... Однако, серо-синие глаза темнели непонятно, что-то скрывали. Ларе явно не хотелось, чтобы увидели другие, что ею что-то управляет, может быть, печаль, а, может быть, тревога или боль...

Незнакомку усиленно разглядывали еще и потому, что все, сидящие за столом знали, что Игорь женат. Правда, жена вот уже два года жила в Москве, ухаживая за болеющей матерью Игоря. Неизвестно, как его супруга умудрялась выдерживать трудный, властный - авторитарно-напряженный характер его матери. Возможно, женщину удерживал тот факт, что в Санкт-

Петербуржском институте учились их с Игорем дочери, и ей хотелось быть к ним поближе...

В празднично украшенном зале звучала музыка, и после выпитого бокала вина Игорь пригласил Лару танцевать. Мужчина стройный, плотного телосложения, с правильными чертами лица, умными голубыми глазами, обычный зануда, - раскрылся вдруг в танце. Возможно, выпитый бокал помог раскрепоститься, а, может быть, влюбленность в Лару вдохновила: Игорь двигался смело и ловко – импровизировал, увлекая в сложные, красивые «па» гибкую партнершу...

Закончилась мелодия, и Игорь проводил Лару к столу.

Танец, по-видимому, впечатлил сидящих за столом. Кто-то из коллег Игоря предложил тост:

- Давайте выпьем за дивный танец, в котором слились воедино изящество, и Красота, и Сила!

Этот удивительный танец Игоря покориł и Лару...

Почти забыт был тот майский праздничный вечер. Вернулась из Москвы жена Игоря, поэтому влюбленным пришлось встречаться в столичной гостинице «Белый стерх», куда изредка соглашалась приехать Лара.

И вот они стояли на остановке. Лара, как всегда, торопилась домой, к детям, а Игорю совсем не хотелось с ней расставаться, но он не знал, как ее удержать. Такая хрупкая, как девчонка, и двое детей, о которых она так печется, только они одни у нее всегда на уме, а простых вещей жизни иногда не понимает ... Игорь думал, что предпринять, как разорвать этот круг Лариной независимости и приблизиться к этой женщине. А может быть, ему неосознанно хотелось, чтобы кто-то за него решил задачу создавшегося треугольника? Так или иначе, но он решил:

- Пойдем к нам, - предложил он.

Лара молчала, думая о своем. Она слышала слова Игоря, но четко-ясно не осознавала сказанного.

- Пойдем. – Повторил он свое приглашение более настойчиво.

- Ну, да, можно пойти, - произнесла она тихо и медленно, почувствовав согласие из своего всего того отчаянно-горького, что творилось в её душе.

Лара не помнила ту короткую дорогу до их дома, не помнила, как именно он представил ее своей жене. Лару лишь очень удивило, успокоило и запомнилось то тепло, которое исходило от высокого пикнического телосложения женщины - жены Игоря - Ларисы (имена оказались одинаковыми), которая быстро накрыла на стол. От выпитого вина Ларе стало легче. Они о чем-то поговорили, точнее, перекинулись несколькими словами..., и Лара заторопилась домой. Игорь проводил ее до остановки...

Жена Игоря была юристом и вела частную практику.

А Лара через некоторое время попала в неприятную житейскую историю, и со своим юношеским максимализмом не могла понять, почему она в сделке со своим дачным участком потерпела ущерб, и на нее же был подан иск.

Лариса вызвалась помочь Ларе. Автором иска, как выяснила Лариса, оказалась истерическая женщина, не желающая решать дело никаким другим способом, кроме суда, желательно устрашающего и карающего для Лары. С помощью Ларисы суд быстро решил не существенную проблему.

После заседания суда вышли вместе, втроем: Лара, Игорь и Лариса. Так и шли: женщины по краям, а Игорь в середине. Лара была очень благодарна друзьям, особенно Ларисе за поддержку. Затем дороги расходились. Лара еще раз обратилась к ним с теплыми благодарными словами, и, попрощавшись, свернула с общей дороги, быстрыми шагами направилась к своей остановке.

Лариса продолжила путь к своему дому. Игорь же остановился в смятении, не решаясь последовать за Ларой. - Ведь Лара, побывавшая у них в гостях однажды, строго и непоколебимо объяснила ему еще тогда, что не может продолжать с ним прежние близкие отношения, познакомившись с его необыкновенно-мудрой женой.

Лариса, обернувшись, увидела своего стоявшего в нерешительности, колеблющегося мужа, вернулась к нему, обняла и повела его за собой. И они пошли вместе...

Ох уж это сладкое и заманчивое слово «вместе», недостижимое для многих женщин в России. Скольких одиноких женщин сводит оно с ума... Однако, замуж выйти достаточно просто, но найти своего, родственного душой человека сложно. Мужчины делали предложения Ларе, но она хорошо помнила русскую пословицу: «Замуж-то выйти - не напасть, как бы замужем не пропасть!»

... Самое интересное, что спустя некоторое время правым относительно диагноза дочери, оказался именно этот спокойный худощавый доктор с ясными глазами. Научной медициной Санкт-Петербурга было определено, что очень редко (этот был 2-ой случай в их практике) встречается такой вот необычный срез сосудов, который выглядит непонятными точками на рентгеновском снимке.

2011г.

ЧТОБЫ С ПРОШЛЫМ РАССТАТЬСЯ, НАДО С НИМ ВСТРЕТИТЬСЯ

Юноша плотного телосложения, брюнет, да еще к тому же дочерна загорелый, стоял на летней танцплощадке, окруженный девушками, и увлеченно о чем-то рассказывал.

- Черный Принц. – Мелькнуло в моей голове, и я, почему-то, сразу влюбилась.

Второй раз я его увидела уже зимой, в Доме Культуры, куда мы, студентки-четвертого курса педагогического училища, пришли потанцевать. Черный Принц пригласил танцевать девушку, которую, почему-то, парни всегда приглашали. Не стояла она никогда в сторонке, на каждый танец тут же находился партнер.

Я стала рассматривать незнакомку, чтобы понять, в чем ее притягательность. Если разбирать по отдельности, то у нее были совсем некрасивые черты лица: широкий нос, огромный рот, да еще подчеркнутый красной помадой. Но эти неправильные черты были не то, что незаметны, они казались интересными, особенным и, так как эта особенность исходила-светилась изнутри, из души этой девушки. Девушка была, как талантливое полотно в музее, от которого невозможно было оторваться, хотелось вглядываться, чтобы разгадать его волнующую тайну. Бледное лицо, темно- каштановые волосы, карие глаза, широкий нос и большой рот, подчеркнутый яркой помадой. Ну вот: некрасивые черты лица, но было в ней-то самое главное и важное, что притягивает мужчин – загадка. Таинственность, пожалуй, заключалась в том, с каким достоинством она держалась. Я помню, с каким восхищением за ней однажды наблюдала (я шла по другой стороне улицы), когда она несла посылку, которую получила, наверное, из дома, от родителей. Она так величаво несла свою (И посылку тоже! Но про посылку я тут же забыла.) свою собственную персону, так величественно ступала..., словно она и есть то самое драгоценное сокровище, которым следует, не устывая восхищаться. Я так не умела себя носить, к сожалению... Позже я узнала, что эта девушка учится в медицинском училище.

В этом городке было два женских (мед. и пед.) учебных заведения и, к огорчению девушек, только одно мужское - техникум механизации. Учились, конечно, и там девушки, но их были единицы. Юные студентки девичьих училищ любили ходить на вечера, организованные в этом техникуме. Там всегда много интересного было напридумано, и продумано всё до мелочей: не просто танцы, а ещё и конкурсы, почта, по которой можно было получить или отправить записку-письмо любому понравившемуся тебе на таком замечательном вечере человеку. А главное, пожалуй, было много замечательных парней. И девчонки, конечно, же, стремились достать билеты на такие вечера, но не всегда удавалось. Слишком много было желающих...

Однажды и наше педучилище подготовило праздничный вечер и отправило пригласительные билеты в техникум механизации. Ребята, конечно же, пришли.

Вечер начался с концерта, на котором блистала Любочка - девушка с восточным разрезом глаз, грациозной фигуркой (в черном трико на сцене это было особенно очевидно) и великолепными гимнастическими номерами. Девчонки рассказывали, будто, директор училища сказал однажды, что Любочка - самая красивая девочка в нашем училище...

После концерта начались танцы.

Зазвучала мелодия, на танцевальном круге появились первые пары, и я увидела, как на другой стороне зала Черный Принц не спеша направился к Любочке, но пригласить ее не успел, его опередил Володя Смирнов - парень из нашей группы, известный в училище своими стихами, давно влюбленный в Любочку-Любу. Черный Принц остановился и обвел взглядом зал. Меня нельзя было не заметить, - я была в красном платье.

И он направился через весь зал(!) ко мне.

От радости и счастья, что Принц рядом и даже держит меня в танце, - захватывало дух. И меня вдруг охватило веселое настроение-вдохновение. (Говорят, чтобы понравиться достойному мужчине, надо показать, что Вы особенная). И я очень старалась: он что-то спрашивал, а я отвечала - несла в ответ какую-то затейливую белиберду... Или «умная беседа» подействовала, или я была неотразимой в своей влюбленности,

Принц протанцевал со мной весь вечер и проводил домой. Возле общежития спросил:

- Когда мы в следующий раз встретимся?

И в последующие встречи-прогулки он всегда так спрашивал, и я всегда спокойно отвечала:

-Через неделю.

Сжимаясь от страха, что придется без него просуществовать целую неделю, я намеренно «торговалась» за каждый день, оттягивая день свидания, вспоминая слова великого Ларошфуко: «Нет вернее средства, разжечь в другом страсть, чем самому хранить холод». (Я собирала – коллекционировала изречения великих. В них было средоточие самой сути, великий смысл, а мне хотелось постичь-понять, докопаться, что же такое есть Истина нашей жизни. И я её искала у мудрецов).

Да, торговалась, однако, дома, точнее, в комнате нашего студенческого общежития, делясь радостью с девчонками, ставшими для меня родными, я страдала всякий раз от появившейся страшной мысли, что больше он (после моего продуманного «холода») не будет меня провожать.

Но мы продолжали встречаться.

Пришла весна. Открылась летняя танцевальная площадка в парке. Мы с Черным Принцем гуляли по тропинкам, и так увлеклись общением, что не заметили, как сгустились сумерки и перешли в ночную тьму. Когда поняли-обнаружили, что не

звучит уже музыка, предлагающая исполнить танец, направились к выходу. Однако, парк, обнесенный высоким забором, был заперт.

«Какое счастье!»- Подумалось мне: я вместе с Принцем могу пробыть, рядом, еще целую ночь. И мы совсем-совсем одни. Но Черному Принцу, почему-то, непременно хотелось найти выход из этой сложившейся ситуации. И он его нашел. Наверное, ради находящейся рядом взбалмошной девчонки.

... Закончился наш курс. Были сданы экзамены. На выпускной бал я пригласила Черного Принца. Вот после этого бала Принц и поцеловал меня 1-ый раз. Поцелуй этот меня особо не впечатлил. (Зато поцелуй, который последовал, когда нам было уже по 19, подействовал на меня опьяняюще и запомнился на всю жизнь!). А в то время меня волновало и беспокоило другое. Я уезжала из этого городка, получив специальность, а Принц оставался еще на целый год учебы и развлечений...

...Стали приходить от него письма.

Бурно Марк

ВОЛОСАТОЕ СЕРДЦЕ

Рассказ

Александр не сдал экзамен по пропедевтике внутренних болезней: не знал, какие сосуды отходят от сердца. Разрешили пересдать. Выучил эти сосуды и даже где какие клапаны. На повторном экзамене стал сразу рассказывать об этом.

- Ладно, сказал профессор. – Теперь вы это знаете. А вот что такое «волосатое сердце»?

Александр стал рассматривать белую пуговицу на белом профессорском халате. В ней было четыре дырки. Потом заикаясь, растягивая слова, попытался что-то сказать, но,

заметив, как недовольно морщится профессор, тут же робкой скороговоркой принялся рассказывать снова о сосудах с клапанами.

Профессор поставил в зачётку тройку и отрешённо посмотрел в сторону. Александр встал, потянул к себе зачётку и вышел из кабинета профессора.

Кивком отвечая на приветствия знакомых больных, спустился по мраморной лестнице в вестибюль клиники. Медленно, обретая достоинство, снял белый халат, аккуратно свернул и положил в свою кожаную широкую папку, где лежал учебник, и вышел в парк. Здесь, на свежем воздухе, посмотрев на пасмурное небо, на берёзы, скамейки, почувствовал, наконец, по-настоящему, какая гора свалилась с плеч. Каждый экзамен сдавал он со второго, а то и с третьего захода. Сегодня сдан последний за третий курс мединститута. Всё-таки у него сейчас наслаждения побольше, нежели у какого-нибудь отличника. Сколько позади бессонных ночей, разгневанных профессорских физиономий. Тревога, что выгонят из института. Чем тяжелее битва, тем слаще победа.

Вечером Александр пошёл в ресторан. Пил коньяк из маленькой удлинённой рюмки, ел цыплёнка. Посматривая вокруг захмелевшими благодушными глазами, подумывал: «Ну что ж, я заслужил это».

Решив подработать в каникулы, он устроился в приёмную комиссию своего института. Вспомнил, как сам в тревоге сюда поступал, как дважды проваливался на приёмных экзаменах.

Сначала он сидел за столом в большом зале института и принимал документы от желающих стать студентами-медиками, как он сам. К нему была очередь. С охотой рассматривал этих несчастных с высоты своего студенчества. Спрашивал:

- Хотите учиться в нашем вузе? Ну-ну! Без рабочего стажа? И в армии не служили? Э-э!.. Что же, пробуйте, пробуйте! Следующ...

Он мог беседовать так без усталости много часов. В тоне его голоса было такое, будто мог что-то изменить в их судьбе. Мог бы не принять документы или взять в институт без экзаменов. В эти дни Александр носил только свежие белые сорочки, которых у него было две, и китайский галстук с яркими цветами и птицами, который был у него один. Мать-уборщица, с которой они жили вместе в комнатке в коммунальной квартире, стирала ему каждый день белую сорочку, радуясь тому, что сын уже почти врач.

Начались конкурсные экзамены. Поначалу абитуриенты писали в лекционной аудитории сочинение. У доски за столом сидели экзаменаторы. От стола к высоким окнам рядами поднимались скамьи, на которых сидели писавшие сочинение.

Поскрипывая зеркально вычищенными ботинками, Александр ходил вверх и вниз между рядами скамеек, наблюдал за абитуриентами. Был строгий приказ за шпаргалку удалять с экзамена. Но пока как будто бы никто не списывал. Сунув руки в карманы, Александр слушал, как совсем по-другому, нежели его новые ботинки, скрипят перья. Смотрел с волнением на золотые причёски девушек, на обнажённые девичьи шеи и руки. Ребят мало. В основном солдаты. «Ну-ну, - думал Александр, - узнаете, солдатухи, какво учиться анатомии». Рассматривая сержанта с чёрными, свисающими по бокам, усами, размышлял: «Небось в армии готовиться к экзаменам не особенно давали, не знаешь, что нужно писать». Но сержант быстро что-то писал. Александр подкрался сзади. В кулаке у сержанта белела шпаргалка. Александра охватил азарт. Одно слово... Нет, девять слов – и сержант вернётся в часть. Нужно сказать: «Молодой человек, передайте мне ваше сочинение и ваши шпаргалки». Но

кулак со шпиргалкой был уж очень крупный и с чёрными ногтями. Александр отошёл. Как несправедливо, что бычья сила ещё порою стоит над разумом. Если бы какая девушка... Как они, эти кокетки, до сих пор насмеваются над ним! Но здесь он выше их, здесь они у него в руках. Какая нежная шея! Таковую бы повёл в ресторан... Видно сразу из школы. Отличница. И ведь поступит! А он после школы два года вкалывал санитаром. Александр вдруг заметил, что и она списывает. Так умело, невинно...с голубой ленточки в руке. Целый моток ленточки. Подкрался. Да разве это честно – списывать, когда другие пишут из головы. Не, так дело не пойдёт. Пусть придётся сказать не девять, а сколько получится – слов: «Девушка, передайте мне ваше сочинение и вашу голубую ленточку и покиньте аудиторию». Александр почувствовал, как всё вокруг него почему-то торжественно уменьшилось в размерах и отодвинулось. Скрипели перья. Положил руку на её плечо. Девушка вздрогнула. Александр почти не смотрел на неё. Небрежно, полузакрыв глаза, он произнёс ту самую фразу. Перья перестали скрипеть.

1961

Горелов Кирилл

В ЗООПАРКЕ

Кажется, это было совсем недавно... Когда я впервые был в Зоопарке. С Дедушкой. Помню радость, с которой ожидал предстоящую поездку. Помню, что очень хотел там *«посмотреть на обезьянок»*.

Лето. На небе ни облачка. И хотя в тени деревьев ощущается ещё утренняя прохлада, на открытых участках улицы уже ощутимо пригревает солнце. Теплым паром

поднимается от чёрного асфальта вода, оставленная прошедшей недавно поливальной машиной.

Впереди, кажется, жаркий, солнечный день. Мы с Дедушкой шагаем по светлой малолюдной улице окраины Москвы - по направлению «к метро», к ближайшей станции метрополитена. По пути Дедушка что-то рассказывает про Зоопарк, про природу, про животных, которых мы увидим.

- *Дедушка, Дедушка, а обезьяны там будут? А слонов мы увидим?* - с приятным волнением ещё крепче сжимаю, ещё сильнее раскачиваю большую, сильную, надежную Дедушкину руку... Ведь предстоит такое зрелище...

- *Конечно, будут...* - посмеивается он в ответ, продолжая, под твёрдый размеренный шаг, неспешно сообщать мне, улыбаясь, кого мы ещё увидим, всевозможные поучительные истории из жизни.

Ну, вот мы и в вестибюле Метро. По контрасту с уже отчётливо жаркой и душной атмосферой асфальтово-бетонных окрестностей станции, с домами, автомобилями, автобусными остановками, здесь приятный холодок. И необыкновенный «метровский» запах. Где-то вдалеке уже слышится гулкий шум и стук колёс подходящих и отъезжающих поездов.

А вот и ряд турникетов, на передней части которых, за матово – белыми стёклами, ярко и загадочно горят красные огни. Дедушка достает из необычного по форме, кожаного, «не такого как у папы и у мамы», толстого кошелька-монетницы и протягивает мне «пятак», чтобы я сам опустил его в прорезь автомата. Я люблю это делать, прислушиваясь к особенному звуку перемещения монеты внутри автомата, одновременно наблюдая за притягательной сменой разноцветных огней-сигналов турникета. Красные лампочки гаснут, загораются зеленые. Значит можно нам проходить дальше.

В вагоне поезда просторно, несмотря на утро обычного рабочего дня (просто шёл ещё, кажется, 1976 или 1977 год, и Москва пока «не знает «пробок»», не из автомобилей, не из людей). Выбрав понравившиеся свободные места, садимся. Едим. Поезд снова и снова, с гулом и свистом набирает скорость, потом тормозит. Одна станция сменяет другую, третью... *«Станция «Баррикадная», осторожно, двери закрываются, следующая станция...»* - наконец громко звучит с потрескиванием, помехами, объявление из динамиков вагона...

– *Выходим, Кирюша, это наша станция,* – бодро командует Дедушка. Длинный эскалатор. Улица.

Быстро покупаем входные билеты. Вот мы и в Зоопарке. Только что были в городе. И вдруг мы... словно «на природе», как будто в нашем любимом Кузьминском «лесу» или в «Кусково». Здесь есть, хоть и не такой большой, пруд с утками и лебедями, трава, цветы, деревья. Вот только ещё много клеток с необычными птицами, животными, из которых раздаются незнакомые звуки. Мы ходим по всей территории Зоопарка. Но долго не находим обезьян. Дедушка предлагает *«посмотреть пока этих птиц»*, *«какие они тут все необычные»*. Информативные таблицы - указатели «к обезьянам» есть, но обезьян мы не находим. Никто из посетителей также не знает, как нам помочь.

Дедушка достает из авоськи и аккуратно распаковывает свой любимый, надежный фотоаппарат «Зенит». Решает сфотографировать меня. Сначала у пруда с утками...

- *А вот ещё хороший кадр получится,* – говорит Дедушка. - *Давай-ка здесь сделаем, около тигра,* - указывая на скульптурную композицию. Теперь, в наши дни, к ней не подойдешь, вокруг разбит цветник, но дело ведь было *тогда...*

Дедушка фотографирует меня старательно, долго, *«по всем правилам»*. Следует стоять так, чтобы солнце освещало лицо, ни

в коем случае не *«против солнца»*, а то *«засветится пленка, кадр испортится»*. И *«не сбоку, а то будет тень»*.

Дедушка педантично выцеливает кадр, долго, очень долго наводит на резкость, торжественно - многозначительно приговаривая любимую фразу: *«Вот, остановись мгновенье...»*. Делает повторные, контрольные снимки, *«на всякий случай»*.

При этом от продолжительного ожидания, от яркого солнца, бьющего «по правилам» прямо в лицо, у меня уже начинают слезиться глаза. И неловко стоять в предложенной позе. Бронзовая грива, уши тигра больно упираются в руку, в бок, они уже очень горячие от солнца. А голой ноге (сегодня в шортах) неприятно холодно от шершавого гранитного камня, на котором установлена фигура тигра. Украдкой всё же пытаюсь хотя бы чуть - чуть отвернуться от яркого солнца, уж очень неудобно. И всё же улыбка полностью не сходит с лица, я всё же крайне рад, что, во-первых, *«я с Дедушкой»*. Ну и потом тому, что *«мы в Зоопарке»* и что *«скоро всё-таки найдем обезьянок»*.

Постепенно, от долгого хождения и от жары, начинаю уставать. Дедушка тоже, кажется, немного утомился, вытирает носовым платком пот со лба под белой кепкой. И, видимо, замечая мою вялость, предлагает отдохнуть, посидеть на лавочке, *«...надо нам найти... где-нибудь в тенёчке»*.

Сидя на лавочке в тени, мы съедаем по вкуснейшему, купленному неподалёку из передвижного холодного короба с «сухим льдом», мороженому в хрустящем стаканчике. Это... П л о м б и р. Даже слово, которым называется мороженое... вкусное. Надо только не забыть облизать изнутри круглую бумажную этикетку, которая приклеена сверху, а то на ней много мороженого остается, жалко выбрасывать. *«Только не бросай на землю... нехорошо, вон в урну брось... вот, молодец»*, - учит меня Дедушка.

Понемногу восстанавливаются, прибавляются силы. Но мельком уже притягательно вспоминается домашняя обстановка, где тень, тишина, обед на кухне, под тихий звук мелодии из однопрограммного радиоприемника, из радиоточки... а потом послеобеденный отдых. Лишь бы не пришел покурить одновременно на кухню папа и не поругался бы громко в очередной раз из-за этого с Дедушкой, считающим, что «никак нельзя курить при ребёнке» ... Я не понимаю, кто прав... Но папу побаиваюсь, крики очень не люблю, сигаретный дым тоже...

Но пока мы в Зоопарке. Наконец - то находим вольеры с обезьянами. Оказывается, они в другой части Зоопарка, отдельной части, на которую можно попасть, сначала выйдя из первой, в город. И потом, перейдя через пешеходный переход, через дорогу, в эту, вторую часть. В наши дни в этом месте построили надземный переход, выходить из Зоопарка и снова входить в него не приходится, узнал это, когда недавно был там снова.

Я долго разглядываю – изучаю обезьян разных видов, размеров, расцветок. «Грустных» и «веселых». «Спокойно-равнодушных», вальяжно отдыхающих в стороне или даже отвернувшихся к задней стенке клетки и «задиристых», гримасничающих, кажется, играющих не только друг с другом, но и с посетителями Зоопарка, дразня их.

- *Смотри, смотри, смотри, Дедушка!* - кричу я, завидев, как молодой самец обезьяны, видимо подросток, озорничая по-своему, по обезьяньему, повернувшись передом к людям и встав во весь рост у самых прутьев клетки, посылает длинную желтую струю в сторону любопытных посетителей... Дедушка не сразу понимает, в чём дело, но вскоре сориентировавшись, при помощи моих возгласов и активной жестикуляции, тоже смеётся и с неподдельным изумлением цокает языком,

приговаривая: *«Ты смотри, что делает, а, ты смотри,... скажите, пожалуйста?! Ну надо же?! Вот это д-а-а, надо же?!»*. Но вот смех и крики в толпе зрителей постепенно стихают. После небольшой паузы Дедушка сквозь улыбку с сожалением вздыхает: *«...Эх, не то уже зрение, что было раньше...»*. И снова, бодрым голосом обращается ко мне: *«Ну что, Кирюша, домой пойдём или ещё посмотрим?»*. Конечно, я хочу «ещё посмотреть».

Ходим здесь ещё долго... точнее, я тащу Дедушку за руку от клетки к клетке, туда – сюда, по длинному «обезьяньему ряду» Зоопарка. Я очень устал. Но... полон впечатлений и очень счастлив.

***

Кажется, что совсем недавно я впервые был в Зоопарке... Помню Дедушкину улыбку, его тёплый родной голос... Вот, с азартным прищуром он обращается ко мне вечером: *«Кирюша, а хочешь, мы с тобой завтра в Зоопарк поедем?»*.

И он ещё спрашивает? С Дедушкой? В зоопарк? Да куда угодно!

Таких и других, подобных, вопросов было много. А после, наши прогулки, путешествия. В Кузьминский «лес», в «Кусково», «на Клязьму», в музей, в картинную галерею, в Планетарий, на Красную площадь, в Кремль. Летом ещё «на качели», «купаться», «на лодках кататься», «удить рыбу», «делать воздушного змея», «пускать змея», зимой «на санках», «на лыжах кататься», «на горку»... А ещё через несколько лет, «математику вместе делать», «физикой заниматься», «русский язык готовить»... Всего и не перечислить.

- *А что это такое, Зоопарк, Дедушка?..* – И долгий вечерний разговор в его комнате, при свете зеленой настольной лампы... О Зоопарке, о животных и о многом другом. И уже

позже, засыпая ночью в своей кровати, всё грезятся и грезятся фантазии о том, какой он будет, завтра, этот Зоопарк...

Кажется, что совсем недавно я впервые был в Зоопарке... Но с тех пор, на самом деле, прошло уже немало лет, вот уже четыре десятка. И, несмотря на прошедшие годы, многое и многое помнится в мельчайших деталях - подробностях. Я благодарен Дедушке за эту и многие другие наши прогулки, за совместные дела. За всё время, проведенное вместе. За знания, которые он всё время пытался передать и передавал мне. За его любовь, теплоту и заботу, часто скрывающуюся за внешней сдержанностью, невозмутимостью, особенно при других людях.

02.07.2017г. - 05.02.2018г

Москва. Кузьминки.

Оригинал фотографии утерян. Это уже копия, сделанная мною позже, подростком, в 80-х годах, во время обучения мастерству фотографирования. Используя всё тот же легендарный Дедушкин фотоаппарат «Зенит», я

сфотографировал находящийся дома, за стеклом книжной полки, подлинный старый снимок 1976 года. Сам тогда проявил пленку, распечатал с помощью Фотоувеличителя данное изображение, по всем правилам, в темной комнате, с красной лампой. После ремонтов и разъездов в 1990 – х годах, оригинал снимка исчез, но я надеюсь, что он когда-нибудь отыщется в архивах членов семьи.

Фото №2. Сентябрь 1976г.

Фотоателье на Кузнецком мосту в Москве. С Дедушкой.
Когда прошло «то лето».

Захаров Николай

СТИХИ

Приходи ко мне на рассвете,
Озаренная солнцем ранним,
Красноватым и золотистым.
Приходи по траве росистой.

Приходи в тишине туманной,
Сохраняя молчание ночи,
Приходи в мои сновиденья
И глаза поцелуем открой.

*****

Вокруг тебя цветы,
И ты сама цветок.
Лепестками губ
Нежных слов поток.

Зеленые глаза
Средь листвы волос,
Если роза ты,
Есть шипы у роз.

С ногами дружны
Стебли гибких рук,
Чувственный нектар
Замыкает круг.

*****

Сумерки –
солнце теряется за горизонтом.
Его теплое дыхание
еще согревает розовеющие облака,
но земле его уже не хватает.
На траве, обделенной теплом,
появляются холодные слезы.

Сумерки –
Нерешительная луна
всматривается в небо,

кто-то неторопливо зажигает звезды...

Сумерки –
ноги теряют тропу...

Сумерки –
в слепоте ночи
наши руки больше не сомкнутся.

*****

Небо дарит Земле свои звезды,
и не просит их о возврате.
Сверкнув ненадолго в небе,
они превращаются в камни.

Небо дарит нам наши души.
Позволив им ненадолго
озарить нашу плоть,
оно снова забирает их себе.

*****

Тихий осенний вечер,
опустевший сад.
Слышно, как падают яблоки
с остывающих ветвей.

Слышно, как падают листья –
кленовые, покрытые тонким льдом,
особенно тяжелы.

Слышно, как падает первый снег
вперемешку с небесными льдинками.

Слышно, как падает мое сердце,
оторванное от тебя.

*****

В своем привычном,
Своем одиноком,
Немного трагичном,
Немного жестоком.
Таком типичном,
Таком однобоком,
Живешь без надежды
Изжить одинокость.

*****

Кто выдумал для нас все сущее?
Чье сущее действительно наше?
Какое сущее действительно наше?
В чем наша сущность?

Это становится понятным,
когда теряешь существенное.
Теряя самое существенное,
перестаешь существовать...

*****

И вновь печаль, как только стихнут звуки,
Умолкнут голоса, и потускнеет свет...
И вновь печаль, как только мир погаснет,
Где светлое – вопрос, а темное – ответ.

*****

Вижу отражение ночи в зеркале:
Среди огней – провалы темноты.
Вижу отражение собственных глаз в зеркале.

Вижу собственное отражение в своих глазах.
Вижу отражение настоящего.
Вижу собственное отражение в глазах настоящего.

Вижу отражение прошлого в своих глазах.
Вижу прошлое в настоящем.

Вижу отражение будущего в глазах настоящего –
Вижу пустоту.

*****

Разлуки тяжкий крест,
И вот мы снова вместе.
Как будто минул день,
Как будто снился сон.

Все так же и не так:
Одежды, дом, картины,
Любимые глаза,
Любимая ладонь.

Как будто та же ты,
И кажется не та ты.
Как будто ты – не ты,
И в то же время ты.

*****

Когда приходит это время,
Когда становится слишком поздно,

Когда останется только имя
И только память в душе тревожной,
Когда зима не растает весной,
Когда и время, и место пустое?

Когда иное приходит время,
Когда появится солнца лик,
И в небе птицы весенней крик,
Когда тревожное станет ложным,
А все желаемое возможным?

*****

Я бесконечно усталый.
Я бесконечно печальный.
Я бесконечно любимый.
Я бесконечно чужой.

*****

Что помнят цветы,
которые я тебе подарил,
в своем небытии?
Что помнишь ты,
столь далекая теперь?

*****

Ты от меня ускользаешь...
Близком теряешься в лете.
Ты от меня ускользаешь,
Дымкой ночной на рассвете.

Ты от меня ускользаешь
Нежным лучом закатным.
Ты от меня ускользаешь
Мгновением безвозвратным.

Ты от меня ускользаешь
Сквозь ребра,
Сквозь вены,
Сквозь пальцы...
Ты от меня ускользаешь,
А я не прошу остаться...

*****

Твои следы унесет ветер,
Твой голос станет эхом,
Твои поцелуи смоем вода,
Твой взгляд отдаст дымка времени...

Только прикосновение к душе моей
Останется неприкосновенным,
Твое прикосновение.

*****

Под знаком неизбежности
Тьма поглощает свет,
Под знаком неизбежности
Тьма уступает свету.

Под знаком неизбежности
Летящая звезда
Сгорает в атмосфере,
Влекомая планетой.

*****

Когда разлука неизбежна
Душа полна метелью снежной,
И каждый мученик разлуки

В мольбе возносит к небу руки,
И одиночества свинец
Ложится грузом меж сердец.

*****

You are far from me,
But you are near,
Because you are,
And you are dear.

*****

Каштан за моим окном как опахало поднимал и опускал свои ветви – крепкие, тяжелые многопальчатые веера. Они двигались мощно, уверенно и одновременно. Создавалось впечатление, что именно это и создает ветер, именно опахала этого дерева и других каштанов осуществляют важную задачу – вентилируют земное пространство. И как будто от них зависит работа мельниц, перемещение парусников и всего прочего, где ветер является движущей силой. Стоящая рядом береза лишь раскачивала вправо-влево своими ветвями, многочисленными тонкими косами, нерешительно, робко, вяло. Она, то ли хотела помочь каштану, то ли наоборот хотела ему помешать, внося в то же время линию изящества и женственности в происходящее.

*****

Каштан под моим окном:
Шапки снега на черных ветвях.

Каштан под моим окном:
Почки набухают.

Каштан под моим окном:
Новая листва – большими, плоскими пальцами.

Каштан под моим окном:
Плоды созревают – зеленые колючие шарики.

Каштан под моим окном:
Теряет сам себя –
Земля усеяна раскрывшимися плодами,
и, не сумевшими их удержать,
многочисленными ладонями
желто-коричневой листвы.

Каштан под моим окном:
Черный голый скелет.

Каштан под моим окном:
Шапки снега на черных ветвях.

Каштан под моим окном:
Год за годом...
Я за стеклом своего окна:
Жизнь проходит мимо.

*****

Кулик Владимир

ГОЛИЦЫНО

Голицыно находится рядом с заповедным уголком Подмосковья, усадьбой Большие Вязёмы и деревней Захарово. Это пушкинские места, где прошло детство поэта. Большие Вязёмы с XVI века были именем Бориса Годунова, где находится церковь Преображения со знаменитой, отдельно стоящей звонницей. Согласно преданию церковь в Больших Вязёмах была построена в один год с колокольной Ивана

Великого в Кремле, символизировало возвышение рода Годуновых.

Годунов приобрел известное село, которое стояло на Смоленской дороге. Тогда это был основной тракт в Москву, «тропинка» в Европу. Петр I, прорубивший в Европу «окно», подарил Большие Вязёмы своему воспитателю, князю Голицыну.

Усадебный дом переименован местными жителями в «дом Пиковой дамы», прототипом которой была княгиня Голицына, находящаяся в дальнем родстве с А.С. Пушкиным. Поэт в детстве часто бывал в этой усадьбе. Запоем он перечитывал огромную по тем временам библиотеку, сохранившуюся до сих пор. Большая часть книг в ней на французском языке. По сохранившейся березовой аллее, через рощу можно пройти пешком в пушкинское Захарово, следуя той же дорогой, что и поэт.

В детские, школьные годы я жил в Голицыно-2, рядом с Большими Вязёмами и Захаровым, но был лишь один раз в Больших Вязёмах по пути в поликлинику. Только спустя много лет я побывал с экскурсией в этих местах.

В деревне Захарово, стоя рядом с воссозданным домом, где провёл детство великий русский поэт и писатель, можно увидеть превосходный подмосковный пейзаж. Равнина сменяется холмами. Пруд с плотиной, где поэт учился плавать, за речкой село, с детьми из которого он играл, начав общаться на русском только с 6 лет. По вечерам в этом доме Арина Родионовна рассказывала своему воспитаннику сказки. Увидев эту панораму от пушкинского дома, думаешь, что здесь действительно мог зародиться великий русский поэт. Эта загадка как будто становится разгаданной.

Что может ещё объединять меня с великим русским поэтом помимо проживания в одних местах в детстве? Крещение в

одной купели, в Елоховском соборе, до возрождения Храма Христа Спасителя.

Через несколько километров по направлению к Москва-реке начинается «Русская Швейцария» со Звенигородом и Савино-Сторожевским монастырем, где холмы ещё больше и по сравнению с окрестными полями воспринимаются горами. В Звенигороде земским врачом работал другой русский писатель А.П. Чехов. Здесь мне тоже довелось поработать в том же качестве. Но это уже другая история.

ПИВКА ПОПИЛИ

Во время учебы в Ярославле я дружил со старостой нашей студенческой группы. Положительный парень, как говорится «кровь с молоком». Армейскую службу прошел в Таманской дивизии, в роте почетного караула. Встречал «лицом отчизны» всяческие делегации.

Привыкший к порядку он в институте сразу же занял начальственное место старосты. Проявил себя по общественной линии, стал командиром оперотряда института, а друзей, включая меня, привлек к службе в его рядах. Мы ходили мы по улицам как дружинники с повязками. Наводили порядок, проверяли в транспорте билеты, ловили пьяниц и сдавали их в органы милиции. По прошествии лет я понимаю, что наш заслуженный староста умел объединить людей не столько физически, сколько силой убеждения, своим примером и стремлением к справедливости.

Бывало, мы и сами собирались попить пивка. Энергичный Николай (так его звали) пригласил флегматичного школьного приятеля и меня к себе домой. Мы взяли трехлитровую банку разбавленного в ларьке пива и пошли к Николаю. Жил он с мамой в однокомнатной квартире. На первом этаже в

пятиэтажной «хрущевке», на «пятерке». Это название района по номеру трамвая, который по нему курсировал. Здесь же находился небезызвестный моторный завод, давший работу каждому второму мужчине, да и, по меньшей мере, каждой третьей женщине района, включая мать Николая.

Сидим на кухне. За окном весна, снег уже подтаял, щебечут воробушки, распускаются почки, а мы пьем пиво, душевно общаемся. На перекуры выходим подышать свежим воздухом на лестничную клетку. По мере опустошения банки настроение прибавляется все больше. Побочный эффект пива дал знать себя первым у хозяина квартиры. Направился он по делу. Шутка созрела следом. Мы его на защелку и закрыли. Были такие конструкции запоров, которые закрывались снаружи.

Николай почувствовал, что оказался в необычном положении, стал возмущаться, хотя и сам был не прочь шутить. А мы думаем, пусть посидит немного крупногабаритный парень в маленькой комнате. Вот повеселимся, когда он выйдет наружу.

Пошли покурить на лестничную площадку. Дымим, не торопимся, надо выдержать паузу. Дверь приоткрылась, в квартиру сигаретный дым пошел. Уже точно и не помню, кто из нас ее прихлопнул. У меня такое чувство, что это был друг Николая. Замок щелкнул. Тут мы и протрезвели. Через два часа с работы должна прийти мама Николая, а хозяин закрыт на замки за двумя дверями.

Попробовали дверь в квартиру отжать, но напрасно, наружный замок оказался крепким. Если только к соседям идти за слесарным инструментом, чтобы ее взломать, но спасибо за это нам, пожалуй, не скажут. Главное мама узнает, как ее талантливый сын с замечательными друзьями проводит свободное время. Оставался вариант идти на улицу к окнам и попробовать забраться на кухню через форточку. На улице

весна, после зимы кажется уже тепло, форточки приоткрыты. Считаю окошки, где должна быть кухня с недопитым пивом. Как будто третье. Надо лезть в форточку. Друг Николая невысокий, но плотный. Придется лезть мне, который похудее.

По оживленной улице едут машины, грохочут трамваи, идут прохожие, косясь в нашу сторону. Нам все еще смешно. Красочно представляем, как там нашему другу в тесной комнате. Подхожу к окошку, вскарабкиваюсь на карниз, примерившись, лезу в форточку. Половиной тела перевешиваюсь в квартиру, ноги еще на улице торчат, руками расчищаю место на подоконнике от банок с огурцами и вареньем. Друг стоит рядом, поддерживает морально. Приподнимаю от подоконника голову, вижу, на кухню заходит незнакомый мужчина. Один из тех работяг с соседнего моторного завода, что конопатят по сменам. Он смотрит на меня, наполовину торчащего в форточке. И ретируется.

Я тоже даю задний ход, застревая одеждой в форточке, с трудом все же вылезая в обратную сторону. Вдвоем, согнувшись пополам, мы тут же хохочем от души. Считаю окна дальше, значит следующее. Вновь оказываюсь на подоконнике, примериваюсь, открываю форточку, висю на окне. В этот момент отдергивается занавеска, и за ней оказывается тот же самый недоуменный мужчина с моторного завода, не отдохнувший после смены. Мы снова ошиблись. Слезая уже побыстрее. Здесь же, у окошка хохочем, схватившись за животы.

Едут машины, трамвая грохочут еще больше, прохожие уже озираются, а Николай сидит. В общем жизнь продолжается. Считаю окошки дальше, значит пятое. С третьей попытки привычным движением влезая на кухню и освобождаю пленника. Он просидел битый час в попытках вышибить по-советски открывающуюся во внутрь дверь.

Когда мы рассказывали, как было дело, Николай смеялся не меньше нашего. Особенно при описании лица человека, вошедшего на свою кухню и заставшего там картину висящего в форточке студента, выпившего полбанки разбавленного в ларьке пива. Время пролетело, вот-вот должна прийти с работы мама Николая. Нам ничего не оставалось, как, быстро убравшись, пойти гулять по весенней улице. А там щебечут птички, распускаются почки и светит солнце. Погода и расширившиеся от пива души требовали прогулки и продолжения банкета...

Магомедов Магомед

ЗАНАЧКА

(быль)

Если мы не успевали ответить биопсии сегодня, например, то приходили рано утром следующего дня на работу дабы ответить, поскольку биопсийного ответа ждали хирурги перед операцией и выписывающиеся больные для эпикриза. Это было долгом совести патологоанатома. Вот и я пришёл на работу (вместо 9 утра) к 7 часам. Странно было видеть бывшего заведующего в это же самое время на работе. - Что Георгий Васильевич, так рано на работе? Жена приставала с любовью или другая причина? - Да у тебя всё одно на уме, - буркнул "Жорик", как мы его шутя называли. Видно, было, что он злой и совсем не в духе. Было такое время как мы обозвали его временем "пышных" похорон, когда первые лица страны умирали друг за другом, кто по болезни, а кто по возрасту. Очередным главой государства стал Юрий Владимирович Андропов (бывший КГБ-шник). И пошла поехала (как это всегда бывает при новом руководителе) борьба с чем-нибудь, например, алкоголем. Наш "Жорик"- **хороший** по природе

человек, но имел слабость к "зелёному змию". Хотя, справедливости ради надо сказать, что Воронкин никогда не стоял неустойчиво на ногах и не валялся. Шеф же, (научный руководитель, профессор) будучи Секретарём Партбюро Института решил "от греха подальше" и перевёл Георгия Васильевича с заведования в рядовые врачи. А заведовал Воронкин все последние 33 года. На почве расстройства у него открылась кровоточащая язва желудка. **Любили** его в Институте. Еле спасли свои же институтские хирурги. - Я всю ночь, можно сказать, не спал. А ты?! Была на то причина, - выдавил-таки из себя Воронкин.

-Могу ли я чем помочь? - оставалось мне спросить доброго человека.

-Нет, дорогой, ничем ты мне не поможешь. Поезд ушел. И начал рассказывать причину своего расстройства. Вот что он мне сообщил. Прихожу, говорит, как всегда, после работы домой. Сразу в глаза бросилось дома, что мои любимые книги по классике без переплетов, отсутствуют на своём «законном» месте и вместо это-го в красивом переплёте какое-то подписное издание стоит на полке. Была такая мода не читать, а украшать мебель подписными изданиями. Спрашиваю жену: - Где мои книги? Она мне в ответ: - А я их выбросила на свалку в конце двора, они ведь портили весь вид квартиры. Я схватил своего фокстерьера и бросился к дверям с собачкой в руках. Жена издала вопль. -Я только что гуляла с ним! Собачка терпеть не могла жену и это выразилось её громким лаем. Говорю: - Собачка ещё хочет погулять. Мы с моим фокстерьером быстро вышли на улицу. Гляжу в сторону свалки, а там мусоровоз мне успел хвост показать. Мы долго гуляли с собачкой. Она умная и понимала, что я не в духе, потому и не рвалась домой. Вернулся, сам понимаешь, расстроенный. Представляешь, сколько я заведовал 33 года я работал на 1,5 ставки в Институте и

совмещал в больнице ВДНХ на 0,5 ставки. Жена, естественно, об этом не знала и не догадывалась (о совместительстве), потому как я зарплату с 1,5 ставок исправно до копейки приносил и отдавал ей ежемесячно. А деньги за совместительство я разменивал на купюры крупного достоинства и закладывал между листами старых своих книг. И так длилось все эти 33 года. Жена не брала в руки эти книги и вообще мало читала. Казалось бы, зачем брать в руки книги без переплёта. На что я и рассчитывал, делая свою заначку. Боже! Сколько же я заложил туда денег! Не то что "Волгу", а и "Чайку" можно было купить на эти деньги. Не мог же я жене сказать, что она выкинула. Теперь представь себе, как обрадуются Бомжи, которые живут на свалке. А ведь есть таковые. Показывали по телику. Разбивают шалаши и живут на этих мусорных свалках. А что им?! На свалке всё есть: и одежда, и еда. Их даже не хоронят, поскольку (умерших) съедают крысы. Как же Бомжам повезёт! И классику почитают и, главное - какие деньги халявные придут с доставкой. Аж завитки берут! "Жорик" мне доверял и всё рассказывал. Больше никому он и не рассказывал о случившемся. Сотрудники, единственно, заметили, что "Жорик" в расстроенных чувствах. А почему? Только я знал. "Разбалтываю" об этом, поскольку он давно умер, да и случай - то, сами видите, забавный.

КАПИТАН МОСКОВЧУК

(рассказ)

Я был начальником аптеки в полку в течение года. В следующее пополнение привезли фармацевта из Харькова Матвиенко, и я с большим облегчением сдал ему аптеку, а сам стал вести дwoякую службу т.е. служу старшим фельдшером полка и лаборантом: делаю анализы крови, мочи, кала, желудочного сока и прочего. Служу, короче, за двоих с условием,

что меня отпустят на курсы по подготовке в вуз. Был у нас такой уговор со старшим врачом полка.

В это же самое время ко мне в лабораторию приходит очень приятный дядька командир роты украинец капитан Московчук по собственной инициативе. Заявляет мне, что он в лабораторию армейского госпиталя сдаёт вот уже целый год кал по многу раз, а там яиц паразитов не находят. А ехать до госпиталя, как я знаю, это почти 1,5 часа. Он спокойно заявляет, что он чувствует в себе наличие паразита. Вы же видите какой я худой, а ем много. Я представил себе сколько же времени он потратил на эти пустые поиски, а яиц глистов не находят. Капитан мне очень понравился. Я говорю ему, что найти в кале яиц паразитов, это как в лотерею играть - вероятность 1/50 000. В медпункте я нашел кем-то забытый толстенный врачебный справочник 30-х годов, который меня в сложных ситуациях здорово выручал. Так в этом справочнике было написано, как искать яйца глист, наверняка и за один раз: собрать всю утреннюю порцию дерма в колбу с узким горлышком, смешать с гипертоническим раствором соли, разбить все комки стеклянной палочкой. Яйца глист, будучи легче гипертонического раствора соли, всплывают вверх. Собирать всё, что всплывёт проволочной петлей на отдельные предметные стёкла, накрывать покровными стёклами и исследовать микроскопически. Таким образом, за один раз можно обнаружить яйца глист. Это кропотливо и мерзко, но эффективно. Я дал капитану Московчуку 3-литровую колбу, предметные и покровные стёкла, проволочную петлю, стеклянную палочку. Наутро капитан аккуратно собрал всё, что всплыло, накрыл покровными стёклами и принёс мне. Я посадил его в лаборатории, попросил подождать минут 20, а сам взялся просматривать материал в микроскоп. Уже через 10 минут я обнаружил яйца свиного солитёра, и не одно, которые

показал также Московчуку. А капитан мне и говорит: "Ты обнаружил и прошу тебя изгнать его". При нём же я открыл справочник и читаю, что солитёра изгоняют экстрактом мужского папоротника. Я выписал ему рецепт, и он поехал в аптеку армейского госпиталя, привёз лекарство. Осталось только принять его как прописано и всё. Однако Московчуку надо было сидеть на ведре с тёплой водой, пока паразит полностью весь не выйдет. Капитан высрал этого паразита за час. Без преувеличения сказать, паразит занял полведра, а может и поболее. Оставалось самое трудное: просмотреть всего паразита чтобы найти его сколекс т.е. головку. Я взял два плоских пинцета и "выщедил" паразита через пинцеты. Это оказалось довольно кропотливым занятием. Сколекса не обнаружил - это значит, паразит снова вырастет. В справочнике было сказано, что необходимо сделать клизму с уксусом. Мы с начальником медпункта выписали рецепт и к Матвиенко в аптеку. Я знал, что уксус поступает в виде 33% эссенции. Когда же его используют, то к нему надо относиться как к 100% уксусу. На моё предупреждение, Матвиенко психанул и сказал, что он имеет образование фармацевтическое и мол нечего его учить. Ладно, не будем учить. Захожу в аптеку, а там сильнейший запах уксуса стоит. Говорю об этом Матвиенко. А он мне: "Что ты хочешь, раствор свежий и потому так пахнет". Я вылил раствор в кружку Эсмарха и в бокс, где лежал капитан. Я ввёл наконечник в анус и открыл краник. Буквально через 3-5 секунд, Московчук как заорёт: "Маго-медик, вынимай, всё горит внутри". Я сразу закрыл кран, понял что-то неладное и к начальнику медпункта Саламову. Он же сразу влетел в аптеку и кричит: "Дай соды, дурак!" На ходу разбавил соду в воде и мне даёт указание сделать через другую кружку Эсмарха клизму с содой. Как только я ввёл капитану раствор соды, он прекратил орать, но из задницы вышел "чулок" чего-то непонятного.

Гусейн сразу же вызвал санитарную машину, одел белый флаг с крестом на машину, и мы повезли капитана в армейский госпиталь. По радиации успели сообщить, что везём тяжёлого больного с ожогом толстой кишки уксусом. Там в госпитале тоже успели приготовить щелочной раствор. Привезли, нейтрализовали уксус щёлочью. А "чулок" вышедший из Московчука, оказался слущившейся слизистой толстой кишки, как врач госпиталя нам объяснил. Короче, Московчук пролежал в госпитале 3 месяца. Ему делали всевозможные лечебные и питательные клизмы. Мы с Гусейном, регулярно навещали капитана. Он пошёл на поправку, но продукты с наличием клетчатки совершенно есть не мог (например, капусту). Врач госпиталя уточнил сохранили ли мы рецепт и раствор уксуса. Естественно, что всё было сохранно. Тогда он стал уговаривать Московчука подать на Матвиенко в суд. Он отказался со словами: "Что я буду подавать на него в суд. Ну отнимут у него диплом, ну посадят, а пострадают же его родители. Я хохол, и он хохол - бог ему судья". Не стал капитан затевать судебную тяжбу. Он буквально не вылезал из санаториев со своей проблемой. Мучился бедный капитан по полной программе. Вскоре мы потеряли его из вида: кто демобилизовался, а кто и на повышение пошёл. А мне до сих пор капитана жалко.

Мы посчитали, какой же концентрации уксус нам приготовил Матвиенко. Оказалось, что крепость достигала столового уксуса. Этот нахал и неуч даже не извинился перед капитаном Московчуком. Носит же таких Земля.

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

(быль)

КАРИБСКИЙ КРИЗИС - термин политического и военного противостояния между Советским Союзом и Соединёнными

Штатами Америки в те далёкие годы октября 1962 года, которое было вызвано тайной переброской и размещением на Кубе ядерного оружия СССР под прикрытием сельскохозяйственной техники, перевозимой кораблями. КУБА - подумать только - на расстоянии видимости от США! Янки обнаружили наше оружие со спутников и потребовали вывезти оружие. Причём в ультимативной форме. Наш Никита Сергеевич Хрущёв ответную ноту протеста: дабы американцы вывезли тоже из Турции американские ракеты. Американцам ничего не оставалось делать. Наши страны находились буквально на грани ядерной войны. Президент Кеннеди (в прошлом офицер) был в ответе, естественно, перед гражданами США.

Что же касается солдат срочной службы, то 14 октября 1962 года начались 13 бессонных дней и ночей для них.

Хочу поведать то, что испытали "на своей шкуре" солдаты 1942 года рождения в это непростое время, пока шли политические разборки.

Итак, пройдя школу молодого бойца в Новороссийске (возле так называемой брежневской Малой земли), пройдя карантин в Дрездене (ГДР) и приняв аптеку у старшего лейтенанта Карсканова (армейские фамилии запоминаются на всю жизнь) родом из Киева, служил себе и служил ничего не подозревая о какой-то возможной атомной войне. И вдруг 14 октября вся катавасия и началась.

Все эти дни ворота полка были настеж раскрыты. Вся техника (156 машин и 33 танка) были, как говорится, на колесах и гусеницах. После объявления боевой тревоги мы должны были через 8 минут покинуть территорию полка. На ночь мы снимали только сапоги, широкие поясные ремни (кстати, из натуральной кожи), отстёгивали две верхние пуговицы на гимнастёрках и "спали" поверх одеял. Какой там сон?! Все 13 дней мы глаз не сомкнули. Всю ночь напролёт "травили"

анекдоты. Развлекали друг друга как могли и чем могли. Все ждали, как вы понимаете, атомного удара. Достаточно сказать, что на территории ГДР находилось 1,5млн наших войск (сведения от моего двоюродного брата Исаева Рашида, который служил писарем в штабе группы войск). Представляли себе атомный "гриб". Я представлял на макушке "гриба" дочь свою Ларису с протянутыми ручками, которую оставил 27-мидневную, когда меня забирали в армию. Её было очень жаль. О себе практически мало думал. Никто, кроме единичных придурков, надо это понимать, не спал в эти дни и ночи. У всех солдат мандраш. Вещмешки погружены в машины или танки. Я был обязан как начальник аптеки снабдить всех солдат (1300 человек) и офицеров индивидуальными перевязочными пакетами и шприцами-тюбиками с морфием. Солдаты и офицеры были обучены как ими пользоваться. Это на случай получения травмы - как обезболивающее (противошоковое). Днём мы несли службу. Никто не жаловался на желание спать. Правда, иногда просили, чаще офицеры, снотворное. Своей властью я отказывал. Все военные ходили бодрые, но с красными глазами - сказывалась бессонница. Эти дни меняли белье, но в баню не водили. Какая там баня?! если по тревоге надо было покинуть полк за 8 считанных минут. Оставалось только одеть сапоги, поясные ремни и застегнуть две верхние пуговицы гимнастерок. Мы квартировали в зданиях (казармах), принадлежавших в своё время СС. Немцы (местные) называли нас "шварцказарма", т.е. чёрная казарма (окраина Дрездена). Рядом находилась деревня Локвиц. Всё помню. Очко-то не железное! Как вспомню, так и до сих пор бросает в дрожь. Было ли страшно? Да, было, и очень - чего хорохориться?! Тем более, зачем-то ежедневно показывали эти дурацкие учебные фильмы с документальными кадрами атомного "гриба". Боялись все и без этих фильмов. Храбрецов не было и в помине. Как же не

хотелось умирать в 19 лет!!! Читатель меня не поймёт или почти не поймёт. Это надо испытать на себе. Но лучше не испытывать. Мой тесть, служивший на подводной лодке в Питере 5 лет в ходе ВОВ и 3 года после войны (по приказу Сталина) на мой вопрос: "Было ли страшно в войну?" - отвечал коротко и ясно: "Только психи не боялись смерти, а нормальные люди все боялись. Кому же охота умирать в молодости?"

Между СССР и США велись тяжёлые ультимативные переговоры. Оказывается США поместили свои ракеты у наших границ в Турции. Вот и наш Генеральный, который в своё время в своей косоворотке танцами развлекал Сталина, тоже ультимативно потребовал от США убрать свои ракеты из Турции. Куда деваться - янки убрали из Турции, а мы - под носом у США - из Кубы. И обстановка разрядилась

Когда кончились эти проклятые 13 дней, был вскрыт пакет дежурным по полку в присутствии командира полка полковника Ярцева с указанием задания нашему гвардейскому полку в случае войны. Я присутствовал при этом. Как не крути, всё же хоть маленький, но начальник аптеки. Оказывается наш полк через 48 часов должен был находиться на своём ходу у пролива Ламанш и ждать очередного задания. Во как!

Надо отдать должное полковнику Ярцеву - дал нам отоспаться после этих 13 дней. Это был настоящий "батя" для нас, а не полковник. В последствии он стал генерал-майором и ушёл от нас. Полковник Ярцев обожал медпункт полка и часто навещался к нам за тройчаткой в случае головной боли. Я при нём за 9 месяцев службы уже был старшим сержантом. Очередное звание - старшина. Следующий командир полка подполковник Орлов терпеть не мог медпункт. Считал нас сачками. Из-за этого так и не присвоил мне звание старшины. Хотя я принимал аптеку у старшего лейтенанта и должность у меня была по-новому старшинская. Я же продолжал получать

свои 45 дойчмарок в месяц. Присвоение звания было во власти командира полка. Я на это не обращал внимания и втихаря готовился к экзаменам в вуз. В армии свои порядки и свой в каком - то смысле беспредел.

БРЮШНЯК

(быль)

Брюшняка, так для удобства и краткости называю брюшной тиф - острое инфекционное заболевание, которое передается перорально т.е. через рот (воду, предметы быта). От человека к человеку может передаваться фекально-орально, через грязные руки.

Возбудителем брюшняка является бактерия сальмонелла тифа. **Симптомы** заболевания таковы: лихорадка, слабость, сыпь, увеличение печени, боль по ходу тонкой кишки (возле пупка), головная боль, и как нас учила, по личным наблюдениям, преподавательница по инфекционным болезням Нина Георгиевна классические "ножницы" т.е. отставание пульса от температуры. Это означает, что при подъёме температуры на 1 градус пульс должен учащаться на 10 ударов. А при брюшнике, этого не происходит. Даже в последних учебниках по инфекционным болезням этот феномен, как ни странно, не описан. Болезнь легко поддаётся **лечению**. **Летальность** (т.е. смертность) при брюшнике достигает всего 9%. Самыми коварными являются при брюшнике **бациллоносители**, т.е. люди, которые сами не болеют, но являются носителями инфекции (микробов).

Итак, всё происходит в том же ауле Усиша республики Дагестан. Поступил вызов к женщине с болями в животе. Явился, осмотрел всесторонне, исключил аппендицит. А что? На аскаридоз тоже не похоже. Температура 38 градусов, а пульс 60 в минуту, хотя должно быть больше. Получается "ножницы" т.е. отставание пульса от температуры. Как нас учила Нина

Георгиевна - один из признаков брюшного тифа. Катастрофа! Я немедленно позвонил главврачу района и сообщил ему это. Он лично приехал по моему вызову и отверг мой диагноз. Как фельдшер я пользовался авторитетом в районе, и главврач не мог не приехать по моему сигналу. Ни о каких "ножницах" он и слышать не слыхал и слушать не хотел. Короче - не согласился с моим диагнозом. Я начал лечить больную норсульфазолом. Ничего другого у меня и не было. У председателя сельсовета я взял чистую АМБАРНУЮ КНИГУ, размером листов А4. Написал на лицевой стороне обложки крупно БРЮШНОЙ ТИФ и стал наблюдать за больной. Записывал всё: температуру, пульс, кровяное давление, локализацию болей и прочее. Сыпи у неё не было. А когда появилась сыпь, я снова вызвал врача. Приехал уже эпидемиолог района. "отстань ты со своими "ножницами" и не баламуть" — вот его сказ. На сей раз я заставил его расписаться в графе ДИАГНОЗ НЕ ПОДТВЕРЖДЁН. Вызовы к больным в ауле продолжают. И у всех больных мужского и женского пола одна и та же клиническая картина. Я, будучи дотошным мужиком, заметил, что больные из одного и того же региона аула и пользуются они водой из одного и того же источника т.е. из родника, находящегося невдалеке от речки. Черпали воду каждый своим черпаком. Мне стало ещё ясно, что бациллоноситель живёт в макушке аула, где берёт начало речка, а больные жили в регионе низины аула. По их концентрации это легко было вычислить. Я ставлю диагнозы, вызываю из райцентра врачей, а они не подтверждают мои диагнозы. У меня побывали практически все врачи: и терапевты и хирурги и даже акушер-гинеколог. Все отвергают, а я упрямо ставлю свой диагноз. Заставляю расписаться в графе НЕ ПОДТВЕРЖДЁН. Сам же продолжаю лечить больных норсульфазолом. Подумать только, что на большой аул отпускалось 90 рублей в год на бесплатную медицину. Едва хватало этих 90 рублей на пере

вязочный материал. Правда, я добился увеличения этой суммы до 130 рублей перед призывом в армию. "Ты этими своими "ножницами" достал нас всех", - говорили врачи и смеялись над моими диагнозами. Нет чтобы прислушаться к фельдшеру. Как я полагал, диагнозы были обоснованы. Я же не придумывал это с потолка. Власть была не на моей стороне. Кстати, в медицине многое подвластно. Общее количество больных достигло внушительных цифр - т.е. 28 человек. Это уже настоящая эпидемия в масштабах аула. Главврач не хочет "светиться" в республике. Я так понял. А мне то что делать?! Я узнал, что один колхозник собирается лететь в Махачкалу на "кукурузнике", который летал из райцентра. Пошёл к нему и передал свою исписанную АМБАРНУЮ КНИГУ для передачи Нине Георгиевне с сопроводительным письмом, объяснив ему, как и где её найти. А письмо начал так: "Дорогая Нина Георгиевна, это Ваш любимый ученик, если вы меня ещё не забыли. Просмотрев эту тетрадь, Вы всё поймете, а врачи района меня не понимают и смеются надо мной. Не верят "ножницам", как Вы и говорили. Только председатель сельсовета меня понимает, а помочь ничем не может, сочувствует, а у меня в ауле настоящая эпидемия брюшного тифа. Одна надежда на Вас. Помогите". Не прошло и трёх дней как вдруг, минуя райцентр, приезжает санитарная машина старого образца с двумя врачами-лаборантами и лаборанткой-фельдшером прямо к сельсовету. Председатель сельсовета Омараев Сиражуттин обрадовался за меня и за общее дело. Быстро организовал 4 кровати, печку (уже было холодно) в сельсовете. Первым делом врачи-лаборанты меня спросили, какой источник я подозреваю и взяли пробу воды на посев. Вскоре посев дал положительный результат. Они привезли с собой медикаменты и стали лечить по-настоящему моих больных. Я помогал им чем мог. Мы с предсельсоветом дали

нужную посуду, керогаз (электричества у нас не было), они привезли с собой командировочные деньги. Нам оставалось в колхозе купить нужные продукты. Мы остались довольны друг другом. Стукачи донесли в район, что при сельсовете Усиша работают врачи-лаборанты и эпидемиолог без моего вызова приехал сам. Учинил мне скандал. Тогда врачи-лаборанты дали ему мою АМБАРНУЮ КНИГУ, где врачи района и в том числе он, отрицали мои диагнозы. Короче - заткнули ему рот. У моих больных врачи-лаборанты тоже взяли материал (кал), посеяли. Посев во всех случаях дал положительный результат. По совету врачей мы с Сиражуттином засыпали родник камнями, сверху забетонировали. Источник заразы был ликвидирован, и эпидемия остановилась. Как же я был рад! Единственно - бациллоноситель, неизвестный нам, остался гулять на свободе.

Сделав своё дело, врачи-лаборанты поспешили обратно в Махачкалу.

На этом дело не кончилось. Надо же мне отомстить за своевольную выходку. А как? Поместили карикатуру на меня в районной стенгазете будто у меня в ауле эпидемия брюшного тифа, а я видите-ли по воскресеньям охочусь на куропаток. Пришлось проглотить горькую незаслуженную пилюлю. И так случается в жизни.

Нестеров Савелий

СТИХИ

Осень, осень! Лист золотой,
Что летишь ты с дерева юного,
И луна дрожит на воде,
Ожидая утра грустного.
Только хочет сад уснуть над рекой.
Осень 2015

В Японии, когда я был мал,
Нарисовал индийский знак,
Но вдруг увидел я вопрос
Мне рассказала мама,
Что в книгах говорят о них
О знаках тайных.
8 января 2016

Весной, когда ты рядом,
Мерцает ангел на поляне
И Всё забыто, Всё светло.
Когда ты рвешься на покой
Вверх и вверх,
Пока луны ты не достанешь
И будешь счастлив на заре,
Когда луна уже зайдет.
И ночь прошла, потом и утро,
И только малый огонёк,
И только любишь всех на свете,
И только ты одна спокойна здесь,
Сидишь в замке одиноко.
21. 04. 2016

Сон.
Ты спишь, и все вокруг не спят как будто,
А только грустно почему?
Любуясь на мудрую луну
И забываю это, как просыпаюсь вдруг
И исчезают где-то.
И только лучик озорной
Сияет ночью где-то.
Но стойте, это огонёк,

Тобой люблюсь и забываю всё,
И страх, веселье и даже маленький денёк,
И забываю невинный островок. 21.04.2016

Панкова Ирина

ВРЕМЕНА ГОДА

Обо всём и ни о чём

Я не боюсь работы и усталости.
Всегда готов, коли случись оказия,
Но не приемлю лишь единой малости -
Стереотипного однообразия.

* * *

Жизнь бесконечна - так считает мозг,
Но организм ему противоречит,
И хоть врачи во мне чего-то лечат,
Я тихо таю, как горячий воск.

* * *

Мы, врачи, без сомнений считаем:
Все должны за здоровьем смотреть.
И притом у людей отбираем
Суверенное право на смерть.

* * *

Кругом сутяги и угодники.
Весь день безумный хоровод...
И лишь цветы на подоконнике
Мне добавляют кислород.

* * *

При жизни правды не найти,
Что в голове "царёвой" вертится ...

Народ-подлец, как ни крути,
К любому лидеру притерпится.

* * *

Я в уикенд лежу как изваяние
И созерцаю по ТиВи прогресс...
Но смыслообразующим деянием
Быть может только творческий процесс.

* * *

Любые конкурсы готов,
Ко всем экзаменам приучен,
Оставив хвори на потом,
Пока я с жизнью неразлучен.

* * *

Когда-то мы жили в неволе,
Свою паранойю плели.
Теперь все душевные хвори
Для нас формируются СМИ.

* * *

На граждан давно депутатам насрать.
Жиреют они год от года.
И нас принуждают теперь выбирать
Не слуг, а хозяев народа.

* * *

Мне уличный гомон не в радость,
От ближнего жду только гадость.
Я в силу своей депрессивности
Чураюсь любой экспрессивности.

* * *

Всё время чего-то хочется,
Всё время во что-то верится,
Всё время что-то пророчится...
А Планета всё вертится, вертится...

* * *

Шутила судьба и не очень удачно,
Мотая по весям России...
Прямая - увы! - не всегда однозначно
Короче ломаной линии.

* * *

Хмурое небо, дожди и ветра,
На сердце тоска и скука.
Где же то счастье, что было вчера?
Это всё осень - сука!

* * *

Как много нам открытий чудных
Уже не сделать никогда.
Творить с годами стало трудно,
А с памятью совсем беда.

* * *

Чем чаще думаю о вечном,
Хитросплетении бытия,
О нашей жизни скоротечной...
Тем больше хочется курить.

* * *

Ракетой ввысь душа летит,
Стремясь к высокому и светлому...
Но это разуму претит,
Поскольку выпить очень хочется.

* * *

Учу студентов и не всеу,
Что знать обязан эскулап.
Я гордо восхожу к трибуне
И им читаю свой StandUp.

* * *

Погрязли в лености своей,
Забыв о чести и морали.
И мы достойны тех "царей",
Которых и не выбирали.

* * *

Толкут в дебатах только воду.
Прёт глупостей накал.
Жаль, привлекателен народу,
Не ум, а лишь скандал.

* * *

Нашу жизнь понять - великий труд.
Все планеты строятся к параду...
В новостях нам постоянно врут,
А опровергают только правду.

* * *

И кто бы, что не говорил
Про идеалы, с умным видом.
Господь суть жизни наделил –
Борьбой мортидо и либидо.

* * *

С пожилыми осенью беда:
С дач, фазенд, как тараканы в дыры,
Переждать снега и холода
Старики сползаются в квартиры.

* * *

Весь белый день борясь со сном
И маясь от рутины,
Мечтаю с другом вечерком
Зарыться в "паутине".

* * *

Не рукотворно нашей жизни творчество.
И подводя итог в конце пути,

Мы говорим тогда про одиночество,
Когда за гробом некому идти.

* * *

Жить пытался отважно,
Честным быть и грешить.
Умереть мне не страшно,
Страшно больше не жить.

* * *

Душа спокойна, не волнуется,
Иссяк мой творческий запал.
И даже мысли не стихаются,
Наверно, всё и всем сказал.

* * *

Саркисов Армен

Из цикла «Приёмный покой»

ТЕРЕМОК

Рассказ

В больнице, как в поезде, – с кем только судьба не сведёт!
Довелось мне однажды делить палату с районным
зоотехником Завеном, армянином, который родился в наших
местах и прикипел к ним.

Третьим батюшку поместили: объезжал свою епархию
новый епископ, да прихворнул в дороге.

По утрам мы на анализы и всякие процедуры расходились.
Ну а уж вечера коротали вместе, за чаем.

Батюшка, как и положено по чину, держался с
достоинством, но был доброхотным, говорил с нами всегда на
равных, в наши немудрёные рассуждения вслушивался.
Обмолвился ненароком, что обращаться к нему следует не так,

как мы когда-то подхватили и привыкли, а по церковному обряду, то есть «ваше преосвященство» или, если попроще, – «владыко».

Не знаю, как Завен, а я со священником впервые рядышком сидел. В нашем селе церковь ещё к тридцатым годам порушили. Но и Завену, похоже, негде было поднатореть, и как мы ни старались, – всё на батюшку сбивались.

А батюшка, догадываюсь, нашу промашку подмечал, но виду не показывал. И уж совсем про звание забыл, когда заговорил о прихожанах, – всерьёз за дело своё переживал.

- Ослабела вера! Позабыли люди пастырское слово! Рассеялась паства! – сокрушался. – Заново народ собирать надо. Вот с этого, со слова пастырского и начну службу в здешних краях!

Ушёл в себя, призадумался.

- Одного слова маловато, пожалуй, будет, – взвесив сомненье, осторожно вставил Завен.

- Как же маловато?! – встрепенулся батюшка. – Со слова всё начинается! Издревле заведено: слово народ собирает!

- Собирает, верно, – гнул своё Завен. – Вон и колокол народ созывает. Только удержит ли? Чтобы народ удержать, сила нужна!

- А слово-то чем не сила?

- Вы же сами сказали, что забыли люди слово! Власть нужна, воля!

Батюшка на Завене взгляд задержал, внимательней в него взгляделся.

- А хотите, я вам сказку расскажу? – вдруг вспомнил Завен.

- Какую сказку?

- Про теремок!

- Кто ж эту сказку не знает! – улыбнулся батюшка.

- Сказка известная, – кивнул головой Завен. – Да вот дед мой по-своему её рассказывал. Хотите послушать?

- Что ж, – согласился батюшка и посмотрел на меня. – Охотно слушаем, правда?

А мне и самому интересно было.

И Завен стал рассказывать.

* * *

Жили-были старик со старухой. Долго и ладно жили. Но прошло время, овдовел старик. Один остался.

Дети разъехались – сыновьям, как водится, нехоженые тропы удачу сулят, дочерям достойные мужья опорой стали. Правда, звали с собой:

- Поедем, отец, с нами!

Но старик упёрся:

- Никуда не поеду! За домом приглядывать буду. А родные могилы кому поручу, на кого их оставлю?

Всё бы ничего, да опостылело жить дичком. Некому слово молвить, за стол усадить некого, – перевелись гости желанные. Крошит старик хлеб в миску с крупяной похлёбкой, а сам горько тужит: «Только моя старуха мастерица была так хаш варить, чтоб ни один волосок в него не попал!» А ведь хаша, известно, без шерстинки не бывает!

Совсем было руки опустил старик. А тут собака мимо бежала. Свистнул старик просто так, со скуки, – пёс преданно к его ногам приник.

Повеселел старик. Задрал голову, углядел в небе пару голубков, поманил:

- Слетайте ко мне во двор, вместе жить будем!

Выпросил у соседа хворого ягнёнка, – всё равно не жилец! – выходил. Славная овечка получилась!

На кизилковый побег из своего сада петуха выменял.

Тут и мышка в амбаре снова захлопотала.

А хитрый кот смекнул, что у старика ему сытно будет, – сам в дом напросился. Своего не упустит!

Вот такой теремок собрался.

Поначалу всё славно шло. Только считанное время спустя, уж и не припомнить, кто первый кому дорогу заступил. То ли кот собаке, то ли петух мышке. То ли овца вдруг возгордилась, что от неё одной прибыль в доме: и молоко для сыра, и шерсть на одеяло.

Все меж собой перецапались. Чего не поделили, и сами в толк не возьмут, но схлестнулись всерьёз: от их ора даже солнечный луч в ясный день коробило!

Совсем покой потерял старик! Просил, увещевал подоброму, – нет на них управы! Устал совестить, да и всякому терпению есть предел. Взял в сердцах палку, разогнал всех по своим углам, порядок навёл. Каждому занятие нашёл, к делу приставил. Тут уж не до гама, – к вечерней заре поспеть бы с работой!

С той поры мир в доме воцарился. Старик, правда, палку на виду держал, – мол, живи с оглядкой! – но без надобности: не было в теремке нерадивых, перевелись ленивцы. Крепко-накрепко помнили: безделье – всякого раздора исток.

Из голубей, между прочим, славные почтари получились, – наладились старику от детей весточки доставлять. А кот-балагур мастак оказался байками всех потешить, старика сказками баюкать.

* * *

Замолчал Завен, на нас с батюшкой посмотрел. А мы молчали. Вникали.

Наконец батюшка обронил:

- Занятно!

Помолчал, озаботился.

- Так вон, стало быть, как сказка обернулась! – сказал. И опять протянул:

- Занятно!

А мне верным представилось свои суждения и поступки со сказкой сверять. Ведь на каждый случай сказка сложена и припасена. Для всякой надобности сыщется.

*Москва,
26 декабря 2015 г.*

Из цикла «Приёмный покой»

ДУРА

В больнице давно притерпелись к хроническому некомплекту медперсонала. Уже и сёстры не ворчали, что их вечно выдёргивают из закреплённых за ними палат на внеочередные дежурства в те отделения, где рук не хватало.

А она даже обрадовалась, что наступил её черёд выходить в ночь по приёмному отделению, которое по-прежнему, как издавна повелось, называли покоем. В приёмном не так колготно, как у неё в хирургии, – особенно ночью, когда уляжется суета, больные разбредутся по палатам, врач завершит вечерний обход, а сёстры управятся с назначениями и процедурами. Вот тогда она устроится в смотровой, подстерегая неотложку, – всякое может случиться.

А чтобы в сон не клонило, станет плести из заготовленной марли шарики для операций и обработки ран. За привычной работой, за этим незатейливым рукоделием, вдруг и сумеет наконец разговориться, приоткроется и объяснится с матерью. Только вот что объяснять, если сама в себе растерялась, заплутала и запуталась.

...А началось всё неделю назад. В тот день они не справились с приступом панкреатита, потеряли парня, которому ещё жить бы да жить.

Вернулась домой, и как не таилась, – от матери разве укроешься! Бросила взгляд, заметила зарёванные глаза дочери и прорвало, – взвилась криком:

- Что, опять?! На этот-то раз что стряслось? Хватит! Достала! Терпения моего нет! Бросай ты эту работу! Уходи!

...На её памяти уходило немало. Бежали из здравоохранения, с государственной службы, недобрым словом поминая сирое существование, кабальные условия работы, нищенскую зарплату. Но пуще всего – уберегаясь, спасая душу, выгорающую в больнице, в затхлых палатах, где сами стены сочились страданием и болью своих стенающих постояльцев.

В медучилище, куда она пришла после школы, куратором группы был старый врач. Мог среди лекции, поймав себя на неожиданной мысли, умолкнуть, задуматься, а потом начать размышлять вслух, – будто с собой разговаривал:

- Учим вас... Из года в год, – вот прямо, как заклинание долдоним: чтоб понять, каково пациенту, прими его боль, как свою! Пропусти её через своё сердце!.. Раз пропустил, другой... Да у меня на приёме и по двадцать человек бывает! Поди, пропусти, не отстранись, – сам-то выживу, не поврежусь?! – Помолчал, хмуро уставившись в пол. – Нет, не тому учим! Как не очерстветь, а всё ж уберечься, заслониться от страдания? Трезвым рассудком сопереживать, – вот что нужно! Вы представьте хирурга, который оперирует, а сам корчится от боли!

- А как уберечься? – спросил кто-то из рядов.

- Не знаю! – обернулся на голос врач.

И вдруг обозлился, – на себя обозлился:

- Никто не знает! Потому и учить некому! Сами учитесь! У каждого свой опыт!

- Не по тебе эта работа! – мусолила мать. – Не своё живёшь, уходи! Живи своё!

И впрямь, – чего ж она-то не уходит? Боится остаться не у дел, совсем никому ненужной? – Может, и так... Работа нравится? – Призадумалась... Одно знала: случись жить заново, – не поступала бы в медучилище, – на другой раз сердца не хватит чужую боль сносить.

- Пятый десяток разменяла, а как была дурёхой, так и осталась! Ну чего молчишь?

А говорить-то она не мастерица. Вот оттого, видно, и прихватывало сердце, что пережитое лишь осаждала, не умея душу излить. Да и матери как перечить? Старая, еле ноги волочит, а тут ещё дочь-горемыка... Вот так и жили вдвоём, жалея друг дружку: одна – в крик, другая – молчком.

- Замуж тебе надо! – выдыхаясь, качала головой мать. – Ещё ведь не поздно! Ребёночка бы родила...

...Снаружи, на крыльце крепко затопали, – видно, с ног стряхивая грязь. Робко, коротко тренькнул звонок.

Поднялась, пошла отворять. Узкой щелью приоткрыла дверь, загораживая вход. На пороге стоял мужик. Вгляделась, – не было на лице страдания. «Не больной!», – решила.

Мужик помялся, суетливо шапку с головы сдёрнул.

- Здравствуйте! – неловко улыбнулся.

Не торопилась ответить, ждала, что дальше скажет.

- Вон как метёт! – кивнул мужик за плечо, на вьюгу и безо всякой надежды попросился: – Пустите, пожалуйста, а? Мне б только переждать...

Она посторонилась, пропуская. Мужик снова потоптался, чтобы не наследить, вошёл и тут же, в коридоре, присел на кушетку:

- Я вот тут посижу, можно?

- Сидишь ведь уже, – ответила и затворила дверь.

Мужик с облегчением притулился спиной к стене. А она к себе вернулась.

...А вот с мужем не получилось. Был человек, которого любила. Да только он в её сторону и не глядел, – на другую глаз положил.

- Ну, эта беда поправимая! – прознав, засмеялась подруга. – Всего-то делов! У нас ведь в посёлке бабушка-кудесница живёт. Любого навеки приворожит! К ней ходим!

На том и порешили. А накануне, перед тем как собраться, смятенно на душе стало. Ночь провела, не сомкнув глаз, а наутро наотрез отказалась чужой судьбе перечить, через чужую жизнь переступать.

- Дура! – ахнула подруга. – Ты что над собой сделала? Одиночество себе накликала? Не знаешь, что ли: с кем обручена, с тем и обречена!

Так и осталась одна, – сама по себе, как порой, вспоминая и оглядываясь, невесело подтрунивала.

...За окном забрезжило, когда из ординаторской на втором этаже спустился врач.

- Не спится чего-то... – сказал, подавляя зевок.

Полез в холодильник за газировкой, открыл бутылку, отхлебнул:

- Ух! В нос шибает!

Заметил сидевшего в коридоре мужика.

- А это кто? Больной?

- Да нет...

- А кто?

- Так...

Врач внимательно посмотрел на неё и подошёл к мужику.

- Что беспокоит, голубчик? – спросил, накинув на себя заученную манеру участия.

- Не-е... – смутился мужик, поспешно вскакивая перед врачом.

- Что? – не понял тот.

- Да я так!.. – совсем растерялся мужик, снова виновато улыбаясь. – Пойду я... Спасибо!

Он торопливо вышел, осторожно прикрыв за собой тяжёлую дверь.

- Не больной? – снова спросил врач, оборачиваясь к сестре.

- Нет.

- И ты впустила? Зачем?

- Мело там! – она кивнула в окно.

- А у нас здесь что, ночлежка?!

- Так ведь... – она осеклась, понимая, что и сейчас ничего не сумеет объяснить и оправдаться.

Врач недовольно пожал плечами и пошёл к себе.

- Дура! – уже в коридоре бормотнул он, – еле слышно, про себя.

Но она всё равно услышала. И тихонечко заплакала.

Москва,

26 декабря 2015 г.

Из цикла «Приёмный покой»

СКУДНЫЙ ЛЕКАРЬ

Хоронили сельского врача. Проститься с ним на больничный двор собралось всё село, от мала до велика: нет-нет, да и с ребяtnей на руках.

- У вас всех так хоронят? – шепнул я стоящей рядом медсестре.

- Как?

- Ну... всем селом, сходом...
- Да нет, – пожала она плечами.
- Видно, врач был хороший?
- А как же, хороший, – охотно согласилась она.
- Чем же хороший? – не отставал я.
- Ну... Хороший. – Она не знала, как объяснить.
- Может, умел всё лечить?
- Ну что вы! – отмахнулась медсестра. – У нас и электрокардиограмму снять – это уже в район. Да вы же сами видели!

Видел. Некогда замысленная в радости и надежде, построенная как просторная здравница-светёлка, ныне больница, даже оштукатуренная и побелённая, не могла скрыть своей обречённости, источала немощь и укор, навевала тоску. Окна левого крыла, покинутого за неимением средств на содержание и ремонт, были наглухо затворены ставнями. В правое втиснули приёмную-амбулаторию и единственную палату на две койки, то ли мужскую, то ли женскую, – видно, кому как повезёт! Была ещё одна конура на всё про всё: и лаборатория, и аптека с пустыми шкафами и полками, и санузел с проржавевшей эмалированной ванной... Всё! Как тут можно работать?!

Я и раньше был наслышан о старом враче, которого в райздраве принимали, скрепя сердце, зная заранее, что и этот его визит непременно закончится отчаянием, скандалом, угрозами найти – пусть даже в Кремле! – справедливость и управу на нерадивых чинуш.

Его очевидные и законные претензии покрыть было нечем. Сотрудники райздрава, сами пришибленные и обозлённые тем, что невозможно из тришкиного кафтана нашего здравоохранения выкроить ещё один лоскуток, чтобы залатать прорехи сельской больницы, с трудом придумывали вздорные

отговорки. И однажды недалёкий тщеславец в суетной, вздорной потуге соблюсти лицо, окрестил этого врача унижительным прозвищем – «скудный лекарь». Так и не стёрлось...

- Ты съезди, – отводя глаза, говорил главный врач райздравицы, получив известие о его смерти. – Мы и при жизни-то его не особо жаловали... Хоть похоронить по-человечески... Не по-людски всё как-то!..

Точно, не по-людски! Мне и самому было неловко.

- Давно он у вас? – снова шепнул я сестре.

- Лет сорок, а то и подольше, ещё до меня. Сразу после института приехал.

- И всё время один?

- А кто ж сюда по своей воле поедет! – удивилась она. – Была жена, да в город сбежала. Не приглянулось ей у нас.

- А как он жил? – всё допытывался я.

Сестра, раздосадованная моими расспросами, в сердцах отрезала наконец:

- Обыкновенно! Как люди живут!..

Она кольнула взглядом и отшагнула от меня, прикрывшись чьим-то плечом.

Вот как раз в это я не хотел верить. Ну не мог он жить обыкновенно, – как все! За долгие годы, за всю жизнь, проведённую здесь, он, конечно, приноровился к укладу и образу жизни сельчан, перенял их привычки. Смешался, но ведь не затерялся среди них! Ведь чем-то отличался, раз привлекал к себе, раз тянулись они к нему, – не иначе, как именно его совета и помощи искали.

Так чем же он заслужил по себе такую людскую память? Что умел, чем выделялся? Глубокими медицинскими познаниями? Но никогда не бывал он на наших научно-практических конференциях. И на курсах усовершенствования

врачей я его не встречал. Опытom и мастерством? А где здесь набраться умелости?

Нет, не разгадать мне его жизни!

Долгое безмолвие на больничном дворе так и не было нарушено. Я тоже молчал: врача я не знал, и мои слова были бы притворны и неуместны.

Наконец гроб поместили в грузовик с откинутыми бортами, который медленно, приноравливаясь к нашему шагу, попылился за село, к кладбищу. Мы растянулись следом.

Пришли в чахлый лесок, скучились меж ветхих крестов на могилах и редких обелисков с жестяными красными звёздами, – уцелевшим в войне и умершим от старости здесь, дома, солдатам.

У вырытого накануне могильного провала на двух табуретах установили открытый гроб.

И снова застыли в молчании.

И в этой тягостной тишине вдруг вырвалось глухое:

- На колени!

Чей-то нетвёрдый голос, казалось, вопрошал и не был уверен, что его поймут и поддержат. Но все, будто ждали, – без промедления последовали призыву и, хоть вразнобой, – молодые тотчас, старики, оползая и опираясь руками о землю, – опустили на колени.

«А ведь они не на этот клич – на жизнь его отозвались!» – подумал я.

Ошеломлённый, я один удержался на ногах. Чтобы не поддаться общему порыву, прислонился к дереву.

«Так чем же он взял? – вернулось было ко мне, но я огрызнулся: – Ну чего ты нудишь?! Нашёл, чем озаботиться! Далась тебе эта обуза!»

И тут же приструнил себя: «Нет, погоди! Так просто уже не отступишься!»

В самом деле, думал я, ведь мы с ним одной сути, одной человеческой породы. Нам от рожденья одни задатки даны. Так мимо чего я-то в себе прошёл? Чего мне недостаёт, чтобы понять другую судьбу, – его, может, и впрямь незатейливую жизнь?

Я незаметно огляделся. Распогодилось. Небо отволокло за горизонт набитые под завязку грязные мешки низких ненастных облаков, ополоснулось ясным светом припекающего солнца, разголубилось безмятежным простором. Никак, в лучшем своём наряде собралось уважить и проводить старого врача.

«Да нет! – вдруг всплеснулось во мне, – не проститься, а принять, широко отвориться, распахнуться ему навстречу!»

Вот и думай теперь, как жить, чтобы привечала вечность!

Москва, 26 декабря 2015 г.

* * * * *

Урадовская Анна

Как я живу?

А живу, как дышу.

То с замираньем, -

То выкашлять хочется.

И о тебе уж теперь не пишу ...

Мне о своем позаботиться хочется...

Как я живу?

Вдох и выдох. Потом – пауза -

Духа во мне воскрешение.

Так же, как ты

То смеюсь, то спешу -

Плачу над планами моих несвершением.

Как я живу?
Жду любимых вестей,
Жадно ловлю искры радости Божией.
Много хожу. Еще больше – молчу.
Благодарю за созвучия
Схожие...
Как я живу?
До усталости – труд.
Отдых – о жизни людской в размышлениях...
В чьих-то руках-
Растворяюсь и льюсь,
Или взлетаю в блаженном стремлении.

Как я живу?
Чуть, пожалуй, мудрей.
Чуть ироничней, с собой – осторожнее.
Чутче ко лжи. Легче суть доношу –
Что до меня, и к другим расположена...

Как я живу?
Впрочем, что за вопрос?
Разве о том ты сейчас беспокоишься?
Лишь в сонастроенности поймешь...
А в остальном –
Не начавшись - закончишься.

27.01.2018

Людей. Которых я люблю
На свете так немного.
За них молюсь. О них пою.
И к ним ищу дорогу.

Людей, которых я люблю –
Прошу –не исчезайте.
И свет своих горячих душ
Во мраке не теряйте!

А если надо вдруг уйти –
Зову вас – возвращайтесь.
Простите! Вас благодарю!
Прощайте! Возвращайтесь!

Людей, которых я люблю
На свете так немного.
Во мне часть вас жива всегда
И в этом - сила Бога.

Крепчает круг времен и лиц,
Идущих хороводом.
Судьбой очерченный нам круг-
Быть рядом – и свободным.
19.01.17

Я поняла игру в твоих словах,
Тебя распознаЮ – и в этой маске.
Сквозь время вновь иду как по подсказке,
Отыскивая в прошлом адреса.

А ты герой, и, мигом - хулиган.
Подросток с провокацией – проверкой.
Ты вновь и вновь проводишь свою сверку,
Что пропустил когда-то в те года.

Причудлив жизни ткется так узор.

Тобой и мной. И нравится мне это.
Прими же в дар от женщины - поэта
Прозренческие эти письма.
Так Встреча позволяет мне расти,
В твоём несовершенстве, грубой страсти,
А с губ моих срывается «прости»,
Что не отвергла я твоих напастей.
В тебе структуру жизни ощутив,
Первоприроду мира обнаружив,
Я все равно прошу тебя идти –
Туда, где ты себе был очень нужен.
Все это бред! Все – бред!
Моя игра-
Ты в ней актер всего, а я – актриса.
И как-то в угловатость наших судьб –
Прокралась встреча –
Будто биссектриса....

Янв. 2017

Гольфстрим.
Влагу губ моих, мягкость и нежность
Я хочу подарить лишь тебе...
Я - твоя навсегда неизбежность –
Как гольфстрим при морском корабле...

Капитан! Вдаль глядите смелее!
И внимательней будьте к словам!
Унесу вас, куда без дела-
Вы из рук отпустили штурвал.

Обещаний от вас не просила –
Сами дали. Теперь – отвечать.

Я люблю в предрассветное время
Слово с делом мгновеньем венчать.

Никуда вы не денетесь – в море.
Для меня оно – давний мой друг.
Сам себя обложив поневоле
Вы сомкнули вокруг себя круг.

Я не знаю, зачем это надо.
Вы насытиться жаждали здесь.
Не учли: жизнь – беда и награда,
А решенье приходит с небес!

Вы других под себя прогибали –
Но с чего? Кто вам это велел?
Словно хищник меня поджидали...
Обломить захотев крыл и дел...

Мне оскал ваш знакомый, по сути.
За улыбкою вижу его...
А теперь уж – вы, не обессудьте –
И сдавайтесь мне в плен – наяву!

Много воли. А в чем содержание –
Ваших мышц, вашей силы, ума?
Вы себя безграничною мутью
Затащили за крайний туман....

На бесчисленных ваших соитьях –
Вы себя потеряли в телах...
Вы красивы лишь внешне. Не льстите –
Вы себе. Царь-горох на бобах!

Ваше шествие в праздник в кальсонах –
Как плевков ротозеев и шлюх.
Дорогой ваш парфюм – томно тонок.
Но груба ваша поступь на трюм.

Вы девиц не бросали ли в воду?
С вас сойдет – эпатажно круты.
Не хочу, чтобы вскоре, невольно
Вас чужие зажали в кусты.

Я не знаю – зачем это надо,
Что я вас повстречала в пути...
Нет в вас чистого честного взгляда –
Вы всегда торопились уйти.

Это просто - слегка взбалагурив,
Навести на плетень просто тень.
Задурить, замутить, затуманить –
Заманить на недолго в постель...

Я так много о вас размышляла...
Но при этом искала себя...
И нашла. И себе доверяю.
Отстраняясь, смотрю в вас любя...

Мне дано предугадывать финиш...
Милый мой! Как грустна ваша песнь!
Я сегодня – оторва и пропасть.
Ну а вы – моя черная месть.

Мне возрастает сладко при шторме.
Но люблю и в лагуне вздремнуть...

Там прозрачна вода, чисто море –
И понятно – где дурь, а где суть.

Что вы стОите? Золота слиток?
Что с того? Что вы стОите Сам?
Я люблю вас – за пару улыбок –
И лица тот же – детский овал...

За отчаянность. Горечь. За риски.
За попытки чем есть – лучше стать.
За бесстрашье быть поданным в списки-
Безымянным...и просто пропасть.

Мне глубокого надо – вы мелки.
Мне широкого – вы лишь скудны.
Огрубев от войны и обмана –
Правду вы поместили в штаны.

Вместо сердца- живете хотеньем
И на х. называете жизнь.
Все решенья и не позволенья,
Все желанья, все чувства поправ.

Вас хотела – себя обрела я.
Знала ль? Знала на что я иду!
К вам себя приковала на время –
И свою отпустила узду!

Я хочу вас – как хочется выпить.
Не вина, а всего лишь воды.
Как услышать невидимый трепет –
Всех, поющих когда-то во ржи.

Я не знаю вас. Боже услышит!
Все что есть – лишь за это держи!
Вам – спасибо, что, просто он дышит –
Мир, проснувшийся в правде и лжи.

Даже ваша любовь – не нужна мне!
И в свой мир вас я – НЕ допущу!
Мне самой это кажется странно –
Что люблю. И сержусь. И ропщу.

Моих слов – очень бурным потоком
Вас обдам, поделом, с головой...
К очень чистым, холодным истокам –
Поводырь нас подводит хромой.

Хронос имя его. Или время.
Беспощаден и к вам. И ко мне...
Из какого такого исчадья –
Он столкнул нас на этой земле?

Все пройдет. И мое откровенье –
Заберет он. И память о вас.
А меня – в Неразгаданных племя –
Поместит в самый судный ваш час.

Просто так – от меня не уйти вам.
Не забыть. Не свершив своих слов.
Мне смеяться, что плакать – ни диво.
Вам отливши рай с адом – в глоток.

Но - пока что не поздно –
Мы живы! Искупите все, что суждено!

Чтобы не было выстрела в спину –
Солью ... в точку ... и... выход в окно!

А гольфстрим мой сменяет ваш климат...
Я с улыбкой прочту между строк.
Кто же знает, кому и на сколько
Будет в этом какой-нибудь толк....

Авг-окт 2017 г.

Филозоф А.

ПЕСЕНКА О КАРАКАТАМБИКЕ

Бывает грустно нам порой,
Идти не хочется домой.
Там всё уныло – вот беда,
И в детство хочется тогда
Вернуться, чтоб счастливым стать:
Смеяться, верить и мечтать,
От одиночества уйти,
И радость жизни обрести,
И радость жизни обрести.

Устав от суетности дня,
В глазах не погасив огня,
Ты карандаш взяла, листок
И ожил вдруг на нём зверёк.
Он на Земных был не похож,
Но милый был, пожалуй, всё ж.
Ты улыбнулась – он в ответ
Сказал тихонечко: «Привет»,
Сказал тихонечко: «Привет».

Теперь я верю в чудеса,
Смотрю с надеждой в небеса,
И жду с волнением каждый день,
Когда ж его промчится тень?
Каракатамбик – добрый зверь,
Он прилетит - ты только верь!
Однажды в самом светлом сне,
Или к тебе, или ко мне,
Или к тебе, или ко мне.

Он сядет рядом на кровать
И будет сказки нам читать.
А может песенку споёт
О том, как он теперь живёт.
Расскажет о своих друзьях
Голубоглазых соловьях,
Про дом – далёкую звезду,
Что отражается в пруду,
Что отражается в пруду.

Подарки нам преподнесёт,
И пригласит с собой в полёт.
Покажет множество планет,
И шоколадных даст конфет.
Смешной, весёлый, добрый зверь!
Он прилетит, ты мне поверь!
Возможно, завтра наяву,
Ты слышишь? Я его зову:
«Ка-ра-ка-там-бик!»

1992 г.

ПРОЩАНИЕ С ОСЕНЬЮ

Середина октября. Тихо и безветренно. Бредёшь неспешно по лесу и не заметишь, как очутишься среди первозданной красоты осенних красок, в окружении желто-зелено-красных листьев, праздничным букетом увядающих на ветвях деревьев. Остановишься ошарашенный у полуобнаженной березки, сбрасывающей с себя позолоченный наряд, затаишь дыхание и прислушаешься. И в тишине, сквозь туман, окутавший утренний октябрьский лес вдруг услышишь еле-еле заметный шорох, тут и там доносящийся в деревьях. Словно перешептываются листья, прощаются, прежде чем упасть на землю. Глазом не уследишь, как срывается сухой лист с верхушки дерева и медленно падает вниз, шурша-касаясь своих собратьев, еще не отгоревших красками осени, а попрощавшись, уже безмолвно слетает на землю и неподвижно ложится поодаль. И не сосчитать, сколько листьев покоится под твоими ногами, и никогда не узнать, сколько их в это мгновение совершают свой первый и последний полет...

Стоишь, замерев, и слушаешь, боясь пошевелиться, нарушить совершающееся в природе таинство - прощание с осенью.

2012 г.

НОВЫЙ ГОД

Проснуться и увидеть снег,
Повисший на ветвях и крыше.
Снег, все грехи земли покрывший
И зыбкий, словно в полусне...

В. Ротенберг

Вечерело. Мороз усиливался. Чтобы немного согреться, Павел, переминаясь с ноги на ногу, топтался у знака остановки дачного автобуса, вглядываясь в снежную мглу и прислушиваясь. Воскресную загородную тишину нарушал

только размеренный хруст снега под его ботинками, да еле-еле уловимые раскаты незлобного лая бездомной собаки. Пейзаж тоже был не изменен: укрытые снегом поля, завьюженная полоска дороги, ведущая на шоссе, и погрузившиеся в зимнюю спячку, опустевшие до первой мартовской оттепели домики дачного кооператива поодаль.

Последний автобус запаздывал на четверть часа. Павел закурил. «Завтра Новый Год, а еще подарки не купил ни жене, ни дочери. Значит, завтра надо будет сломя голову по магазинам бегать, постараться все успеть в последнюю минуту, всем угодить. Какого черта я сегодня сюда поехал? Ну, вот и стой тут, Паша, как дурак, жди у моря погоды, пока вовсе не околеешь».

Собачий лай затих. Вечерний сумрак незаметно сгущался, превращаясь в ночную тьму, и только мерцающий огонек сигареты нарушал установленный природой порядок, извещая о неуместном присутствии человека в морозном белоснежном царстве бескрайней зимы.

Ему было тогда восемнадцать, она была на год младше. Это был первый и единственный Новый Год, который они встретили вместе.

Еще в середине ноября лег снег, скрыв под своим покровом увядшую и обратившуюся в опавшую листву, осень. По ночам столбик термометра опускался до отметки минус пятнадцать, хотя к полудню мороз отступал, и на асфальте поблескивали то тут, то там небольшие лужицы.

Зима была ранняя и снежная. Дворники до рассвета начинали расчищать улицы, скалывать с тротуара лед, посыпать пешеходные дорожки песком. Снег за пару дней утратил свою свежесть и стал грязно-рыжим. А стоило в течение получаса автомобильного пути отъехать куда-нибудь от сутолоки мегаполиса по загородному шоссе, как взору открывалась

совсем другая картина - первозданная чистота зимы, слепящая белизна снега.

Они вышли из автобуса на пустынной, затерявшейся среди заснеженного поля, остановке. До дачного поселка надо было идти пешком, примерно, километра полтора-два. Ноги утопали по колено в снегу. Но Паша, навьюченный рюкзаком на спине и сумкой через плечо, уверенно и ловко прокладывал дорогу. Она, мысленно восхищалась его решительностью, старалась не отставать от Паши, ступая след в след, но каждый последующий шаг, давался ей еще тяжелее, и она постоянно останавливалась, чтобы отдышаться. Не пройдя и десятой доли пути, оба сильно устали. Она, смеясь, повалилась в сугроб, театрально приговаривая звонким высоким голоском:

- Пашуля! Пожалуйста, давай отдохнем самую чуточку. Я, правда, больше не могу.

Он обернулся. Она лежала на спине, широко раскинув руки, чистая, как первый не тронутый снег, желанная, как новогодний подарок под елкой, в безвозвратно ушедшем детстве.

- Смотри, Паша, сколько звезд! – восхищенно воскликнула она.

Он поднял голову и увидел над собой бесконечное и вечное небо, черную манящую бездну, усыпанную неисчислимым множеством мерцающих огоньков. На горизонте звезды сливались со снежной гладью поля и растворялись друг в друге.

«Небо, снег, звезды, мороз, Я и Она – так есть, и так было всегда и это неизбежно во Вселенной. Это – навсегда», - подумал Паша, и от этих мыслей ему стало радостно, и он ощутил новый прилив сил. Внезапное осознание не случайности своего существования в мироздании, единства Природы, Времени и Пространства, преобразалось в его душе в неумное чувство счастья.

Паша улыбнулся и повалился в сугроб рядом с нею. Неловко обняв одной рукой за талию, прижался своими губами к ее теплому влажному полуоткрытому рту. После долгого поцелуя, она легонечко оттолкнула его:

- Дурачок, губы обветрятся! Пойдем уже, а то и к Новому Году не поспеем!

...Вокруг стало совсем темно и тихо. Ни людей, ни машин, ни автобуса. Павел озяб, и его охватила тоска, стремительно разрастающаяся в панику. По привычке он потянулся к карману куртки, ища пальцами сигарету, - табачный дым уже много лет спасал его в минуты утраты контроля над эмоциями, но пачка была пуста.

Усилием воли он заставил себя подумать о жене и дочери. Они его ждали дома. Наверно, хлопчут на кухне, готовя незатейливый ужин, волнуются и не лягут спать до его возвращения. Безусловно, они были самые главные и родные женщины в его сегодняшней жизни. И, конечно, он любил их. «Меня до сих пор нет, телефон выключен - не знают, что и думать! Как назло, аккумулятор разрядился. Не им позвонить, ни такси не вызовешь! Вот, черт!»

Он представил, как вскоре чудесным образом окажется дома. Жена и дочь радостно обнимут его у порога, обхватив одновременно с двух сторон. Он поцелует дочку в подставленную щеку, а жену в губы. Несколько мгновений неподдельной близости. А потом, постояв под упругими струями горячего душа, облачившись в махровый халат и тапочки, примется за ужин и в мельчайших подробностях расскажет своим девочкам о злоключениях уходящего дня".

Мысли о доме, о привычном, предсказуемом в каждой мелочи течении своей семейной жизни, не успокоили Павла. Напротив, он еще острее ощутил нелепость нынешнего положения, щемящее одиночество, ненужность своего присутствия в природе, невозможность что-либо изменить.

...Странно, но отчетливо представить ее лицо у него не получалось. Память бережно хранила только отдельные черты: дерзкую челку, серо-голубые, с задорной искоркой, глубокие, как деревенский колодец – глаза. Ямочки на щеках, когда она улыбалась. Крохотная, словно песчинка, родинка над верхней губой. Ладони помнили каждый изгиб ее стройного девичьего тела, он не забыл дурманящий запах ее волос, а отчетливо увидеть ее лицо, Павел уже не мог. Ее образ все время ускользал, рассыпался в калейдоскопе воспоминаний.

«Нечего тут стоять. Нужно идти к шоссе, здесь не так уж далеко – километров пять-шесть. Там точно, кто-нибудь подкинет до города».

От принятого решения и ясности поставленной перед собой цели, настроение у Павла немного улучшилось. Он бойко зашагал в выбранном направлении и постепенно согрелся.

Павел был женат дважды. С первой женой, внучкой профессора - физика миловидной и очень уверенной в себе девушкой, он познакомился в студенческие годы. Они вместе учились на одном факультете. Она мечтала совершить переворот в науке и часто шутила, что обязательно получит Нобелевскую премию к пенсии. Увлеченная до фанатизма квантовой механикой, с восторгом пересказывающая идеи Шредингера, Линдбланда, Паули, она заражала его энергией жизни, пробуждала желание чего-то достичь значительного в ограниченном времени нашего пребывания на земле. Трудно сказать, любил ли Павел ее или нет, но страсти между ними не было точно. Павел искренне восхищался ее умом и целеустремленностью, а она позволяла и всячески поощряла его это делать. Взамен она щедро дарила ему женскую ласку и усердно помогала в подготовке к экзаменационным сессиям в университете. На четвертом курсе они решили жить вместе, на пятом - оформили свои отношения в Загсе. Защитив дипломы на «отлично», оба поступили в

аспирантуру. Но уже после первого года обучения Павел аспирантуру бросил. Отречение мужа от научного поприща она восприняла, как личную трагедию. Они стали непрерывно ссориться, по каждому возможному поводу. Ссоры вскоре стали перерастать в нечто большее: в скандалы с взаимными оскорблениями, в непримиримую борьбу двух очень разных между собой личностей. Наступило тотальное отчуждение, и они расторгли брак.

Вторая жена Павла, напротив, мечтала не о научной, и не о профессиональной карьере, а о крепкой, дружной семье. Они встретились и поженились, когда оба переступили тридцатилетний возрастной рубеж. Разочарования, и рухнувшие иллюзии ранней молодости уже не вызывали ни обиды, ни злости, ни сожаления, ни стыда. Приобретенный опыт позволял себе честно признаться в том, кем ты стал, чего ты хочешь сейчас, когда еще ты молод и достаточно сил на многое, но растрчивать себя на соответствие чужим ожиданиям, нет никакого желания.

Через год у них родилась дочь. Вторая жена Павла умела ценить и оберегать, возникшую между ними теплоту отношений. Могла создать уют, атмосферу доброжелательности и любви в доме. Павлу тоже хотелось быть заботливым мужем и отцом, и не вносить понапрасну огорчений в их семейную жизнь. Шли годы, появлялись общие знакомые, друзья, к которым ходили в гости по праздникам или приглашали к себе, в знаменательные даты. Дочь подрастала. Купили двухкомнатную квартиру в элитном микрорайоне, обставили новой мебелью, отпуск проводили всегда всей семьей - на морском курорте или просто путешествовали по миру. Научились понимать друг друга без слов, не ссорились. И все же Павел был несчастлив в семье, и в этом никого не винил, кроме себя.

...Когда они добрались до дачного поселка, с раскрасневшимися от мороза и усталости, но счастливыми лицами, в промокшей насквозь от снега одежде и обуви, до наступления Нового года оставалось два часа.

Паша долго возился с замком. Ключ не поворачивался ни вправо, ни влево. Он просил подсветить ему фонариком, затем извлекал ключ и внимательно разглядывал, перекладывая из одной руки в другую. Вновь вставлял ключ в замочную скважину, но механизм не поддавался, заставляя их мерзнуть на крыльце дачного домика.

- Не лает, не кусает, а в дом не пускает. Да, Паша? - ласково подтрунивала над ним она.

От избытка бесполезных манипуляций, ключ погнулся и, в конце, отчаявшись, Паша предложил проникнуть в дом через окно.

- Ты с ума сошел! - засмеявший сказала она.

Паша молчал. Вид у него был жалкий. Она подошла к нему, нежно обняла и поцеловала. Он не реагировал, злился и лихорадочно думал, как открыть эту проклятую дверь.

- Пашенька, не дуйся! А ну-ка посвети мне, пожалуйста – приветливо попросила она.

Паша покорно взял фонарик. Она стала на цыпочки и пошарила по дверной притолоке. Через несколько мгновений в руке она держала запасной ключ, заботливо припрятанный хозяином дачи в легко угадываемом месте.

- Ты просто волшебница! Откуда ты знала, что он там?

- Любила в детстве читать рассказы Артура Конан Дойла про Шерлока Холмса - отшутилась она.

Замок был побежден, и Паша со скрипом отворил, перекосившуюся в проеме, дверь, ведущую внутрь дома. Из крохотной комнаты дохнуло сыростью. Стылый дом не ждал гостей и под лучом фонарика выглядел не жилым, лишенным элементарных признаков уюта: деревянный стол, с облупившейся

краской, три табурета, никелированная кровать у окна, узкий одностворчатый шкаф, радиоприемник и картонные коробки на полу, с неясным содержимым, и больше ничего. Паша нащупал на стене клавишу выключателя - лампочка без абажура под низким потолком на пару секунд осветила тусклым светом убогую обстановку комнаты и предательски погасла.

- Перегорела! - весело сказала она. - Пашуля, будем встречать Новый год в темноте. Это так романтично, правда?

- Нет, мы будем встречать Новый год при свечах, я захватил с собой аж четыре штуки.

- Умница! - она чмокнула его в губы. - А теперь, Паша, покрепче закрой дверь, зажги свечи, нужно еще дом прогреть хорошенько, убрать, стол накрыть, до двенадцати всего ничего осталось, а у нас с тобой дел уйма! И сапоги скорее снимай – в них снега доверху - простудишься.

Печи не было, зато в одной из коробок нашелся электрический обогреватель, который хотя и потрескивал, как хворост в костре, но помещение отапливал исправно, и в комнате очень скоро стало тепло. Паша принес из колодца воды – подогрели кипятильником - вымыли пол, вытерли пыль, перестелили постель – в шкафу отыскались тщательно упакованные в целлофан чистые постельные принадлежности, еще не пропитавшиеся сыростью. Накрыли праздничный стол, принесенными с собой яствами, бутылкой «Советского шампанского» и двумя хрустальными бокалами. Паша даже предусмотрительно захватил сосновую ветку, несколько разноцветных стеклянных шаров и бумажных снежинок, так что импровизированная елка для встречи Нового года тоже имелась. Включили радиоприемник, чтобы не пропустить бой курантов на Спасской башне Кремля – в динамике негромко зазвучала приятная музыка. Атмосфера праздника была создана.

- Ой, я забыла переодеться! - с тревогой в голосе спохватилась она, когда они уже сели к столу и Паша приготовился откупоривать новогодний напиток.

- Четыре минуты до двенадцати – не успеешь, может потом?

- Нет, сейчас! Паша, сиди и смотри на елочку. Вот так. Не оборачивайся и не подглядывай, пожалуйста. Я мигом!

За спиной Паши слышалась суетливая возня, возгласы «ай», и «ой», и чертыханья шепотом.

- Дорогие, товарищи! До наступления Нового года осталась одна минута! – громко и торжественно, подражая голосу Левитана, произнес Паша, наполняя хрустальные бокалы игристым вином.

- Еще полсекундочки, пожалуйста! Ой! Ай! Ура! Я готова! - победоносно известила она. - Можешь повернуться!

Она была обворожительна в мерцающих отблесках свечи: белое вязаное платье, чуть выше колен, облегающее стройное тело, распущенные, украшенные голубыми заколками-бабочками волосы, туфли-лодочки на высоком каблуке и серебряный перстенок на безымянном пальце левой руки - подарок Паши на день рождение.

- Ну, как? «Я тебе нравлюсь?» —лукаво спросила она, вальсируя вокруг него.

Очарованным влюбленным взглядом Паша смотрел на нее и ее лицо сияло радостью от того, что он именно так на нее смотрит и не находит слов, чтобы выразить, захлестнувшее его всего, целиком в это мгновение, чувство. Из радиоприемника раздался бой курантов. А они, замерев, глядели друг другу в глаза и боялись пошевелиться. На двенадцатом ударе часов она растерянно тихо сказала:

- Новый год наступил...

- Да - почти шепотом отозвался Паша.

Она рассмеялась и взяла со стола бокал с шампанским.

- Так чего же мы ждем? Давай праздновать! - голос ее уже звучал оживленно и в него вернулся знакомый Паше задор.

- Обязательно! Будем праздновать! До самого утра! – нарочито громко, делая акцент на каждом слове, проговорил Паша, и тоже взял бокал.

...Через сорок минут бодрой размеренной ходьбы Павел увидел впереди себя медленно приближающееся навстречу шоссе. До цели оставалось пройти не более двух километров. Он мысленно сетовал на то, что поездка оказалась напрасной. Павел приезжал в дачный поселок арендовать дом на второе января. В его семье сложилась традиция: в начале января с друзьями отправляться куда-нибудь за город на природу, всякий раз на новое место. В этом году за организацию мероприятия отвечал Павел. Но с хозяином дачи ему встретиться не удалось – по неизвестной Павлу причине в условленное время по нужному адресу, его не оказалось, а позвонить и выяснить, что случилось, Павел тоже никак не мог – аккумулятор разрядился, превращая телефон в бесполезную безделицу в кармане куртки.

«А может все и к лучшему!», - размышлял он, ускоряя шаг. - «Не поедем никуда, суеты меньше будет. Вроде и выходных дней много в январе, а отдохнуть и расслабиться не получается: то к нам гости придут, то мы к кому-нибудь приглашены и, главное, отказаться нельзя! Обидятся! И выходит, что Новый год – это уже не праздник вовсе, а лишняя головная боль».

...Паша проснулся первым. Был ясный солнечный день. Яркий свет проникал сквозь тонкие занавески на квадратном окне и причудливой полоской располагался на кровати, полу, столе и шкафу. Чужая комната с убогой обстановкой, после проведенной вместе с ней минувшей ночи, превратилась для Паши в самое дорогое место на земле. Она крепко спала, свернувшись калачиком как ребенок, обхватив его правую руку, и прижимая к своей щеке. Спящая она выглядела очень юной, маленькой беззащитной

девочкой. Паша смотрел на нее с нежностью и опасался даже случайно шевельнуться, чтобы не нарушить ее безмятежный детский сон.

«Как хорошо, что существует зима, - неспешно размышлял он, - и Новый год – лучший праздник. Здорово! И вот так бы всегда: я буду просыпаться, и смотреть на нее до ее пробуждения. А, когда она откроет глаза, я скажу ей «доброе утро», она улыбнется в ответ и тоже скажет: «доброе утро» и мы оба будем счастливы».

...Спустя еще четверть часа Павел стоял перед заветной автострадой. Пошел снег. Белые хлопья, слетающие с небес, искрились под светом фонарей, расположившихся вдоль шоссе, и напомнили Павлу рисунок на почтовой поздравительной открытке, которую он хранил многие годы и не кому так и не отправил. Запорошенная снегом дорога, вдалеке сказочный домик с печной трубой на приземистой крыше и желтый полумесяц на небе, окруженный хороводом сверкающих голубыми огнями звезд.

...В апреле они расстались – на том же самом месте, в Кольцовском сквере у фонтана, где когда-то увидели друг друга впервые. Больше они не встречались. Никогда.

Павел пытался разыскать ее только однажды - на следующий день после расторжения неудачного брака. Но в квартире, по ее адресу, дверь открыла неприветливая пожилая женщина, и на его многочисленные вопросы раздраженно отвечала: «Ничего не знаю. Не живет она больше здесь. Уехала, разве Вам не ясно?! Не знаю куда. Я здесь живу. И нечего сюда больше ходить, а то милицию вызову!».

У Павла остался только хрупкий ускользающий образ: улыбающаяся юная девушка в белом вязаном платье, да звезды, сливающиеся со снежной гладью поля и растворяющиеся друг в друге на горизонте.

Подъехал запоздалый попутный автобус. Павел молча расплатился с водителем, прошел в середину пустого салона и сел

у окна. Крупные хлопья декабрьского снега, как и прежде, слетали с небес, кружили около фонарей и покорно ложились к своим собратьям на обеленную землю.

Она умерла от двусторонней пневмонии, едва ей исполнилось восемнадцать. Но Павел об этом, так и не узнал.

«Зима, как тогда, ранняя и снежная, - с удовольствием подумал он, - а завтра Новый год».

Только теперь, удобно расположившись на сиденье автобуса, Павел ощутил во всем теле усталость от долгой ходьбы, усилилось чувство голода и желание покурить, но на душе было удивительно спокойно, тепло и светло.

2016 г.

Шевченко Юрий

**ЗАЗДРАВНЫЕ ПЕСНИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ
ДРУЗЬЯМ-КОЛЛЕГАМ**

**Олегу Лисковскому по поводу
радостно-многозначительного дня
50-летия бытия его праведного на
земле нашей грешной**

(«Осенние листья»)

Осенние листья шумят и шумят в саду
По городу Минску к Лисковскому я иду
Все знают вокруг тепло твоих рук,
Мой верный, испытанный друг

На свой день рожденья созвал ты родных, минчан
Прими ж поздравленье еще и от москвича

Бокалы налей. Такой юбилей
Бывает не часто ей-ей.

Смысл слова “полтинник” знать юношам не дано
Былого картинки бегут как в немом кино
И тают вдали мечты - корабли
Которые строили мы.

Пусть время уходит - живет на земле Любовь.
И Вера с Надеждой нас выручат вновь и вновь
Года - не беда, живот - ерунда
Мы молоды духом всегда

Богатств не скопили, не нажили мы хором
Но женщин любили, работу и отчий дом
Ликует душа - ведь жизнь хороша
Пускай за душой не гроша.

Какие бы ливни еще не сулил нам бог
Пусть новый “полтинник” он каждому ниспошлет
За тем же столом друзей соберем
И эту же песню споем

Пусть думает кто-то, что баловень ты судьбы
А это, всего-то - аванс за твои труды
Не стыдно взглянуть на пройденный путь
Потерь же, увы, не вернуть

Тебя не заставишь с вершины спуститься вниз
Ты детям оставишь как заповедь свой девиз -

Всегда счастлив тот, в ком сердце поет
Кто людям здоровье дает

Тебя не забыли алкаш и дегенерат
(Ведь лучшая в мире профессия - психиатр)
И в память твоих усилий - у них
Надежная “крыша” стоит

Что будет - то будет. Загад не бывал богат.
Вокруг тебя люди, которых ты видеть рад
И каждый готов сказать: “Будь здоров!
И счастлив во веки веков!!!”

Две столицы (послание крымским психиатрам-этологам)

(«Александра, Александра»)

Не сразу все устроилось
Москва не сразу строилась
Наука этология
Не вдруг ее нашла
Путями необычными
Статьями заграничными
И крымскими работами
В Москву она пришла
Виктор Палыч Самохвалов,
Вами сделано немало
Для искусства пониманья поведения людей
Было трудно Вам вначале
Но забудьте все печали
Улыбнитесь, Виктор Палыч, сердцу станет веселей.

Работая как мельница
Неутомимый Мельников
Заботу и ответственность
Проносит сквозь года
И даже в роли главврача
Не станет он рубить с плеча
Поскольку альтруизм - его
Главнейшая черта
Ах! Владимир Алексеич
Все пожнешь, что сам посеешь
Эпилепсии маэстро и детишек лучший друг
Если надо, Алексеич
Наши страхи ты развеешь
Улыбнись же, Алексеич, станет всем светлей вокруг.

Все интроекты дороги
Те, что профессор Коробов
Вербально и мимически
Отчетливо назвал
В Европе и Америке
А также на Москве-реке
Слить йогу с этологией
Он страстно призывал.
Ах! Сан Саныч, улыбнитесь
Интроектом поделитесь
Пусть Вам Роджерс с Эриксоном позавидуют, ей-ей
Ведь в Ай-Петринских Вы скалах
Заслужили пьедестала
В сфере психотерапии - настоящий Прометей.
Еще десяток лет назад

Никто в Тавриде не мечтал
Чтоб был у психиатров здесь
Свой собственный журнал
Нежданный и не прощенный
Но качества хорошего
Статьями огорошивать
Читателей он стал.
А Вербенко - глав. редактор
Музыкант - импровизатор
Нрав охотников и бардов изучал он наяву
На охоте - не в отеле
Утереть всем нос сумели
Пусть у них есть Артур Хейли, а Вербенко есть в Крыму.

По жизни повелению
Второе поколение
Ученых на себя взяло
Правления узцы.
Птенцы гнезда Корнетова -
Орлы для всего света Вы
Этологов отечества -
Научные отцы.
Лет пятнадцать миновало -
Для науки срок не малый
Нас Таврида собирала и наш клан непобедим.
Пусть Москва - столиц столица
Не пристало тем кичиться
Этологии столицей по заслугам станет Крым!

Игорю Боеву

(Подражание Г.Шпаликову)

Остается во фляге невеликий запас,
Молодежные флаги вознеслись не для нас.
Не печалься, профессор – все еще впереди,
Ты с живым интересом на коллег погляди.

Воля, вольная воля! Ни о чем не грущу.
В ставропольское поле сам себя отпускаю.
Так откуда ж на сердце вдруг такая тоска?
Жизнь проходит сквозь пальцы желтой струйкой песка.

Ни об одном не сокрушаюсь дне, я не хотел бы
жизнь переиначить.
Страна не пожалеет обо мне, но обо мне психологи
заплачут.
А средство от депрессии старо – когда на сердце
холодеет льдинка,
Ты перечти «Женитьбу Фигаро» иль откупорь
шампанского бутылку.

Я вспоминаю – двадцать лет назад и мы с тобою были
рысаками,
В компании таких же вот ребят друг друга называли
«стариками»...
Пока в ребро не заселился бес, ты подготовь себя
к метаморфозам.
Не прерывает дизонтогенез бег от инфантилизма до склероза.

Аморфная субстанция души тонка для изучения
и леченья.

Мой милый друг, внедряться не спеши в ее глубины –
окажи почтенье.
Хочу совет полезный дать тебе – ты, прежде чем
за терапию браться,
(Чтоб ощутить уверенность в себе), исследуй механизм
антиципаций.

Когда-то в Суздаль корифеи нас на первые учебы собирали.
Возможно в Кисловодске, и не раз еще своих друзей
мы встречаем.
Надежда есть – и наши имена ученики не предадут забвенью,
А значит – никакие времена не разорвут цепочку поколений.

Воля, вольная воля! Ни о чем не грущу.
Пригласил доктор Боев – у него погощу.
Так откуда ж на сердце вдруг такая тоска?
Жизнь проходит сквозь пальцы желтой струйкой песка.

Не печалься, профессор – все у нас впереди.
Ты с живым интересом на коллег погляди.
«Аномальная личность» – это, брат, не про нас.
Остается в наличие невеликий запас.

Выпускникам 2го МОЛГМИ им Н.И.Пирогова 1971года.
(Подражание Б.Окуджаве)

Прически седые, безнадежно залысины глянцевые,
И как ни крути, семь десятков – внушительный срок.
А все-таки жаль, что нельзя с Александром Румянцевым
На Дорогомиловской в бар заглянуть на часок.

Обидно до слез, что друг друга встречаем так редко мы,
Но юности годы не канут в забвенья туман.
А все-таки жаль, что нельзя с Алексеем Наседкиным
Поржать на спектакле, который дает «Тициан».

Чем мудрости больше, тем более портится зрение,
Но все ж ипохондриком быть для врача – моветон.
А все-таки жаль, что нельзя с Николаевым Женею
Попеть, поплясать и послушать ансамбль «Камертон».

Давно замаячила пенсия злобной угрозой.
Не лето, а осень приходит на смену весне.
А все-таки жаль, что нельзя вместе с Петей Морозовым
Пропеть «ша-ла-ла» той «Желанной», что видишь во сне.

Хоть к дамам прекрасным стремимся еще с прежним рвением,
Но пуще всего бережем половину свою.
А все-таки жаль, что нельзя с Лихникевичем Женею
Дуэтом на трубах со сцены сыграть «Only you».

Настала пора нам друг другу рецепты выписывать
И все тяжелее держаться в седле молодцом.
А все-таки жаль, что нельзя в исполненье Саркисова
Услышать вновь драму в стихах под названьем «Гецов».

Не всем довелось нам столкнуться с «горячими точками»
Хотя лейтенантами были практически все.
А все-таки жаль, что нельзя вместе с Виктором Тощевым
В мундире пред милой предстать в офицерской красе.

Не часто есть повод гордиться нам Нашею Рашею,
Но свой оптимизм сохраняем от тягот и бед.
А все-таки жаль, что нельзя с Ивановым Аркашею
Вновь прокомпостировать в космосе звездный билет.

Мы сил не жалели на благо своей бедной Родины
И нас не терзали сомнения – «Быть иль не быть».
А все-таки жаль, что нельзя вместе с Колей Володиным
Свою alma mater в величье былом возродить.

Не так много шансов прославиться признанным гением,
Уж Пик и Альтцгеймер слоняются невдалеке.
А все-таки жаль, что нельзя с Нестеровским Евгением
Подлещиков сотню поймать на замерзшей реке.

Расцветен маршрут наш богатыми красками осени
По-своему каждый дополнил врачебный талант
Писателем стал наш любезнейший друг Сергей Осипов
И пусть длится долго его театральный роман.

Уже никогда нам не грянуть двухтысячным лагерем
Про аиста песню, хоть жизнь и полна перемен.
А все-таки жаль, что не могут Цильштейн с Боймцайгером
Тряхнуть стариною и снова сыграть в КВН.

За общим столом стало меньшим число сотрапезников,
Но вспомним мы всех, юбилейный листая буклет.
И хочется верить, что силы найдет Юра Резников
Его пополнять ну хотя бы еще тридцать лет.

Иных уже нет, те далече и впору отчаяться,
Но снова мы вместе и наш не окончен полет.
Румянцев поет, Разоренов и Байдин настраиваются.
Ах, нынче, наверное, что ни будь произойдет.

К Юбилею Алексея Наседкина, председателя Клуба Десяти.

Сегодня члены Клуба
Приветствуют друг друга
Придя в составе полном,
Включая жен, друзей.

Как на старинном вече
Звучат тосты и речи
А кто виновник встречи?
Наседкин Алексей!

Все дети наши знают,
Что есть хороший дядя
Миндалины и гланды
Он вылечил им всем

По ухо-горло-носу
Решает все вопросы
Наш Навуходносор -
Наседкин Алексей

Недаром им гордится
Любимая столица
Им каждый восхитится
И много тысяч дней

Царить ему, поскольку
При нем княгиня Ольга
И рядом сын-наследник
Царевич Алексей.

Весомо, зримо, грубо
Всегда ты слышишь: «Любо»
Наш председатель Клуба
В кругу своих друзей.
Веселый и упрямый
Тебе поем осанну
Создатель «Тициана»
Наседкин Алексей!

Сегодня день особый
Для царственной особы
Сегодня день рожденья
Сегодня юбилей
Как князю и барону
Тебе к лицу корона
Мы ей тебя венчаем
Наседкин Алексей!

К юбилею Александра Румянцева, неизменного старосты курса

Когда итужишь жизни путь,
Не грех на прошлое взглянуть:
Припомнить юности года
И то, каким ты был тогда,

Своих коллег, своих друзей, своих подруг
Всех близких поредевший круг
И то, кому и чем обязан.

И знаешь ты, и знаю я -
Судьба у каждого своя
Но, сидя за одним столом,
Легко мы общее найдем
Того, кто нас сплотил в нелегкий этот век
Кто всем нам милый человек
Вот он, вот он – Румянцев Саша.

И, если вдруг настанет час,
(Случалось это, и не раз)
Когда беда к тебе придет,
Иль хворь смертельная найдет
Не долго думай, что тут делать, как тут быть
Ведь надо только позвонить!
Тебя спасет Румянцев Саша!

Ты наша слава, наш кумир,
Педфака давний командир
Пускай сопутствует успех
Твоим делам на благо всех!
Тебе желаем мы на долгие года
Здоров и счастлив будь всегда!
Любимый друг - Румянцев Саша!!!

К юбилею Юрия Резникова, летописцу Клуба Десяти

Шесть десятков с половиной
Лет назад, восьмого мая
В этот мир пришел мужчина
И с тех пор в нем процветает
    Век трудись – никак иначе
    Путь в науке очень долог
    Но его он первым начал
    Наш великий иммунолог.

Он в среде ученых – Кесарь
Мир наук ему послушен
Медицинский он профессор
И профессор МГУшный.
    Ежегодно не забудет
    Нас проверить непременно
    Ну а Юру приголубит
    Жизни спутница – Елена.

Что вы там не говорите
А фотограф он отменный
Фактологии хранитель
Нестор Клуба неизменный
    Нам казалось (и не даром) –
    Все о Резникове знаем
    Но второй том мемуаров
    Непременно читаем.

Занимаемся успешно
В понедельник физкультурой
Где равняемся, конечно
Мы на Резникова Юру.

Он пройдет весьма искусно
Все спортивные снаряды
И на чай предложит вкусный
Ломтик сыра с виноградом.

Пусть воздаст за все стократно
Жизнь, без грусти и печали
И да сгинут бюрократы
Что творить ему мешали
Вновь до края наливая
Веселящую микстуру
Мы сегодня поздравляем
Друга – Резникова Юру.

**Евгению Лихникевичу - охотнику, рыболову, эрудиту,
юмористу.**

(Подражание Б.Окуджаве)

Забудешь первый праздник
И позднюю утрату
Когда твой внедорожник
Помчится в даль по тракту
Порой не безопасна
Охотничья тропа
Но все же жизнь прекрасна
Хотя и не легка
Пускай глядит с порога
Красавица Ирина
Не зря отмечен богом
Ей преданный мужчина

Евгений Лихникевич –
Известный окулист
Любитель анекдотов
И энциклопедист
Их славный род продолжат
Богатыри – два брата
И радостью наполнят
Кириллы и Агаты
    И в доме хлебосольном
    Открытом для друзей
    Не кончится застолье
    Не смолкнет смех детей
Покуда банька греет
Покуда тачка катит
Веселых юбилеев
У членов Клуба хватит
    Себе не изменяя
    Не сетуй и не плачь
    На годы не взирая
    Труби свой гимн, трубач
Пускай дымит сигара
Пусть виски остывает
Мы за тебя сегодня
Бокалы поднимаем
Евгений Лихникевич, Евгений Лихникевич,

Евгений Лихникевич...

Сергею Байдину – веселому и доброму другу

(Подражание Ю.Визбору)

Сегодня вместе нас собрал наш друг Серега,

Наш друг Серега – Серега Байдин.

Серега Байдин, как всегда, красив и складен,

И как всегда его улыбка широка.

Припомним, Серега, веселые дни.

Их было так много, жаль – в прошлом они

Не сменишь на двадцать свои sixty five,

Но ты улыбаться не переставай.

Когда-то: «Нет пути назад» пропел Серега,

Наш друг Серега, Серега Байдин,

Но продолжал вперед идти призванья ради,

Себя искусству медицины посвятив.

Хирург, безусловно, в ансамбле – солист,

Анестезиолог, как бас-гитарист.

Для всех биоритмов проложит он путь,

Чтоб детям мелодию жизни вернуть.

Когда б Высоцкий слышал как поет Серега,

Когда бы знал Серегу Галич,

Они б со сцены петь, возможно, отказались

И поручили б эту миссию ему.

В труде и в застолье Серега – артист

И редко найдется такой юморист.

Не зря он – профессор и доктор наук,

Ведь без остроумья в науке – каюк.

В каких бы ни был должностях, в каких бы званиях
Наш друг Серега, Серега Байдин,
Сереге Байдину легко под небесами
И управлять большой больницей – по плечу.
    И в этом большая заслуга семьи,
    И роль ключевая Натальи-жены.
    А дружба мужская превыше всего...
    Мы любим Серегу и пьем за него!

На 30-летие «Клуба Десяти».

(C'est si bon)

Тридцать лет – это много иль нет?
Кто подскажет ответ – что значит тридцать лет?
Где «вдова пионеру дала»
Пожелтела трава – такие вот дела.
    Что там ждет впереди в целом ясно,
    А пока, господа, жизнь прекрасна.
Целый круг жен, друзей и подруг
И мужей тех подруг мужской украсил Клуб
Каждый год путешествие ждет,
Дальше, выше, вперед нас Президент ведет.
    Предвкушаешь прекрасные даты
    Слыша голос Пионервожатой.
Как вода утекают года
И походка не та, и с талией – беда, но
Не исчез к жизни наш интерес
И летит до небес *Amici primum est.*
    Вся страна удивляется факту –
    Нет дружнее студентов педфака.

Вспомним всех, с кем делили успех
И невзгоды, и смех. Как жаль, их рядом нет.
Пусть вдали нас увидят они
Закрываю пари - «Все врут календари».
Юбилеи нам всем доказали –
Нет причин для тоски и печали.
Хоть дошли до осенней поры
Мы, как в юные дни бодры и веселы
Тридцать лет, это много иль нет
Всем понятен ответ, что значит тридцать лет.
Счастливых тридцать лет,
Чудесных тридцать лет,
Волшебных тридцать лет...

САМБА КЛУБА ДЕСЯТИ

(подражание Цезарии Эвора)

Клуб десяти! Клуб десяти! Клуб десяти!
Это вам не партия
И не профсоюз.
Клуб десяти! Клуб десяти! Клуб десяти!
Это воплощение
Дружественных уз.

Когда-то желтыми птенцами
Мы пришли в мединститут
Казалась будущая жизнь
Такою долгой...
Наш медицинский институт
Ругали там, ругали тут,

Но мы внимали одному лишь –
Чувству долга.

*Как всего шесть лет могли судьбу определить
(Шестьдесят пятый – семьдесят первый)?
Кто сумел незримой нитью нас соединить?
Скажи, Румянцев, ответь, Наседкин.*

Клуб десяти! Клуб десяти! Клуб десяти!
    Это вам не партия
    И не профсоюз.
Клуб десяти! Клуб десяти! Клуб десяти!
    Это воплощение
    Дружественных уз.

Педиатрия в медицине
Есть начало всех начал,
Себя в ней реализовать
Есть шансов много.
    В родной профессии ни разу
    Ни один не заскучал
    К вершине каждый подошел
    Своей дорогой.

*Как всего шесть лет могли судьбу определить
(Шестьдесят пятый – семьдесят первый)?
Кто сумел незримой нитью нас соединить?
Скажи, Румянцев, ответь, Наседкин.*

Клуб десяти! Клуб десяти! Клуб десяти!

Это вам не партия

И не профсоюз.

Клуб десяти! Клуб десяти! Клуб десяти!

Это воплощение

Дружественных уз.

И вот уж внуки подрастают,

Скоро правнуки пойдут.

Мы на вершине склона лет

Уже неспешных.

На Юго-Запад переехал

Наш второй мединститут

А, в целом, можно жизнь признать

Вполне успешной.

Как всего шесть лет могли судьбу определить

(Шестьдесят пятый – семьдесят первый)?

Кто сумел незримой нитью нас соединить? -

Саша Румянцев, Леша Наседкин.

Клуб десяти! Клуб десяти! Клуб десяти!

Это вам не партия

И не профсоюз.

Клуб десяти! Клуб десяти! Клуб десяти!

Это воплощение

Дружественных уз.

Татьяне Румянцевой – даме, прекрасной во всех отношениях
(«Oll of me»)

Нам не лень
В летний погожий день
Вспомнить все
То, что давно прошло
    Столько лет
    Трудностей и побед
    Позади,
    Танечка Фурман – джан!!!
        Те года
        Канули в никуда...
        Не беда -
        Нам еще плыть и плыть
            Верить, любить
            Дружить и творить...
            Причем тут – «Быть иль не быть»?

Как всегда
Таня Румянцева
При делах,
Родственниках, друзьях.
    Лег маршрут
    С берега к берегу
    От Москвы
    И до Америки.
        Александр
        С нею беды не знал
        Создавал

То, что никто не смог
Надежный тыл
Семью их хранил
Он Таней построен был.

Вот она –
Бабушка, мать, жена
Педиатр –
Тот, что от бога, да!
    Как душа
    Вечна и хороша
    Словно в день
    В день нашей первой встречи.
    Мы с тобой
    Можем и в пир, и в бой
    За тебя
    Вновь поднимаем тост.
        И в летний день
        Нам вовсе не лень
        Отметить Татьянин день!!!

Сергею Осипову – русско-грузинскому ассирийцу, полиглоту и писателю

    Что тебе пожелать в день рожденья,
    Милый друг со студенческих лет?
    Ну, конечно, здоровья, везенья
    И блестящих научных побед.
Мы хотим, чтобы песни звучали,
Чтоб вином наполнялся бокал

Чтоб Сереже мы все пожелали
То, что сам он себе пожелал.
    Ты ученый, ты врач от природы,
Литератор, певец, меломан
    Так пускай еще долгие годы
    Длится твой театральный роман.
Мы хотим, чтобы чаще встречались,
Чтоб вином наполнялся бокал
Чтоб желанья Сергея сбывались
Те, что сам он себе загадал.
    Твои генные корни не бедны,
    Ассириец и где-то грузин,
    Не случайно ты флаг свой победный
Над московской землей водрузил.
Мы хотим, чтоб всегда улыбались
Твои дети, жена, вся семья
И хорошие вещи случались
Что тебе пожелали друзья.
    Если вдруг огорчит неудача
    Иль хандра наплывет невзначай
    Ты налей десять рюмочек чачи
    И друзей у порога встречай.
Так живи без тоски и печали
Ибо каждый в душе пожелал,
Чтоб в доме твоём песни звучали
И вином наполнялся бокал.

О! Симон, Симон!

О! Симон, Симон!
Гамарджоба, джан
Генацвале, друг –
Светлая душа,

Ассирийский бренд,
Вице-президент
Ты mon cher amy,
Our mutual friend.

Ты полдюжины
Языков знаток
Ангел для жены
В медицине – бог.

Посмотри, Сергей
Сколько здесь людей
Собралось, чтоб твой
Встретить юбилей.

И, конечно, ты
Всех их видеть рад,
Наш московский друг,
Наш кавказский брат
Дополна, Сергей
Свой бокал налей
Подводя итог
Славных лет и дней.

Верность сохранил,
Всех вершин достиг,
Многих вдохновил
Автор чудных книг.

Научил нас есть
Лобио, лаваш
По-грузински петь
И готовить хаш.

Скромный, как мудрец
Доктор, муж, отец
Ты алмазный свой
Не снимай венец.

Пусть застолья час
И на этот раз,
Дорогой Симон,
Осчастливит нас!

**«Пригласите Олю танцевать» (Оле Наседкиной –
«пионервожатой» Клуба)**

Нынче вечер хоть куда, разомкнулся навсегда
Круг забот и в шумном зале
Гости разные сидят и на Олечку глядят
Дорогой юбиляр, Вы ее поймайте взгляд.

Пригласите, пригласите, пригласите
И ладонь ее в руках своих сожмите
Семь десятков лет – пустяк
Танго, вальс и краковяк,
Дорогой Алексей, все вы можете, итак...

Пригласите, пригласите,
Пригласите Олю танцевать!

Вы в кругу своих друзей с верной спутницей своей

Снова юный, ловкий, стройный
А она как хороша и поет ее душа...
Что за пара из вас – просто самый высший класс!
Пригласите, пригласите, пригласите
Вы огонь души прекрасный не гасите
В омут танца с головой, как чудесно, боже мой
Алексей, дорогой, ах, какой Вы молодой!

Наши годы – ерунда, слышать хочется всегда
Голос Пионервожатой
И еще сто тысяч раз вместе с ней пуститься в пляс...
Дорогой Алексей, ну, конечно, после Вас.
Пригласите, пригласите, пригласите
Нас мальчишеским азартом заразите
Чтоб хотелось танцевать, танцевать не целовать
А, по правде сказать – почему не целовать?!

Пригласите, пригласите,
Пригласите Олю танцевать!

Президентская «Малиновка»

Да здравствует бессменный Президент
Мужского уникальнейшего Клуба!
Ведь есть весьма весомый аргумент
Надежно нам держаться друг за друга.
Прошу я, по-хорошему,
В аду чтоб не сгореть
Поздравить всех Алешеньку,
Ему осанну спеть.

Наседкин, как известно это всем,
Знаток блестящий ухо-горло-носа,
Готов прийти на помощь, между тем,
По всем животрепещущим вопросам.

Визиты ли к Бубновскому,
Вояжи за рубеж
Метафорой везде ему –
Творительный падеж.

Сказать, что он прекрасен и велик
Я думаю – не поздно и не рано
Всех мыслимых вершин наш друг достиг,
И он сравним по славе с Тицианом.

Пускай пора осенняя
Сегодня на дворе
Цветения весеннего
Желают Леше все!!!

Юрию Резникову

(«Вернул я на Родину»)

В большой честной компании
Не праздных сотрапезников
Сегодня Юра Резников
Справляет юбилей

И как на партсобрании
Готов уже заранее
Свою характеристику
Услышать от друзей.

Он с малою зарплатою
Воюет с ренегатами
И хоть давно на пенсии
Не рвется на покой

Пушкой уже не боди-билд
Но не стареет вроде бы
Для Резникова «Родина»
Совсем не звук пустой.

Мы с ним, пройдя нелегкий путь
Не помышляем повернуть
И преданность профессии
Всем сердцем бережем

Слегка шальная братия
Друзья-семидесятники
Кода б не остеохондроз,
Все было б хорошо.

На пике майских праздников
Не пьяницы, не бражники
Мы дружною компанией
Сошлись в урочный час

Петровича почествовать,
Поздравить, поприветствовать
И чарочку заздравную
С ним выпить, и не раз!!!

Евгению Нестеровскому – философу и кулинару
(Островок Везения).

Здравствуйте, товарищи,
Милые друзья
Место встречи, сборища
Отменить нельзя
    Не с руки лениться нам
    Ведь Устав таков –
    Соблюдай традиции
    Клуба мужиков.

Островок Везения
Создавал не вдруг
Нестеровский Женечка,
Закадычный друг
    Рядом ангел – Аллочка
    Нет ее мудрей,
    Палка-выручалочка
    В волнах смутных дней.

Нас сплотила весело
(Каждый очень рад)
Лучшая профессия –
Доктор-педиатр
    Вот семейка – «Здрасьте вам» -
    Педиатра три
    Славная династия,
    Что не говори.

Но случайных людей
нет -
Друг, коллега, настав-
ник
Сын и брат, муж, отец,
дед.

В своих книгах ты не
врал,
Жил, лечил как велел
долг
Очень многим помо-
гал,
Но не брал никогда
в долг.
Незапятнанно хра-
нил
И достоинство и
честь
И спасибо, что ты
был
Это счастье, что ты
есть.

Кто бы свой проявил
дар,
Чтоб таланты твои
счесть
Ты ученый, мудрец,
бард –

Александр Румянцеву

(Марычка)

Други дорогие!

Не упустим шанса

Нам собраться вместе

На почестный пир

В ближнем Подмосковье

Где живэ Румянцев

В хати, щё сховалась

У зэлэний бир.

Ты всегда был первым.

Надо ль удивляться,

Что студенткам многим

Голову вскружил

«Но нельзя рябине

К дубу перебраться» -

Ты к Татьяне в сэрдцэ

Кладку проложил.

Скажешь: «Нет вопросов!»

На намек нахальный –

Потирают руки

Хитрые льстецы

Я як усмэхнэшся

Тай с пидлобу глянеш

Зараз дураками

Станут наглецы.

Памятник воздвиг ты
Очень рукотворный
Сколько сил и нервов
Ты в него вложил!

*Щеб у той лекарни
Дитки здоровели
Щебы из них кажний
Жил, да не тужил.*

В трудную минуту
Ты всегда был рядом
Эту помощь друга
В памяти храним

*Чуешь, чи нэ чуешь,
Чаривний Румянцев
Як тэбэ мы любым,
Як тэбэ мы чтим.*

Петру Морозову

(«Ах, эти глаза, как бирюза»)

Юность дарит всем

Массу дилемм:

Взять ли медиатор –

Стать ли психиатром?

Быть или не быть?

Как примирить

Голову и руку,

Музу и науку?

Петя наш все может -

Знанья приумножит,

ВОЗу он прибавит ход
И песенку споет.

Семьдесят лет
Ты уже сед,
Но, как гласит
Ветхий завет -
Чуден, друг мой,
Возраст любой
Если любовь
Рядом с тобой!

Оглянись вокруг,
Наш милый друг,
Ведь на том «Вокзале»
Мы не все сказали...

Радость бытия -
Доля твоя
Мы тебя все любим
Вечно вместе будем.

В этот чудный вечер
В месте нашей встречи
Свой бокал подымет кто –
Тот проживет лет сто!

Каждый из нас
Тенор и бас
И баритон
Мы – «Камертон».
Надо успеть,
Надо воспеть
Снег и грозу,
Смех и слезу!

Людмиле Богомоловой - душевнейшей

Ах! Какой чудесный вечер –
Этот вечер нашей встречи!
Нам не холодно, ни капли,
Хоть за окнами зима.

Здесь уютно и красиво...
Нас Людмила пригласила
Есть еще в достатке силы
За нее испить вина...

Богомолова Людмила,
    Все что было – не сплыло
Богомолова Людмила,
    Ты, как прежде, мила.
Богомолова Людмила
    Никого не забыла
Богомолова Людмила
    Всех нас здесь собрала.

Как приятно, хоть не скромно
Нам своих девчонок вспомнить,
Тех, что стройными ногами
Нас с ума свели тогда.

Все мы стройными рядами
Шли за стройными ногами
И к своей Прекрасной Даме
Каждый прибыл навсегда.

Богомолова Людмила,
    То, что было – то было...
Богомолова Людмила,
    Нам беда – не беда
Богомолова Людмила,
    Ты, как прежде, красива.
Богомолова Людмила,
    Ну, какие года?!

Что естественно – не стыдно,
Только юность (вот обидно)
Пробежала, пролетела
И умчалась навсегда

Нас порой еще заносит,
Но душа покоя просит
И уюта, что сегодня
Нам Людмила создала.

Богомолова Людмила,
    Ты, как солнце, светила
Своей ласковой улыбкой
    Вдохновляла всегда
Богомолова Людмила,
    Нас сегодня сплотила
Богомолова Людмила,
    Ты такая одна.

Богомолова Людмила,
    Как чудесно, как мило
Богомолова Людмила,

Тебя любим давно
Богомолова Людмила,
Всех опять восхитила
Мы тебя все обожаем –
Вот такое кино!!!

Евгению Лихниковичу

(Mack The Knife)

Время нам терять не время.

Наливай бокал полней.

Друг наш – Лихникович Женя

Свой справляет юбилей!

Семь десятков лет промчалю

Когда Женин первый звук

Словно «ля» второй октавы

Восхитил людей вокруг.

С той поры, трубой ли, горном

Русский Оливер..., Луи...

Покорял девчонок гордых

Незнакомых и своих.

Только с Ирой не до шуток

(В корень зри, коль окулист!)

Стал стрелять гусей и уток,

Стал он – энциклопедист.

Элегантен, остроумен

С сигариллой, с вискарем

Он всегда приятен людям –

Утром, вечером и днем.

Рады мы с тобою вместе

Посмеяться, юморист
Счастлив будь, живи лет двести,
Матерись, коль ты – лингвист.

Глаз всегда пусть будет зорок
А язык всегда речист.
Ты нам мил, любим и дорог –
Доктор, умница, артист.

На охоте и в работе,
За рулем и за столом
Вечно «на высокой ноте»
Быть Евгению не влом.

Лихникевич, поздравляем
От души и по уму
И сердечно все желаем
Мира дому твоему!!!

Николаю Володину, непревзойденному

(Dont, worry. Vi happy)

Вот парень – высший класс,
Всегда пример для нас –

Наш Коля

Многих выручал не раз

Володин

И собрал сейчас

Наш Коля Володин

Кто бы предвидеть мог
Чтоб столько перевозмог

Наш Коля

Множество путей, дорог

Володин

И себя сберег

Наш Коля Володин

Среди студенческих друзей
Встречает славный юбилей

Наш Коля

Володин

Наш Коля Володин

И пусть растет из года в год
Число задач, проблем, забот

Не дрогнет

Володин

Наш Коля Володин

Что пожелать тебе?

Ты при любой беде

Dont worry

Верь лишь самому себе

Bi happy

И своей судьбе

Будь счастлив, не парься.

Больше полвека, друг

Наш существует круг

Dont worry

Более надежных рук

Bi happy

Не сыскать вокруг

Dont, worry. Bi happy

Избравши раз врачебный путь
Не помышлял с него свернуть

Бывало
Не сладко

Dont, worry. Vi happy

Ну, а когда совсем не в мочь
Умел ты сам себе помочь

Вздыхая
Украдкой.

Dont, worry. Vi happy

Есть для чего нам жить
Работать и дружить

Dont, worry.

Есть еще чем дорожить

Vi happy

Множить и хранить

Dont, worry. Vi happy

В этот прекрасный час
Нальем бокал не раз

И выпьем

Чтобы был острее глаз,

Все дружно

Разум не угас

Все выпьем за Колю.

Хоть стал ты академиком
Но остаешься мужиком

Известным
В народе

Известным в народе

Тверда рука, душа крепка

Нет в мире круче мужика

Чем Коля

Володин

Наш Коля Володин

Разные есть пути

Для клуба Десяти

Dont, worry

Где бы только сил найти,

Bi happy

Чтобы все пройти.

Dont, worry. Bi happy.

В этот прекрасный час

Нальем бокал не раз

И выпьем

Чтобы был острее глаз,

Все дружно

Разум не угас

Все выпьем за Колю.

Пусть нам твердят из года в год,

Что наша пенсия растет

Но счастье

Не в этом

Но счастье не в этом

А в том, чтоб возраст превозмог

И быть как Коля каждый смог

Влюбленным

Поэтом.

Влюбленным поэтом

Множество есть идей
Как встретить юбилей...

Будь счастлив

Можно пригласить друзей

Не парься

И сходить в музей.

Будь счастлив, не парься

Чтоб форму не терять
И жен своих обнять

Будь счастлив

Их мы пригласим опять

Не парься

В парке погулять...

Dont, worry. Vi happy

Наш коллектив мужской
Не хочет на покой

Dont, worry

И девиз его такой:

Vi happy

«Друг, проснись и пой».

Dont, worry. Vi happy.

В этот чудесный час
Нальем бокал не раз

И выпьем

Чтобы был острее глаз,

Все дружно

Разум не угас

Все выпьем за Колю!!!

Сергею Байдину

(«Эх, Андрюша»)

Без опозданий мы всей честной компанией

Для «Клуба» финальный устроили банкет.

Парни седые, душою молодые -

Всем теперь восьмой десяток лет.

Друг наш Байдин – мил и элегантен,

Сегодня свой справляет юбилей.

Тост заздравный скорее подымайте,

Друг подруге рюмочку налей.

Стройным станом, скрепленным титаном

Сергея всем нам подает пример

Он не гнется под натиском профанов

И не допускает полумер.

Эх! Друг Сережка, гитара не гармошка,

А в нашей ритм-группе заглавный – это бас.

Ритмы лихие, рулады огневые

Ты на нем исполнил, и не раз...

Спой, Серега вместе с «Камертоном»

Возьми гитару, жми на все лады.

Пой, играй, чтоб мелодией и тоном

Разбудить осенние сады!

Между прочим, знаем мы, что очень

Свою жену, как музыку любя

Так играл ты, чтоб ласковые очи

Натали глядели на тебя.

Нам бы всем вместе прожить еще лет двести
Ну, ладно, не двести, хотя бы двадцать пять.
Чтоб из рук в руки нам передали внуки
Правнучек и правнуков обнять.

Нет, Серега, мы не молим бога
И не мечтаем об иной судьбе
Испытали и сделали мы много
И остались верными себе.

Поздравляем, от души желаем
Всех радостей, здоровья и любви.
И на долгие годы закликаем -
Друг наш, Байдин, здравствуй и живи!!!

КАХОВКА - ПИРОГОВКА

Моя Пироговка, твоя Пироговка
Второй наш любимый МОЛГМИ
Мотив Дунаевского песни «Каховка»
Над нами, как чайка, лети!

Зачеты сдавались и пересдавались -
Известна студентов беда,
Но мы Гиппократу верны оставались,
Призванью и дружбе всегда.

Под солнцем горячем, под ночью слепую
Немало пришлось нам пройти
Нас время меняет, но объединяет
По-прежнему Клуб Десяти.

Не даром, товарищ, мы все защищались
И каждый себя защитил.

Всецело профессии мы отдавались
Служили ей что было сил.

Так вспомним же юность свою огневую
Так выпьем за наши дела
За нашу страну, alma mater родную,
Чтоб каждая вечно жила
    Под солнцем горячем, под ночью слепую
    Немало пришлось нам пройти
        Нас время меняет, но объединяет
        По-прежнему Клуб Десяти.

Алеша, Аркаша, и Коля и Саша
Два Юры, Евгения три
Еще два Сергея – вот вся ассамблея,
Что может на сходку прийти.

Но мы не забудем, пока живы будем
Всех тех, с кем связала судьба,
С кем вместе учились, трудились, женились,
С кем вместе прошли сквозь года.
    Под солнцем горячем, под ночью слепую
    Немало пришлось нам пройти
        Нас время меняет, но объединяет
        По-прежнему Клуб Десяти.

Мы часто влюблялись, искали, метались -
Превратна мужская стезя,
Но лучшие женщины с нами остались
Те, с кем расставаться нельзя.

В заботе выросли наши дети и внуки -
Красивый и умный народ,

Но нам не до скуки – в работе, в науке
И творчестве каждый живет.

Под солнцем горячем, под ночью слепою
Немало пришлось нам пройти
Нас время меняет, но объединяет
По-прежнему Клуб Десяти!!!

Шувалов Александр

БАБОЧКИ И БУДДА

Пробуждение

Бабочек так много, что они облепили весь потолок. Мне приходится долго моргать и трясти головой, чтобы в очередной раз попытаться их разогнать. Кажется, вчера большая часть их улетала, но ненадолго.

Я не знаю, сколько проходит времени, но вскоре у меня всё получается. Бабочки наконец-то улетают, и я вижу ровный белый потолок с двумя плоскими матовыми плафонами.

Когда бабочки не мелькают перед глазами, мне легче думается. И я снова пытаюсь понять себя.

Сколько времени уже здесь отваялся (действительно: как долго? и где именно?), тупо разглядывая потолок с бабочками, ничего не понимая и не предпринимая!

А сегодня утром, словно дверца отворилась в голове: и посыпались через неё, как школьники из класса на перемену, разные мысли. И самая главная из них оказалась самой простой и самой гениальной. Чтобы всё понять, (а я ничего не помнил и не понимал) - надо задавать себе вопросы. Затем из мозаики ответов сложить законченную картину. Анализ, а потом синтез. Обычные методы научного исследования. И не забывая

отмечать, кстати, по какой причине в моей голове могут появляться какие-то специфические термины.

Может быть я - философ?

Стоп! Главное – постепенность и последовательность. От простого – к сложному. Иначе снова собьюсь. У меня, кажется, так уже было: налетел вдруг шквал вопросов, ни на один, из которых я не смог ответить, потом возник страх, паника и... снова ступор и бессмысленное разглядывание потолка.

Итак, по порядку. Сначала то, что я знаю наверняка.

Какая у меня фамилия?

Бондаренко. Это совершенно точно. Так обращаются ко мне врач и некоторые медицинские сёстры.

Какое у меня имя?

Здесь немного сложнее. Называют почему-то «Гриня». Что это? Украинское имя? Или уменьшительное от «Григорий»?

Ладно. Не будем пока увеличивать сущности. Отрежем лезвием Оккама лишнее и...

Стоп! Это уже слишком по-философски. Значит, я на самом деле философ?

Назад! Продолжаем начатую мысль. Отбрасываем всё лишнее и пока мне непонятное для последующего анализа. Пусть я буду Гриня, если ко мне так обращаются санитарки и некоторые сёстры.

Обращаются кто? Медицинские сёстры и санитарки. Ergo: я нахожусь в больнице. Или в каком-нибудь интернате.

Откуда я взял этот латинский термин «ergo»?

В сторону. Потом вернёмся.

Итак, ergo, я Гриня (Григорий) Бондаренко нахожусь в лечебном учреждении.

Понятно. Уже хорошо для начала. Пошли дальше.

Сколько мне лет?

Не знаю. Можно попытаться определить хотя бы приблизительно, если осмотреть своё тело или посмотреть на себя в зеркало. А вот с этим очень большие трудности. Зеркала к моему лицу никто и никогда не подносил. Осмотреть себя мне невозможно, так как я не могу ходить. И говорить, кстати, тоже. Так что вопрос с определением возраста тоже пока отложим в сторону.

А что я могу?

Хорошо видеть. Хорошо слышать. Вот сейчас я свободно различаю как, похрапывая, по-разному дышат четыре человека, которые находятся со мной в одной палате.

Я чувствую. А теперь ещё и думаю. Вот, пожалуй, и все мои достоинства.

Проанализируем недостатки. Самостоятельно встать и пойти я не могу. Ноги в параличе. Руки двигаются не в полном объёме. Во всяком случае, нет возможности подносить их ко рту, почему меня и кормят из ложки как ребёнка.

Но поднять их могу. Вот они. Почему-то полусогнуты в локтях. Значит, тоже парализованы? Вряд ли. Пальцы двигаются вполне свободно, но локтевые суставы обездвижены. «Руки-крюки».

Откуда это? Потом, позже...

Итак, вот мои руки, но по ним трудно определить возраст. Не ребёнок и не подросток, это ясно. Вон какой волосистой покров! Но откуда в локтях анкилоз? Ого! Откуда я знаю этот термин? Может быть я – врач, а не философ?..

Потом, позже...

Итак, руки у меня не сгибаются, осмотреть себя я не могу, так как для этого надо было бы присесть в кровати или поднять голову. Голова свободно вертится в обе стороны, но на этом её свобода заканчивается. Что-то произошло с позвоночником? Перелом? Травма?

Тоже – потом, позже...

Но вопрос с возрастом, кстати, частично решаем. Когда будет баня, тогда смогу осмотреть себя. Вот только: когда она будет?

Теперь проанализируем вопрос времени. Как долго я нахожусь в этой больнице? Существует чёткий ряд повторяющихся событий, которые позволяют мне хронологически структурировать своё существование.

Вот так загнул! Откуда эта терминология? Из философии или из физики?

А может быть я – физик? Закончил физико-математический факультет и работал каким-нибудь «секретным физиком», как говорил Хазанов. Потом на меня совершили покушение и вот я...

Стоп, стоп, стоп! Откуда такая чушь в голову полезла? Настоящий детектив. Спокойно. Всё с начала и по порядку

Первое. Физик? Может быть, но пока это не важно, и откладываем предположение в сторону.

Закончил физмат? Тоже неизвестно. Важнее, что я знаю, что существует такой факультет. Есть, например, в Московском Государственном университете.

Так. Вглубь пока не полезем. Что там ещё пронеслось в голове? «Секретный физик»? Да, была такая эстрадная миниатюра у Хазанова... Хазанов – это пародист. Очень смешно пародировал Брежнева. Помню.

Кто такой Брежнев? Тоже знаю! Генеральный секретарь КПСС!

Когда он жил? Не помню. Поставим вопрос более корректно. Когда он умер? Смешно пародировать генсека можно было только после его смерти. Причём, далеко не сразу. Умер он то ли в конце семидесятых, то ли в начале восьмидесятых годов. Кидаем ещё пяток лет на изменение

политической конъюнктуры. Следовательно, это моё воспоминание относится к периоду не раньше середины восьмидесятых годов двадцатого века.

Прекрасно! Пусть приблизительно, но я уже определил своё местонахождение в пространстве и времени. Хотелось бы больше узнать о пространстве. В каком я сейчас нахожусь городе? Москва, Уфа, Владивосток?

Ну, ладно, не всё сразу. Но, между прочим, и это вполне разрешимая задача. Из коридора вечерами слышен звук работающего телевизора. Надо внимательно послушать. В новостях обязательно прозвучит что-нибудь актуальное в столь важном для меня смысле.

Так, стали просыпаться больные. Скоро будет завтрак. Мог бы разговаривать, сейчас за три минуты выяснил бы все интересующие меня вопросы.

Ладно. Без паники. Исходим из реально существующей действительности.

Возвращаемся к событиям, по которым я могу структурировать время.

Три раза в день меня кормят. Это ни о чём не говорит.

Один раз в пять дней мне делают клизму. Очень приятное ощущение облегчения, которое, правда, сопровождается матерной руганью моих соседей по палате. Я их понимаю и на них не обижаюсь. Запах в это время действительно стоит противный. Почему не вывозят меня для этой процедуры в какой-нибудь другой кабинет? Не хотят, чтобы воняло там, у них. Тоже понятно.

Я помню, что последний раз мне ставили клизму два дня назад. Определена ещё одна временная точка.

Баня у нас бывает один раз в неделю. И в этот день нас бреют. Когда была баня, не помню. Потрогать ладонью, чтобы определить, до какой степени я не брит, не могу. Но есть язык!

Высунутым языком я ощупываю кожу вокруг рта. Да, щетина явно неоднородная. Но более точно определить не берусь.

Во время бани, впрочем, не каждый раз, стригут ногти.

Я снова поднимаю руки и смотрю на них. Ногти длинные и грязные. Значит, скоро – баня! А баня – это всегда кайф!

Что за слово? Это уже из другой, явно нефилософской лексики.

Кто же я на самом деле

Ладно: потом, позже...

Моя память, моё представление об окружающем мире расширяются с каждым новым, услышанным на стороне словом. Но их так мало – новых слов!

Вот медсестра в коридоре напротив входа в палату жалуется другой, что не может оторвать своего сына от компьютера. И у меня сразу закручивается в голове целый клубок ассоциаций, связанных с компьютером. Я с ним работал. Представляю, что такое ноутбук, принтер, сканер.

Где и когда? Пока не могу вспомнить. Но при Брежневе их в свободной продаже не было. Учтём пародию Хазанова и снова приходим к выводу, что живу я в гораздо более позднее время. Может быть, даже в девяностых годах. Предположим, что сейчас 1995 год.

Уже достижение в своей ориентации во времени!

А вот и посуда застучала. Сейчас с тарелкой в руке подойдет ко мне санитарка и скажет:

- Ну-ка, Гриня, открывай рот! Кушать будем...

Баннный день

Сегодня баня. Впрочем, это, не баня в буквальном смысле, а душевая в нашем же отделении. Причём лично для меня душ «односторонний». Сажают в кресло-каталку, закатывают в

ванную комнату и ставят под душевую головку, из которой хлещет вода.

Я сижу в кресле как привязанный. Только и могу, что головой повертеть, да руками помахать. Спина и заднее место не моются.

Кстати, любопытный факт. Комфортнее всего я чувствую себя в кресле-коляске. У меня и ноги застыли в полусогнутом положении. Как раз под сидячую позу. Такое ощущение, что когда-то посадили в кресло и заморозили. Я и застыл в такой позе. Мне даже сидеть удобнее, чем лежать с - ногами.

На коляску сажают довольно бесцеремонно, но ловко и быстро. Санитар просовывает руки мне подмышки, санитарка берёт за согнутые ноги – и через пару секунд я в кресле.

Я, видимо, не тяжёлый, и вряд ли мой вес превышает килограмм пятьдесят. Кажется, высокий, но очень худой. Впрочем, мой рост в таком состоянии точно никто не способен измерить.

Но это не важно. Потом, позже...

Отчего меня так скрючило? Заглянуть бы в свою историю болезни. Сложная задача. Для меня практически невыполнимая. Но нет ничего невозможного. Доказал же Перельман теорему Пуанкаре!

Стоп! А это у меня откуда?

Может быть я математик, а не философ?

Ладно, не будем без нужды умножать сущности. Потом, позже...

Меня везут из палаты в душевую. Эта поездка, разумеется, далеко не первая, но только сегодня я вижу всё вокруг себя разумными и понимающими глазами. Выкатывают в коридор и поворачивают направо. Слева остаётся большой холл со столами и телевизором в углу. Столовая для больных, в которой

я ни разу не был. Проезжаем мимо одной двери, потом второй. Это – палаты для больных.

Едем по коридору дальше. Слева пустой дверной проём – вход в туалет. А почему в нём нет дверей?

И сразу справа – дверь в ванную комнату. Здесь уже тепло и влажно. Одно из немногих моих преимуществ: мыться самым последним в уже тёплом помещении. Меня же из палаты везут совершенно голым, только бросили на колени полотенце.

Из одного душевого рожка уже хлещет вода. Надеюсь, что подходящей температуры. Мою коляску, забрав с ног полотенце, сразу ставят под душ.

Вода заливает лицо, течёт приятными струйками по телу, приходится зажмуриться. Надо будет выбрать момент и повнимательнее рассмотреть своё тело.

Кресло выкатывают из-под душа, и раздаётся голос санитарки:

- Гринь, давай глаза закрывай, а то щипать будет.

Она плещет мне на голову шампунем, и пару раз проводит по волосам рукой в резиновой перчатке. Обращается к санитару:

- Посмотри, чтобы опять не свалился. Я пойду Шикина приготовлю.

Санитар снова задвигает моё кресло под сильные водяные струйки.

Надо дождаться, чтобы стекла с головы мыльная пена, а потом открыть глаза. Хорошо-то как! Целый час бы так сидел!

Открываю глаза. Санитар стоит и курит в дверях.

Ну, как можно определить мой возраст? По волосам на ногах? По члену?

Кожа бледная, но нигде не провисает, как у старика, дряблыми кусками мышц. Получается, что я мужчина среднего возраста. От двадцати пяти – до пятидесяти. Точнее – не скажу.

На коленных чашечках несколько старых рубцов странной звёздообразной формы. Была, видимо, какая-то операция, вот теперь коленные суставы и не работают. На голених тоже такие шрамы. Ранения от взрыва?

Поднимаю руки, чтобы хоть немного воды попало на бока, на рёбра... Эх, спину бы кто сейчас потёр!

Санитар, словно услышав мои мысли, бросает окурок в урну, поворачивается ко мне:

- Ну, что, Гриня, подмоемся?

Берёт присоединённый к крану шланг. Не помню, чтобы он раньше был здесь. Включает воду, секунду-другую щупает её рукой, а потом направляет струю мне в пах. Слишком холодновата, но ничего.

Даже хорошо.

Провёл струёй по ногам, потом заходит сбоку и направляет её между спинкой кресла и моей спиной.

Вот оно счастье! Боже, как приятно!

- Руками крепче держись, дурилка! Смотри не свались!

Вода гуляет по моему телу, оживляя его и наполняя бодростью. Это же настоящий душ Шарко получается. Кажется, меня раньше так не обливали. Или я забыл?

И, кстати, кто такой Шарко?..

В дверях появляется санитарка

- Давай его сюда. Хватит полоскаться

Небрежно протирает мне голову полотенцем, снова бросает его на колени:

- В кровати досохнешь, Гриня. Нам ещё одного такого же мыть. А тебе бриться пора...

Больных бреет не санитар, а специально приходящий в отделение после каждой второй «бани» парикмахер Коля: маленький и юркий старичок. Сам он всегда выбрит идеально, и пахнет от него всякий раз смесью какого-то цветочного

одеколона и водки. Коля быстро и ловко проводит мыльным помазком по щекам, верхней губе и подбородку – четыре выверенных и отточенных многолетней практикой движения. Намыливает он отлично. Но вот сам процесс бритья... Бреет всех подряд одним и тем же одноразовым лезвием на пластмассовой ручке, которое невероятно тупое, оставляет ссадины и царапины. После бритья протирает лицо полотенцем и переходит к другому клиенту. Вытирает, разумеется, небрежно, оставляя возле ушей и на шее следы мыльной пены. Эти места ещё долго саднят и чешутся. А почесать или погладить их я никак не мог! Только головой потереться о подушку, как трётся о ствол дерева корова, когда её покусает оводы в тех местах, где она не может согнать их своим хвостом.

А это деревенское воспоминание у меня откуда? Вдруг я не философ и даже не «секретный физик», а простой колхозник?

Стоп! Это – потом, позже...

Возвращаемся к парикмахеру. Есть у него с собой зеркало или нет? По идее должен носить в своей сумке. Всё-таки парикмахер, наверняка один на всю больницу, потому редко и приходит. Определённо должны встречаться такие больные, которые хотят посмотреть на себя в зеркало.

Нашу палату Коля «обривает» по часовой стрелке.

Разве можно так говорить: «обривать палату»? Это неологизм.

Что такое неологизм?

Лингвистический термин. И в данном случае, скорее, относящийся к просторечию. Одно дело неологизмы Хармса или Хлебникова, и совсем другое...

Стоп, стоп, стоп!

Кто такие Хармс и Хлебников, физик я или лингвист уточним позже. Сейчас главное – не уйти в сторону и не потерять нить логического размышления!

Итак, во время бритья я оказываюсь третьим по счёту. Сегодня с особенным вниманием слежу за каждым движением парикмахера, пытаюсь догадаться или заметить: есть у него с собой зеркальце или нет. И втайне надеюсь, что он сменит передо мной своё «многоцветное» лезвие.

Вдруг сосед справа, тот самый, который больше всех возмущается, когда мне ставят очистительные клизмы, произносит:

- Коля, дайка зеркальце. Хочу посмотреть, что у меня там на губе выскочило.

Парикмахер достаёт из небольшой спортивной сумки, в которой носит все свои профессиональные принадлежности, круглое зеркальце в стальной оправе с торчащей сзади ножкой.

- Не вопрос. На, смотри. Это у тебя, наверное, герпес. Скажи медсестре, пусть помажет, чем полагается. Я тебя там даже брить не стал, чтобы не задеть ненароком. Да и заразный он...

И через минуту уже сидит на краю моей кровати.

Всё, как всегда. Умелые взмахи помазком, быстрые скребущие движения лезвием. Сейчас протрёт щёки полотенцем и поминай, как звали.

А я вместо просьбы могу только промычать. Вроде той коровы...

И вот, в ту самую секунду, когда Коля, бросив в торчавший из сумки целлофановый мешок бритвенный станок, тянется за моим полотенцем, я как можно более выразительно мычу и кручу головой.

Не представляю, как всё это выглядит со стороны, но догадываюсь, что не очень привлекательно. Коля, явно неожиданный от меня такой реакции,

оторопело спрашивает:

- Ты что? Ну, порезал там немного. Через минуту всё заживёт. Хочешь, одеколоном брызну для дезинфекции?

Я отрицательно трясую головой, снова мычу, стараясь придать звуку смысл. И одновременно изображаю рукой круговые движения.

- Да, чего тебе надо-то? Он продолжает с недоумением смотреть то на меня, то на мою руку. Сгибалась бы рука, я бы мог мимически довольно просто изобразить, как смотрятся в зеркало. Но мне остаётся лишь мычать как можно более просительно и жалобно и изображать рукой круг.

Ну, неужели так трудно догадаться, о чём я тебя прошу? Алкаш ты старый! У тебя же только сейчас зеркальце просили!

И Коля догадывается.

- Ты, может, посмотреть на себя хочешь?

Я утвердительно киваю головой.

- Ишь ты! – С неожиданным удовольствием произносит Коля. – Видать, ты на поправку пошёл. Пижоном хочешь выглядеть? На, смотри.

Он протягивает к моему лицу зеркало. Но при этом, понимая, что я теперь могу объективно оценить его работу, начинает аккуратно стирать со щёк и шеи следы мыльной пены. Зеркальце в его руке дёргается, и я не могу сосредоточиться на своём отражении. Но основное вижу: бледное худое лицо, короткие чёрные волосы, клочками торчащие в разные стороны, большие карие глаза и острый, почти крючковатый нос.

Я снова, теперь уже благодарно трясую головой и улыбаюсь.

- Ну, вот, сам видишь. Нормально тебя побрил. Мастерство не пропьёшь, понял? Ну, давай.

Парикмахер переходит к следующему пациенту.

А я вспоминаю только что увиденное в зеркале лицо. Знакомо оно мне или нет?

Скорее, нет, чем да. Преобладает ощущение, что «этого человека» я вижу впервые в жизни.

А почему у меня крючковатый нос? Может быть, я – грузин? Ну, в смысле – лицо кавказкой национальности. А что? Может быть и так.

С другой стороны, я не знаю ни одного слова по-грузински. Впрочем, знаю, что «генацвале» – это товарищ. И ещё пришло в голову слово «гамарджоба». Только что оно обозначает? Приветствие? Ну, такие слова любой может знать. А из головы уже по инерции летят: Джугашвили, Гаприндашвили...

Стоп. Потом, позже...

Вряд ли человек с грузинской внешностью может называться Григорием Бондаренко. Скорее всего, я – брюнет украинской национальности. А что? Вполне возможный вариант...

Укулеле

Успешное общение с парикмахером Колей, когда я добился желаемого, не произнеся ни одного слова, служит мне хорошим уроком и придаёт уверенности. Из глубин памяти явно детского периода всплывает нравоучительная фраза: «Когда читаешь, не шепчи слова и не двигай языком. Быстрее получится».

Или это воспоминание более поздних времён обучения быстрому чтению?

Не важно!

Главное – надо попробовать читать и шевелить языком. Возможно, его движения создадут нужную артикуляцию, и я смогу произносить слова.

Я научился думать. Теперь пора учиться говорить.

Начать можно с любого слова. Просто, чтобы оно было полегче для произношения.

Я смотрю в потолок и представляю, как на нём большой малярной кистью пишется слово – «у-ку-ле-ле».

Господи! Это ещё что такое?

Впрочем, я знаю. Укулеле – это четырёхструнная гавайская гитара. И почему-то даже кажется, что я могу на ней играть. Или учился играть...

Дурак! Слово должно быть простое и не отвлекающее внимания. Как в букваре для первоклассника.

Я представляю написанное на потолке слово «мама». И пытаюсь его произнести. Губы двигаются, но язык неподвижно «безмолвствует».

Не то слово. Нужно придумать с другими согласными. Хотя бы то же самое укулеле.

У-ку-ле-ле.

Язык явно совершает все необходимые движения.

Тогда я уже с открытым ртом и на выдохе повторяю: укулеле.

Получается что-то вроде «у-уле-ле».

Но получается!

Отлично! Я даже начинаю тихо смеяться. Кстати, и звук моего смеха, на мой, разумеется, взгляд, воспринимается как вполне нормальным.

Продолжу лучше по букварю. Там было что-то вроде «Мама мыла раму».

У меня получается (как приятно слышать свою собственную речь!): «мама мыла ааму».

Перебираю ещё несколько фраз. И даже расстраиваюсь из-за своей бестолковости. Ну, кто мне сказал, что я не могу говорить?! Откуда я взял, что я – немой?!

Да, буква «р» явно у меня не проговаривается, но объясняться я могу совершенно свободно. Поймут и без «р». Ленина с его ротацизмом понимали миллионы людей...

Стоп! Назад. Это – потом, позже...

Сейчас тренироваться в произношении.

Все возникающие в памяти слова, которые я произношу уже вслух, автоматически сопровождаются его семантической расшифровкой.

Из коридора доносятся звяканье посуды и разговоры. Сейчас будет завтрак. Как жаль, что «доброе утро» и «здравствуйте» содержат букву «р»! Хочется приятно удивить проснувшихся соседей. Но ничего кроме бесцеремонного «Хэлоу, коллеги по несчастью», в голову не приходит. Зато произношу эту фразу я на пять с плюсом: громко и вполне отчётливо.

И – никакой ответной реакции у окружающих. Впрочем, они всегда больше молчали. Только сосед справа, который с герпесом на губе, подходит к моей кровати и внимательно смотрит на меня. Но на его лице появляется не радостное удивление, а напряжённое ожидание. Почему?

- К тебе вернулась речь, да? – спрашивает он у меня. – Ну-ка, скажи ещё что-нибудь.

«Вернулась» я ему не скажу, так как в нём буква «р», но составить аналогичную по смыслу фразу не составляет для меня большого труда.

- Да. Сейчас я могу общаться с помощью языка.

Во как! Чётко, вполне понятно и с правильно выраженным смыслом. Ай, да, Пушкин! Ай, да, сукин сын! Молодец я!

Сосед наконец-то удивлённо вздёргивает на лоб брови и быстро выходит из палаты.

А теперь поразим своей речью санитарку или кто там меня будет сегодня кормить. Как жаль, что не могу пожелать доброго утра. Можно, конечно, сказать «гуд моонин!», но она не поймёт.

Поев с необычным для себя аппетитом, я, стараясь, чтобы мои слова прозвучали как само собой разумеющаяся благодарность (не без основания Коля меня «пижоном» назвал), спокойно произношу:

- Спасибо за кашу и чай, тётя Клава.

- Ой! – санитарка чуть не выронила кружку. Все пили чай из стаканов, но меня, разумеется, удобнее было поить из кружки. – Гриня! Да ты никак заговорил! Ну, ты у нас и орёл! У тебя, может и руки зашевелились, а ты нарочно хочешь, чтобы тебя из ложки кормили.

- Шевелятся, но к лицу их подносить не могу. Не сгибаются.

- Ну, ты даёшь, Гриня! Что теперь будет!..

А что будет?

Ну, заговорил больной. Должны быть довольны. Значит, правильно лечили. Впрочем, мне никаких лекарств не давали, и я не помню, чтобы делали какие-то уколы. Но доктор во время обхода теперь уж точно ко мне подойдёт. Кажется, его зовут Валерий Павлович. Плохо, что в имени есть «р». Уже не тот эффект будет.

Я с радостным чувством жду обхода и продолжаю негромко произносить отдельные фразы и слова, в которых нет «р», чтобы не портить себе без необходимости настроения.

Доктор появляется неожиданно быстро и даже без халата. Кстати, в очень неплохом костюме. Судя по идеальной длине рукава, из-под которого торчат манжеты сорочки с золотыми запонками, пошит на заказ. Красный в полоску галстук я бы к такому костюму не надел, но это уже дело вкуса. Во всяком случае, галстук повязан идеально: доходит точно до пряжки ремня.

А я, случаем, не портной? Но это сейчас неважно. Потом, позже... Что же он молчит? И что-то радости у него на лице я тоже не замечаю. Разглядывает меня в упор уже больше минуты. Наконец медленно произносит:

- Доброго утра, Бондаренко.

Ну, не ответишь же своему врачу «Хэлоу, док!»? Это уже неприлично. Без чёртовых «р» никак не обойтись. Весь эффект окажется потерянным. Ну, что же теперь сделаешь?..

- Здравствуйте, Валерий Павлович.

- Так. Неплохо, неплохо...

И он, не сказав больше ни слова, неожиданно поворачивается и, позвав за собой медсестру, которая пришла вместе с ним, быстро выходит из палаты.

А я-то думал, что он со мной хоть немного поговорит, оценит состояние, что-нибудь посоветует. Мне вообще теперь надо больше общаться, чтобы речь быстрее восстановилась. А с кем? Тоже мне! Врачи хреновы!

Настроение портится окончательно, но последующие события быстро сглаживают появившееся чувство разочарования.

VIP – пациент

Тётя Клава мокрым полотенцем протирает мне лицо, чего раньше никогда не делала.

- Ой, Гриня. Да тебя брить пора!

- Только день назад Коля уже... - Чёрт возьми! Ну, как обходиться без этой проклятой буквы? Проще сказать «ай эм шейвд». Но ведь она наверняка не поймёт английский!

Для переживаний мне сегодня время явно решили не оставлять. Не проходит десяти минут, как прибегает с каменным лицом и трясущимися руками парикмахер Коля. И начинает повторно брить меня одного из всей палаты жиллеттовской бритвой «Мак 3» с вибрирующей головкой! Затем протирает лицо приятно пахнущим лосьоном, одновременно делая массаж. И всё это, не говоря ни слова и с самой недовольной миной. Вопреки возникшим опасениям, я чувствую, что сейчас, несмотря на сильный тремор рук, ни одного пореза он не

допустил. Да, действительно, мастерство не пропьёшь. Когда оно есть.

- Спасибо, Коля. А почему опять? И почему меня одного?

- Много будешь знать, быстро состаришься... Нормально побрил?

- Отлично. Большое спасибо!

- Ну, давай. Будь здоров!

И уходит.

А чудеса продолжают.

Появляется заступивший с утра на смену санитар Михаил. Хорошо, что зовут его не Игорь, не Андрей и не Серёжа. Можно будет по-человечески обратиться. На пару с санитаркой пересаживают меня в кресло-коляску и укрывают со всех сторон одеялом.

- Миша, сегодня опять душ будет?

Вместо него отвечает словоохотливая санитарка:

- Ты, милоч, теперь душ будешь принимать в другом месте. Пожил у нас и будет...

- Заткнись, тебе сказано! – прорычал Миша.

Мне не совсем понятна неадекватная реакция окружающих на появление у меня способности говорить. Настроение счастливой приподнятости постепенно сменяется недоумением. А потом неизвестно почему появляется подозрительность. Не поторопился ли я продемонстрировать всем свои вновь обретенные способности? Что-то здесь не так. И пока я не разберусь во вновь возникшей ситуации, придётся не то, чтобы помалкивать, но два раза подумать, прежде чем ответить. Чувствую, что могу сказать нечто лишнее, что мне очень сильно может повредить.

Выкатывают из палаты и поворачивают коляску налево, в сторону столовой. Едем по довольно длинному коридору. В конце его – дверь. И я понимаю, что меня не в другую палату

переводят, а куда-то в другое место. Вот тебе и заговорил! До чего мудрым был человек, придумавшим поговорку: «Слово - серебро, а молчание – золото». Но не молчать же мне было здесь до конца жизни!

Ничего! Мы ещё посмотрим, что к чему. Пока, во всяком случае, не бьют, а бреют новым лезвием. Это неплохой признак.

Но почему во всём такая спешка и срочность?

Ладно. Потом. Позже разберёмся.

На лестничной площадке прохладно. Ещё бы! Вчера в новостях объявили на сегодня плюс один градус. И число сегодня – второе ноября 2007 года. А я-то, сколько мучился и гадал! За последние вечера внимательного прослушивания телевизионных передач, которые доносились из столовой, я узнал не только дату, но и какие события происходят в стране: взрыв автобуса в Тольятти; какие - в дальнем зарубежье: катастрофическое наводнение на юге Мексики. И какие - в ближнем зарубежье: беспорядки и митинги в Грузии.

Услышав фамилию какого-нибудь государственного деятеля, я сразу вытаскиваю из памяти целый блок информации, связанный с ним и его страной. Сказали вчера про Саакашвили, и я сразу вспомнил все российско-грузинские перипетии последнего времени. Десятки знакомых грузинских фамилий и не очень. Вернее - не очень понятно, откуда мне так хорошо известных. Например, Бадри Патаркацишвили. Он что, мне лучший друг? Да я его фамилию и выговорить не смогу! И почему опять Грузия? Неужели я всё-таки грузин? Смешно: начал с философа и «секретного физика». Как бы мне не закончить преступным авторитетом грузинской национальности.

- Позови кого покрепче из мужиков, - сказал Миша санитарке. – Лучше Витьку. И побыстрее. А то холодно здесь. Сразу надо было его с собой взять...

Вдвоём с подошедшим больным они, ухватившись с боков за кресло, понесли его вместе со мной на второй этаж. А потом на третий.

- А он лёгкий, дядя Миша, правда? Как пёрышко. Мы его...

- Заткнись. Понял?

- Понял. Чего не понять? Несём и несём.

Почему они все такие тревожные? Словно перепугались, что я заговорил. Да, здесь явно что-то не так... Ergo: надо больше думать и не спешить с ответами! Хорошо, что избегание ротацизма меня будет невольно сдерживать. А пока можно сделать вывод: везут не в лес убивать, а, скорее всего, в другое отделение.

На третьем этаже располагалось примерно такое же по планировке помещение. Только коридор гораздо короче и больных не видно. Тревожный, но не самый страшный вариант. Проезжаем до конца коридора. По обе стороны закрытые двери. Чисто. Открывают последнюю слева дверь и вкатывают в палату. Первое, что бросается в глаза, - стоящая у окна фигура Валерия Павловича. Но эта комната не может быть его кабинетом. Это палата для больных. Вернее – для одного больного. Просторная, с претензией на не очень нужную в больничных условиях роскошь. Главное – есть телевизор. Уже не оторвут меня снова от мира. А дальше – разберёмся. Сейчас, как я понимаю, предстоит очередная беседа с лечащим врачом, но в более изысканной обстановке.

- Спасибо, ребята. Михаил, позови Андрея Максимовича. И дверь за собой прикройте.

Он довольно пренебрежительно машет рукой: мол, ступайте отсюда. Крутой дядя.

Подходит ко мне, разворачивает коляску передом к стоящему в стороне креслу, а сам усаживается в него и закидывает ногу на ногу. - Сейчас, Григорий Маркелович, Вас

переложат в постель. Потерпите ещё немного, пожалуйста. Не замёрзли?

Оказывается, у меня и отчество существует! Только какое-то не очень распространённое, скажем так. Во всяком случае, я теперь уже не «Гриня».

- Нет. Могу пока и посидеть.

- Ого! Прекрасно говорите. И когда у Вас, позвольте спросить, восстановилась речь?

- День назад.

- А память когда восстановилась?

- Ещё не восстановилась. Помню только события последних дней.

В этом я ему не очень-то и соврал.

- Интересно, интересно, Григорий Маркелович... Я, разумеется, очень рад улучшению Вашего здоровья. А какое у нас сегодня число, месяц представляете?

- Да. Или весна, или осень. Я в окно вижу.

- Так, хорошо. Просто отлично! Жаль, что я поторопился назвать Вас по имени отчеству. Его Вы могли теперь и запомнить. А вот - как Ваша фамилия, помните?

- Да. – Наградил же Бог фамилией с буквой «р». – Бондаенко.

- Отлично, отлично. А букву «р» Вы не выговариваете. Но в этом ничего страшного нет. Не комплексуйте по такому поводу. Я понятно выражаюсь?

- Да, вполне.

- Ну, Вы – просто молодец! А родителей своих помните? Супругу?

- Нет. А я женат? Где жена? И что со мной было, скажите, пожалуйста? – От этих вопросов разве я мог удержаться? На них по телевизору ответы не услышишь.

- Не так быстро, не так быстро, Григорий Маркелович. Вы ещё очень ослаблены. Не только соматически, понимаете? У Вас сильная церебрастения, головной мозг истощён. Его нельзя перенапрягать. Всё постепенно узнаете. И, скорее всего, не от меня. Вас теперь будут посещать. Всё узнаете и вспомните... Пока могу только сказать, что Вы перенесли очень тяжёлую травму и психическое потрясение. И очень прошу Вас, не торопитесь всё узнать сразу.

Раздаётся стук в дверь, она открывается и входит громадных размеров человек в чёрном костюме, белой рубашке и чёрном галстуке. А лицо заспанное. Недавно разбудили? Надеюсь, что он не водитель катафалка, а заурядный охранник... А ведь я его знаю. Он кажется, медбрат... Как-то был у нас в палате, подходил и что-то спрашивал. Но в смену не работал, как все...

- Здравствуйте. Вы меня звали?

- Да, Андрюша. Переложите, пожалуйста, Григория Маркеловича на кровать. Бугай, не торопясь, сначала подходит к кровати, откидывает покрывало, поправляет подушки и только потом идёт ко мне. Осматривает, распахивает на мне одеяло, легко поднимает и как ребёнка укладывает в постель. - Вам так удобно, Григорий Маркелович?

- Да, спасибо.

- Ну, на сегодня, я думаю, - снова подаёт голос доктор, - Вам вполне хватит уже испытанных ощущений. Отдыхайте. Видите кнопку? До звонка Вы легко дотянетесь. Через секунду Андрей будет у Вас. Часы висят напротив Вас. Вы видите хорошо?

- Да.

- Отлично, отлично. Обед будет в час. Вам всё принесут в палату и покормят. А сейчас лучше отдохнуть. Не думаю, что в той палате Вам было очень комфортно. Что-нибудь хотите спросить?

- Мне бы последние газеты и пульт от... телека.

- Григорий Маркелович, не стесняйтесь произносить все слова, даже с буквой «р». И если Андрея назовёте «Андей», поверьте мне, он нисколько не обидится. Правда, Андрюша?

- Без проблем, Григорий Маркелович. Простите, конечно, но меня ребята часто называют «Максимычем». Если Вам будет так удобнее, то – ради Бога.

- Ладно. Пусть будет так, Максимыч.

- А с прессой, Григорий Маркелович, давайте пока немного подождём. Ваше... улучшение произошло так внезапно, что боюсь, как бы не причинить Вам невольно вреда. Не скрою, что хочу посоветоваться с коллегами. Уверен, что и телевизор, если не сегодня вечером, то завтра Вы уже будете смотреть. Поймите меня правильно. Договорились?

- Ладно. Спасибо за всё.

И я остаюсь один.

Да, есть о чём подумать... Интересно, с какими коллегами он сейчас начнёт советоваться. Уверен, что не с теми, которые носят белые халаты.

VIP – палата

Теперь я могу более внимательно осмотреть свою палату. Интересно, какой вид из окна? Может быть, по нему я бы смог определить город? Хотя сомневаюсь в такой возможности.

Но это потом, позже...

Итак, чем я располагаю на сегодняшний день вместо старой койки в пятиместной палате? Если смотреть по часовой стрелке от входной двери, то в дальнем левом углу стоит большой холодильник. Никак «Электролюкс»! Дальше у стены напротив меня – тоже не маленьких размеров диван и над ним часы. В правом углу – шкаф для одежды.

Кстати, а где моя одежда? Я же гол как сокол! Или её доставят клиенту по заказу?

Ну, ладно, увидим... Затем в цвет шкафу стоит тумбочка с телевизором. На нём статуэтка Будды. Он-то здесь к чему? А вдруг я – буддист. Далай-лама? Вряд ли. Уж какую-нибудь иконку лучше бы повесили. Святого Пантелеймона, например, которая якобы больным помогает... Впрочем, дареному коню в зубы не смотрят.

В центре правой стены расположено очень широкое нестандартных размеров окно. У нас в отделении таких нет. И перед ним кресло, в котором и сидел Валерий Павлович. Потом, уже ближе к моей кровати, стоит единственная медицинская принадлежность, которая никак не вписывается в будуарный интерьер необычной больничной палаты, – процедурный столик белого цвета. В углу справа от меня, рукой можно дотянуться, если подвинуться к краю кровати, тумбочка. На подносе две бутылки минеральной воды и стаканы. Интересно, а что в ящичках? Библия? Позже посмотрю. Над тумбочкой лицом ко мне висит небольшая картина, изображающая бабочку. Узнаю, это - махаон. Затем стоит моя кровать, прижатая изголовьем к стене. Прямо надо мной какая-то картина в богатой рамке. Остаётся надеяться, что она не свалится на меня ненароком. Слева в углу - дверь. Наверняка в санузел. Хорошо, что так близко.

Уж, не снится ли мне вся эта роскошь? В таком случае, не хотел бы я неожиданно проснуться...

Дальше – кресло, журнальный столик и ещё одно кресло. Круг замыкается на входной двери. Послужит ли она для меня выходом?.. Да и третий этаж – не первый. С него не выпрыгнешь...

А на середине просторной комнаты-палаты танцевать можно.

Смотрю на процедурный столик. Не начнут ли именно теперь меня «лечить»?..

Всякое может быть. Посмотрим...

При всей моей пока ничем не обоснованной антипатии к Валерию Павловичу в одном он оказался совершенно прав. В отношении моей церебрастении. Потому что стоило мне пяток минут полежать в мягкой кровати и отдельной практически звукоизолированной комнате, как после всех этих неожиданных метаморфоз меня неудержимо потянуло в сон.

Я смотрю на часы. Ещё нет десяти утра! Только день начинается, а как много всего произошло за это время!

Можно и вздремнуть. Рождается подленькая и совершенно бредовая мысль: вдруг меня опоили каким-то сонным зельем? Глупость, конечно. Во-первых, после завтрака в своём отделении я ничего больше не пил и не ел. И даже до их воды ещё не дотрагивался. А во-вторых, при моей беспомощности бояться, что меня отравят? Идиотизм! Им это два раза плюнуть! Захотят, отравят во время первого же обеда. Не говоря уже о том, что есть масса способов избавиться от такого инвалида как я максимально безопасным образом. Так что думать на эту тему - только бесполезно увеличивать оккамовские сущности...Интересно другое: кто у меня жена? Красивая? Почему не навещает?.. А я ведь импотент. Не припомню что-то, чтобы появлялась эрекция...

А дети у нас есть?..

И кто я вообще? Теперь уже ясно, что не простой колхозник. Но что-то не очень мне нравится моё предполагаемое социальное положение. Большие деньги всегда пахнут смертью. А я можно сказать только, что заново родился. Хотелось бы ещё немного пожить...

И под эти мысли засыпаю.

Открываю глаза – двенадцать часов! Почувствовал, что захотелось в туалет.

Интересно, а как здесь они думают решать со мной эту проблему? И к кому мне теперь обращаться по столь низменным поводам? К врачу или Андрею? Будет ли у меня здесь медицинская сестра или санитарка?

И почему, кстати говоря, утащили мою коляску? Как я смогу передвигаться?

То, что туалет рядом, конечно, здорово, но до него ещё надо добраться!

Ладно, скоро всё узнаю. Но пописать не помешало бы уже сейчас. В такую роскошную постель обмочиться – грех. И стеклянной утки, которая всегда стояла рядом в старой палате, нет. Там всё было рассчитано на длину моих полусогнутых рук: помочиться без посторонней помощи не составляло мне никакого труда.

А здесь?!

Не порядок, Валерий Павлович! То ли Вы не всё продумали, то ли, что вероятнее, не успели ещё всего продумать. Видимо, очень неожиданно для всех вас я заговорил. Но пусть теперь это будут ваши трудности. Мне свои решать надо. И физиологические пока стоят на первом месте.

Я протягиваю руку и с силой нажимаю на кнопку звонка.

Опять не обманул доктор! Если не через секунду, то уж через три-четыре – точно, дверь открывается, входит Андрей и произносит:

- А Вас слушаю, Григорий Маркелович.

- Подойди поближе, Максимыч, чтобы мне не шуметь.

- Простите, Григорий Маркелович.

Андрей подходит и останавливается у изножья кровати.

- По поводу посещения санузла, Максимыч. Кто мне будет помогать, ты?

Почему я так упорно не хочу произносить слова с буквой «р»?! Из-за этого и речь получается корявая. Сказал же мне доктор: не комплексовать по этому поводу. Тем более перед Андреем. Почему никак не могу себя пересилить?

- Так точно, Григорий Максимович.

- Служил?

На его лице проскользнула тень смущения:

- Верно заметили. Служил. – И сразу: - Вас в туалет перенести? По этому вопросу не стесняйтесь. Я специально для этого к Вам и приставлен. А по медицинской части придётся подождать до завтра. Приедет медсестричка.

Так и думал! И ты здесь приставлен не только, чтобы меня в толчок носить, и медсестричка, сердце моё чует, сразу начнёт мне уколы делать. Интересно, какие?.. Впрочем, всё равно никто не скажет... И на самые интересующие меня вопросы ты, служивый, тоже вряд ли ответишь. Но я их пока задавать и не собираюсь.

- Максимыч, ты и служил, да и мальчиком уже не выглядишь. Помозгуй, пожалуйста, как мне меньше тебя беспокоить по туалетной части... И почему коляску мою увезли? Мне очень удобно в ней сидеть.

- Та-а-а-к. – Андрей задумался. – С коляской, конечно, проще. Сегодня вечером или завтра утром у Вас будет своё кресло. Удобнее прежнего, можете поверить. И все продукты, кстати, тоже. – Он кивнул головой в сторону холодильника. - А с туалетом... - Андрей открыл дверь в санузел, взглянул внутрь, потом на мою кровать. – У вас руки сильные?

- Нет. Откуда?

- Простите. Вам надо руки накачивать. Ваше кресло так сконструировано, чтобы на него было удобно переползать с кровати, ну а потом и на унитаз пересаживаться. И там вся сантехника под Вас приспособлена. Но... Руки нужны.

- Спасибо. Понял... Вот мои клешни, видишь? Сможешь что-нибудь для таких сочинить в плане силовой гимнастики?

- Можно сообразить, Григорий Маркелович. Но, сами понимаете, если разрешит Валерий Павлович. А подходящий для такого дела тренажёр я бы подыскал.

- И на этом спасибо, Максимыч. Ну, а сейчас давай готовиться к обеду...

И когда же, хотелось бы мне знать, вы под меня кресло по спецзаказу изготовили? И всю эту сантехнику? Ну, ладно, сначала посмотрим, попользуемся и оценим её функциональные возможности...

Ровно в час Андрей приносит мне на двух подносах обед. Один ставит на тумбочку, другой на процедурный столик. Повязывает на шею мне салфетку и довольно умело начинает кормить. Не ожидал от него такой ловкости и нежной заботливости.

Но ещё больше поражён открытием, что еда может быть такой разнообразной и невероятно вкусной! Я и не знал. Да ещё с бокалом красного вина, наполненным, правда, на одну треть. Да пусть в него хоть цианистый калий подмешан!

- Не будем торопиться, Григорий Маркелович, - говорит присутствующий при моей первой VIP-трапезе Валерий Павлович. - Есть Вам надо, разумеется, побольше, но постарайтесь не очень торопиться во время еды, хорошо? Дольше прожёвывайте пищу...

В его глазах я, наверное, выгляжу изголодавшимся троглодитом.

Настроение мне портит только одна мысль: в туалет теперь меня Андрею придётся носить по десять раз в день. Почему-то клизм в своём отделении я не стеснялся, а здесь никак не могу перебороть чувство смущения. И даже счёл за счастье (это надо

же, в чём может заключаться ощущение счастья!), что мои руки-крюки позволяют мне самому подтереться туалетной бумагой.

Пообедал и снова спать.

Перед ужином просыпаюсь от негромкого шума. Андрей из двух больших спортивных сумок перекладывает в открытый холодильник банки, бутылки, свёртки, пакеты, коробки.

- Еду доставили, Максимыч?

- Простите, если разбудил, Григорий Маркелович. Но надо обязательно сразу всё в холодильник убрать.

- Ничего, ничего. Сколько спать можно? Ты уж извини меня, Максимыч, но как освободишься, в туалет меня опять отнеси, пожалуйста.

- Без проблем, Григорий Маркелович. Две минуты пождёте?

- Конечно. А где коляска?

- Везут. Из Питера пока...

И замолк.

Ага! Значит мы где-то под Питером. Не в Хабаровске и не в Тбилиси, во всяком случае.

- Дорога скользкая, Григорий Маркелович, – продолжает Андрей, раскладывая продукты по полкам. - Наледь. Снег идёт, видите? Мне нравится, когда всё в снегу. А то грязь, слякоть... Зимы какие-то пошли тёплые... Могу к окну поднести, посмотреть, хотите?

Ишь ты, разговорился как! Значит, лишнее брякнул служивый, а теперь, другими словами, замазывает информацию.

- Спасибо, успеется. Я сам с коляски погляжу. Удачно, что подоконник здесь низкий.

- Так он специально и сделан под высоту Вашей коляски.

Тоже интересную деталь ты мне сообщил, Андрей! Позже надо её обдумать. А сейчас быстрее бы ты там с этой жратвой разобрался. Уже терпеть не могу...

Wife или не wife?

После ужина, смотря на выключенный экран телевизора, я задремал. Проснулся от шума. Насколько помню, до сих пор из коридора ни разу до меня не доносилось никаких звуков. Как правило, тихо открывалась дверь, и появлялся или Андрей (разумеется, чаще), или Валерий Павлович. Последний заходил два раза в день: утром и незадолго до ужина, видимо, перед своим отъездом домой. Не мог же он сам жить в больнице!?

И вдруг: громкий цокот каблуков (в этом коридоре не линолеум, а какое-то твёрдое покрытие) и чуть ли не крики с руганью.

Жена?

С пугающим стуком распахнувшаяся дверь бьётся об угол холодильника, и вошедшая женщина сразу быстрым и решительным шагом направляется ко мне. Андрей убеждается, что холодильник не пострадал, недовольно качает головой и тихо закрывает за собой дверь.

По горящему взгляду, по тому, что женщина останавливается вплотную у моей постели, становится окончательно ясно – жена... Не девочка. Уже, наверное, за тридцать. Следовательно, и мне под сорок.

Не помню я её. Ну, не помню! Это же как долго и как сильно надо было меня лупить по башке, чтобы выбить из неё образ такой темпераментной красавицы! А внешне она мне нравится. Из всех других я бы выбрал именно такую. Значит, действительно моя жена...

Я молчу, так как говорить: «Здравствуйте» или «Добрый вечер» не хочу. Надоело дураком выглядеть!

Она тоже молчит и внимательно смотрит мне в лицо. И, видимо, догадывается, что я её не узнал. Не отрывая от меня взгляда, кидает сумочку в кресло, снимает пальто. Оно летит вслед за сумочкой. Потом смешно, как-то по-собачьи трясёт

головой, стряхивая с волос уже растаявшие снежинки. Несколько капель попадает мне на лицо.

Садится на кровать, берёт мою руку в свои, закрывает глаза и выдыхает:

- Ну, здравствуй, милый. - Голос тихий, глубокий, мягкий... Знакомый? Не знаю. - Как ты?

- Сейчас лучше.

- Слава богу! На самом деле заговорил. Я знала... Я верила, что когда-нибудь всё равно... Меня не узнаёшь?

- Извини. – Я отрицательно мотнул головой. – Но, судя по тому шуму, с каким ты влетела в палату, моя жена.

- Да-да, разумеется... Это всё потом, позже. Ещё узнаешь. Главное – ты наконец-то начал поправляться...

Вот от кого у меня эта фраза «потом, позже». Или у неё от меня? Да, лучшее доказательство того, что с этой женщиной я прожил ни один год. Но почему я её не помню? Лицо говённого Саакашвили вспомнил, а родной жены – нет!

- Извини. Тебя как зовут?

- Что? Тебе не сказали?

- Мне вообще ничего и ни о чём не сказали.

- Это было моё условие, милый... Хотя они, конечно, сволочи. Но это всё потом, позже... Меня зовут Наташа.

Какое счастье, что не Рая, не Ирина и не Роза!

- Наташа, у нас есть дети?

- Ещё бы! Димка. Так и учится в Глазго. Ты сам так хотел. Он у нас молодец! Сейчас в третьем классе «грэммер скул». Это как наш седьмой... Я как узнала про тебя, сразу сюда рванула, но там за ним присмотрят, не беспокойся. Я к тебе сразу из аэропорта. Ты уж извини, я без цветов и подарков. Ни о чём таком думать не могла. Но у тебя здесь всё должно быть. Всё есть?

- Всё есть. А Димке сколько лет? У тебя его фото с собой?

- Четырнадцать. А фотографию сейчас покажу. – Она потянулась к сумочке и достала небольшой цветной портретик. Лицо симпатичного, почему-то строгого, но совсем незнакомого мне мальчика. - Давай сначала о тебе. Как себя чувствуешь? Как ноги? Ты ужасно худой. Как аппетит? Ну, не молчи же! Говори, говори, говори! Или тебе ещё трудно разговаривать?

- Нет, не тяжело.

- Тебе лучше стало, да?

- Я не помню, как было. Вот, могу общаться. А ноги не ходят. Ну и ... видишь? Полусогнутые. А так вообще...

Наташа перебивает меня. Огонь, а не женщина! Неужели моя жена?

- Ты так и продолжаешь избегать слов с буквой «р»?

- У меня это и раньше было?

- Разумеется! Ты на мне потому и женился, не помнишь? Из-за своего редуцированного «р».

- Не понимаю. Почему из-за него?

- Я же логопед, милый. - Наташа впервые улыбается. И становится ещё красивее. Глаза у неё, конечно, бесподобные! Лучатся светом! – Но в отношении тебя я оказалась бездарным педагогом, и помочь не смогла. Ты ещё сказал: даром, что ли деньги тебе платил? Выходи за меня тогда замуж, ежели не справилась. Будешь по-другому их отрабатывать. Не помнишь?

- Нет, извини.

- Почему ты всё время извиняешься? Эти сволочи... Ладно, это всё потом, позже. А тебе руки так и не разработали? Они у тебя были не очень сильно повреждены. Мне обещали...

- Подожди, Наташенька, пока не забыл. А то ты налетела как шквал, и я боюсь, что так же улетишь. Скажи Максимичу...

- Кто такой?

- Ну, тот... у входа.

- А! Андрей?

- Да. Он кому подчиняется?

- Формально это всё, - она обводит головой палату, - и они все – мои! Вернее, наши. Я оплатила ремонт всего этажа с условием выделения и оборудования для тебя специальной палаты. Так что де-юре и доктор, и Андрей наши люди. Но я последние два года была здесь наскаками. Посижу с тобой час-другой и опять в Англию. Ты же раньше даже глаза не открывал. Или смотрел в потолок и молчал.

- Я здесь долго лежу, Наташа?

- Ты ничего-ничего не помнишь?

- Нет.

Она закрывает глаза, молча гладит мою кисть и глубоко дышит. Ну, что за женщина! Я даже чувствую какое-то возбуждение от её близости. Наташа произносит совершенно неожиданные для меня слова:

- И хорошо, что не помнишь.

Открывает глаза и мне на лицо капают её слёзы. Целует меня в щёки, губы, шею.

- Ты мне все мысли сбиваешь, Наташенька. Ничего не могу понять. Давай всё in order.

- Английский не забыл?

- Отдельные слова вспоминаются.

- Слава Богу! А я...

- Подожди, Наташенька.

- Прости, милый. Правильно, давай всё по порядку. Я пока ещё как сумасшедшая, в себя не пришла. Сейчас успокоюсь. Что ты хотел спросить?

- Начнём с Максимыча.

- С Андрея?

- Да. Пусть он мне достанет... arms mechanical facility.

- Тренажёры для рук? Завтра они будут стоять здесь. Это я тебе гарантирую. Он знает, какие именно нужны?

- Знает. Только сказал, если док позволит.

- Доктор возражать не будет. Это я тоже гарантирую.

- Теперь о самом доке. Ты сказала, что он *juridically* подчиняется тебе. Так?

- Формально да, так как живёт на мои... на наши деньги. Просто я его редко вижу, а контакты по телефону – сам понимаешь... Но если он до сих пор не узнал, кто ты на самом деле, то бояться его нечего.

- А кто я такой?

Наташа пронзительно смотрит на меня. И молчит.

- Тебе говорили, что у тебя взгляд, как у дьяволицы?

- Ты мне это говорил миллион раз, милый... В общем, пока он считает, что ты Григорий Маркелович Бондаренко, мы можем жить спокойно.

- А кто я на самом деле? Как меня зовут?

- Хоть убей, но я тебе этого пока не скажу.

- Почему?

- Потому что тогда ты всё вспомнишь гораздо быстрее. И начнёшь мстить. А в одиночку и в таком состоянии ты войну проиграешь... Не обижайся на меня, но пока рано. Надо сначала всё продумать.

- А в моих документах какое имя указано?

- У Валерия Павловича лежит твой паспорт, где написано, что ты – Григорий Маркелович Бондаренко. И твоя фотка прилеплена.

- А кто мне сочинил такое идиотское имя и отчество?

- Не обижай наших родных, милый. Так звали моего отца и твоего тестя. Ну, а фамилию я взяла у деда. Он у меня был скульптор. Помнишь памятник Гагарину на Ленинском проспекте в Москве?

- Вспомнил. Извини. А как моё настоящее имя?... Ну, хотя бы только имя.

У неё на глазах снова выступают слезы, и она отрицательно мотает головой.

- Это что, действительно так опасно, Наташа?

- Поверь мне на слово, милый. Разумеется, я тебе всё расскажу, что ты не сможешь вспомнить. Но потом, позже. Надо сначала всё как следует продумать, понимаешь? А у нас всегда думал ты. Мои функции были несколько иного рода. В последнее время, правда, многое пришлось решать самой. И не всё гладко у меня получалось. Но главное – и сына, и тебя я сохранила! Не торопи меня, хорошо? Я что-нибудь обязательно соображу. Ты не думай, что я всегда такая ненормальная. Это просто сейчас...

- Ладно, Наташенька. Позже всё спокойно обдумаем и will decide... Значит, ты – моя жена, Наташенька... Такая beautiful woman! А я – калека.

- Давай-ка, дорогой, сразу договоримся, что сказки типа «Аленького цветочка» мы вспоминать больше не будем. Хорошо?

- О`кей.

- У нас с тобой для обсуждения есть вопросы посерьёзнее... Даже говорить тебе о них страшно. Но надо. Это принципиально важно для тебя. Может быть даже важнее, чем твоя настоящая фамилия.

- Что именно?

- Сейчас, не торопи меня. Ты, смотрю, какой был торопыга, таким и остался... В общем, я тебе не жена.

- В каком смысле?

- В самом прямом. Только не перебивай, ладно... Я – твоя вдова. Ты похоронен на кладбище в Кутаиси.

Вот она Грузия и аукнулась! Недаром в голову лезла.

- А почему там?

- У нас там небольшой домик. Тебе там нравилось отдыхать. И потом: более далёкого места от Петербурга я просто сразу не

придумала. Отвезла туда на самолёте пустой гроб, похоронила и сверху положила громадных размеров гранитную плиту. Пока вроде тихо, могилу никто не вскрывал. Значит, поверили... Но это ещё не всё. Теперь о деньгах. Всё, разумеется, унаследовали мы с Димкой. Если ты захочешь что-то предпринять самостоятельно... Ну, без меня... Ну, в общем, расстаться со мной... Треть всей наличной суммы и недвижимости, естественно, твои. Я всегда могу перевести деньги на тот счёт, который ты назовёшь.

- Давай о деньгах попозже. Скажи лучше, ты замуж не вышла?

- Нет.

- У тебя кто-то есть?

- Ну, не надо меня об этом спрашивать! Хотя бы сегодня. Я с тобой сейчас разговариваю, как с воскресшим Лазарем. А ты хочешь, чтобы я начала рассказывать тебе о своих любовниках! И обманывать тебя не хочу. Ты, наверное, этого не помнишь, но я никогда тебя и раньше не обманывала. – На глазах у Наташи вновь выступили слёзы. – Не казни меня сейчас, прошу тебя. И прости.

- Какие казни? И какой из меня палач? Ну, ладно, замяли эту тему...

- Замяли... Хотя, думаю, палач из тебя будет ужасный.

- Почему?

Вопрос остаётся без ответа, так как раздаётся стук в дверь. Входит Андрей. - Можно? Наталья Владимировна, Ваше пальто повесить в шкаф?

- Да, пожалуйста.

- Может быть, вам винца принести или кофе сварить?

- Неплохая мысль.

Наташа встаёт с постели, берёт сумочку и достаёт из неё косметичку. Смотрится в зеркальце пудреницы, поправляет макияж и одновременно говорит Андрею:

- Только не винца, а бутылку «Лыхны». И подогрей её немного. А мне - «Мартини Бьянко». Попозже мне приготовишь капучино из «Президента», а Григорию Маркеловичу... - Повернулась ко мне: - А тебе кофе на ночь можно?

- Наташа, я сплю как хомяк и днём, и ночью. Ничего плохого, думаю, не случится.

- А Григорию Маркеловичу большую чашку растворимого «Чибо». Надеюсь, что всё это, как мы ранее и договаривались, у тебя найдётся? В голосе Наташи звучат стальные нотки. А она может быть жёсткой. Жизнь, видимо, приучила... Но неужели у меня такие вкусы плебейские? Растворимый кофе... Впрочем, она должна лучше знать, что мне нравилось раньше.

- Всё есть, Наталья Владимировна.

- И пирожное какое-нибудь. Всё равно.

- Простите, Наталья Владимировна. Свежих нет. Есть печенье и кексы. Не ожидали Вас...

- А причём здесь я?!

Ого! А она и кричать может.

- Ладно, Андрюша. Принесёшь кофе и два кекса.

Андрей послушно кивает и идёт к двери.

- Подожди, Максимыч, - встречаю я в разговор, пытаюсь как-то сгладить напряжённую ситуацию. - А что там с моей коляской?

Тот с явным облегчением произносит:

- Привезли. Приведу её немного в порядок и сегодня же Вам принесу.

Он уходит.

- Сволочи! Представляю, сколько наших денег они тут прожрали. Добро бы с пользой для тебя, а то... Ты извини, я без

тебя опять ругаться стала. Теперь буду отучаться... Ладно... Не зря такую палату тебя отгрохала? Тебе она нравится?

- Ещё бы! Yesterday, когда увидел, чуть не обалдел!

- Что значит вчера? А до этого ты где находился?

- Ты же меня навещала, Наташенька, сама всё видела.

- Да. – Она растерянно заморгала глазищами. – Ты всегда лежал на этой кровати, а я сидела рядом и разговаривала с тобой. Только ты молчал и даже глаза не открывал.

- Здесь, в этой палате?

- А где же ещё?

- Значит, я забыл. Не будем больше об этом.

Она недоверчиво смотрит на меня, потом начинает гладить щёки. Целует и потом стирает пальцами оставшийся след от губной помады. Снова целует и снова проводит по щеке пальцем. Как от неё чудесно пахнет! Как приятно её прикосновения!

Вдруг Наташа восклицает:

- Суки!

- Ты чего?

Она машет рукой: - С этими перелётами и пересадками я всю ночь практически не спала. Очень раздражительная. Не обращай на меня внимания, милый.

Я не сдерживаю улыбки.

- Ты хоть поняла сама, что сейчас мне посоветовала? Don't pay attention. А кого мне ещё здесь слушать?

- Прости, милый. Совсем голову потеряла.

А она меня наедине так по имени ни разу и не назвала. А чужим, видимо, называть не хочет. Раздаётся стук в дверь и входит Андрей с подносом. И снова на свою беду.

- Андрюша! – В голосе Наташи опять появляются стальные нотки. – Ты случайно не забыл об одеколоне для Григория Маркеловича?

- Виноват, Наталья Владимировна. Он есть. Сейчас побрызгать?

- Я тебя сейчас сама побрызгаю, твою мать!

- Наташа, - укоризненно произношу я.

- Прости, милый... Я что-то совсем сегодня... Андрюша, я буду ночевать здесь. Постели мне на диване... А почему Григорий Маркелович без пижамы?

- Наташа, мне туалетом удобнее пользоваться без пижамы.

- Без меня, как хотите. Но сейчас, - она поворачивается к Андрею, который так и продолжает стоять в дверях, - чтобы Григорий Маркелович был в пижаме. – Затем ко мне: - А что ты говорил про тренажёры, милый?

- Максимыч, помнишь, я тебе сказал...

- Конечно, помню, Григорий Маркелович. И Валерий Павлович разрешил. Я уже узнал, где можно достать то, что как раз подойдёт для Вашей цели. Завтра же утром поеду за ними.

- Андрей, договариваемся с тобой так: если что-то из того, что у тебя попросит Григорий Маркелович, не разрешает Валерий Павлович, я через минуту должна об этом знать. Через минуту, понятно?

- Понятно, Наталья Владимировна. Но, думаю, подобных ситуаций теперь больше не возникнет. Мы, честно говоря, немного все растерялись...

- Растеряться, Андрей, могу я, женщина! А тебе, мужику, об этом даже стыдно говорить!

- Простите, Наталья Владимировна. Я Вам всё, как на духу...

- А почему здесь нет медицинской сестры?

- Это - к Валерию Павловичу.

- Ну, и порядочки! Он когда утром появляется?

- Обычно после восьми. Но если нужно...

- Не нужно! И утром не вздумайте нас будить, пока сами не проснёмся. Тогда я с ним и поговорю... Ты долго там с подносом стоять собираешься? Поставь сюда. Я сама налью... Спасибо, Андрюша. И прости меня за грубость. Я страшно вымоталась за сегодняшний день.

- Что Вы, Наталья Владимировна! О чём речь?

- Милый, я пойду душ приму.

Наташа выходит в ванную комнату, а он надевает на меня пижаму. И ловко так управляетя со мной! Потом брызгает из чёрного флакона-пульверизатора мне на шею какими-то духами.

- Что за одеколон, Максимыч?

- Туалетная вода «Богарт». В общем, ничего особенного, не самый крутой, но раньше Вы всегда им душились... Я пойду, Григорий Маркелович? Вы позвоните, когда Вам надо будет в туалет. Лучше до того, как Наталья Владимировна ляжет. А то мне неудобно будет заходить.

- Замётано. А на неё не обижайся... Неужели она действительно моя жена?

- Вы ещё спрашиваете? Да кто же с такой кроме Вас справился бы?! Действующий вулкан, а не женщина!

- Откуда ты знаешь, какой я был?

- Я много чего знаю, Григорий Маркелович. Но пусть Вам об этом сама Наталья Владимировна расскажет. Я пойду?

- Конечно. Спасибо тебе.

Ночной шепот

Наташа переодевается в домашнее платье, которое оказалось в шкафу. Выходит, у неё там заранее лежали её вещи? Теперь я могу целиком оценить всю её фигуру. Бюстгальтер сняла, оставила только трусики. Халатик короткий, и в нём она становится ещё соблазнительней. Садится на постель со стороны тумбочки, разливают по фужерам вино.

- Тебе раньше абхазское «Лыхны» нравилось. Если захочешь, можно и другое заказать. Но пока лучше пить красное. Говорят, полезнее.

Я беру в руку бокал. Она даже не догадывается, что я сам не смогу его выпить! Или просто ещё не сообразила.

- С праздником тебя, милый!

- С каким?

- Во-первых, с нашей встречей. А во-вторых, сегодня четвёртое ноября. Его сделали каким-то днём то ли объединения, то ли примирения. К нам с тобой он любым боком подходит. Согласен?

- Согласен.

И чокнулись, как все нормальные люди. Она подносит свой martini ко рту и замирает.

- О, господи! Прости меня, милый!

Потянулась поставить фужер на тумбочку, но я её опережаю:

- Не ставь. Плохая mark. Выпей. А потом мне поможешь.

Она судорожными глотками выпивает до дна вино. Виновато смотрит на меня:

- Я к тебе быстро привыкну, вот увидишь. Не обижайся, хорошо?

Берёт мой фужер, садится вплотную ко мне, обнимает за голову и прижимает к своей груди. Минуту мы сидим молча. Потом чуть отклоняется и подносит фужер к моему рту. Я его выпиваю в несколько глотков. Неплохое винчишко грузины производят... Опять Грузия?

- Спасибо, Наталі!

Она вздрагивает.

- Как ты меня назвал?

- Наталі. А что? - Наконец-то! Сам вспомнил. Слава богу! Ты меня всегда только так и звал, милый. Значит, скоро и всё остальное вспомнишь. Плохо... И что мне тогда с тобой

прикажешь делать? Увезти с собой – нельзя. Ты здесь лежишь как внучатый то ли племянник, то ли хер знает кто моего деда. И мои редкие посещения вряд ли у кого вызывают подозрение. А если я повезу тебя такого домой в Глазго... Мы вряд ли вообще долетим до Англии... Давай думать вдвоём, милый... Хотя потом, позже... А сейчас я хочу с тобой просто полежать и поболтать. Я об этом целых три года мечтала!

Она вскакивает с постели, выключает свет, возвращается и ложится под одеяло, тесно прижавшись ко мне.

Уткнулась носом мне в щёку и зашептала:

- Я всегда любила с тобой так разговаривать. Намолчусь без тебя за целый день, а потом шепчу тебе что-нибудь в ухо, пока ты не уснёшь. Ты и сейчас, если спать захочешь, засыпай. Мы теперь успеем наговориться... Ты помнишь, где мы с тобой сначала встречались? Ну, когда впервые сошлись.

- Нет.

- Слушай и красней от стыда. После очередного занятия с тобой ты уговорил меня поехать к тебе на яхту. Сначала, конечно, напоил беззащитную девушку шампанским, а потом гнусно соблазнил. Я, правда, не очень сопротивлялась. Втрескалась в тебя по уши с самого первого урока. Сама не знаю почему. Что-то в тебе было такое... Кстати, когда я на каблуках, ростом ты с меня, не выше. Так что особо не зазнавайся... Ты сказал, что у меня взгляд, как у дьяволицы. Знал бы ты, какой у тебя был взгляд! Гипнотический! Что хотел, то все вокруг тебя и делали ещё до того, как ты рот успевал раскрыть... Сейчас ты совсем другой: какой-то спокойный, миролюбивый. А раньше...

- Она «Зоя» называлась?

- Кто?

- Яхта. Как она называлась?

- Вот видишь, какой ты мерзавец! Зойку свою вспомнил, а меня нет!

- Какую Зойку?

- Любовницу! Ты с ней жил тогда. Поэтому меня на яхту и утаскивал. Даже корабль свой её именем назвал... Королева питерских глянцевых обложек, блин! Правда, красивая, зараза... Но она стерва была и тебе изменяла, понял?

- Сколько тебе сейчас лет, Натали?

- Ты сначала скажи, я тебе ещё нравлюсь?

- Очень.

- Только не ври.

- Я тебя когда-нибудь обманывал?

- Правильнее сказать: не всё рассказывал. О своём бизнесе вообще ничего не говорил. После того как поженились, ты мне не изменял. Ну, насколько мне это известно... Я всегда старалась сделать так, чтобы тебе меня одной хватало. Если ты это имеешь в виду... Милый, я сейчас не спрашиваю тебя о любви. Это был бы глупый вопрос. Но как женщина я тебе ещё нравлюсь?

- Когда ты сегодня влетела в палату и rushed to me, I at once подумал: пусть сейчас убьёт меня, но я хотел бы иметь такую женщину... Мне кажется, есть такая песня: «Ах, какая женщина! Мне б такую!» Есть? Это – о тебе.

- Милый мой, сладкий... Раньше ты как выпьешь лишнего, так сразу эту песню запевал. Причём знал-то всего один припев... Я тебя страшно люблю, милый!.. Меня просто заносит иногда... Характер дурной. Но я всегда такой хулиганкой была, честное слово! И когда ты меня полюбил, может быть, даже ещё хуже была... Миленький, вот если я так твою руку положу, тебе не больно будет?

- Нет.

Она сжимает тёплыми бёдрами мою ладонь.

- Хоть руку твою там почувствовать. Я иногда просто умереть готова, так хочется, чтобы ты меня поласкал!.. А тогда

я совсем дурёхой была. Сама удивлялась, что ты в меня влюбился. Жила с тобой как за каменной стеной, вообще ни о чём не думала. Моё дело было Димку воспитывать, да тебя любить... Вот только последние три года уже самой приходится обо всём заботиться и решения принимать... Хорошо помню, как ты мне с самым серьёзным видом объяснял, почему решил на мне жениться. У тебя всегда шутки такие дурацкие были, что я не могла понять, серьёзно ты говоришь или смеёшься. И Димка, паразит, весь в тебя растёт. Глаза только мои... Ну, так вот: однажды засыпал всю розами, сказал, что любишь меня, а потом заявил: так как из всех женских имён ты можешь свободно выговаривать, чтобы не вызвать косноязычием смех у своей невесты, только имя «Наташа», то потому и берёшь меня в жёны. Я тогда ещё подумала: действительно, попадётся ему Роза или Рая какая-нибудь, и как же он будет её называть? Оза? Ая? Жалко тебя стало, да ещё мои логопедические упражнения тебе не помогли, и я очень из-за этого переживала. Ну, разумеется, обрадовалась и согласилась. А то, что кроме меня в Питере ещё тысяч пятьдесят других Наташ, и не подумала даже... И почему ты именно ко мне обратился, как к логопеду, тоже дошло как до жирафихи. У меня в то время опыта было с гулькин нос. Ты мне не сказал, что уже к самым лучшим логопедам обращался. Обманщик!.. Ты меня в ресторане впервые увидел. Случайно пересеклись, я там у одного хмыря на дне рождения была. Ты меня и засёк. Андрей всё про меня узнал, ну а потом ты заявился: помогите бедному с дефектом речи, без Вас никуда...

- Мы в СПб жили? Не в Москве?

- Это сейчас ты в Москве прописан. Как Бондаренко. На шоссе Энтузиастов в двухкомнатной квартире. Но я там сама уже сто лет не была. А вообще – мы с тобой оба питерские.

- А кто я по-своему education? Физик или философ?

- Спроси, что полегче, милый. Тебя в этом отношении не поймёшь. У тебя три высших образования. Климычев тебе сто раз говорил, что надо или учиться, или деньги делать. Но ты умудрялся как-то всё это совмещать...

- Кто такой Климычев?

- Твой друг. И партнёр. Ты свой бизнес на пару с ним вёл.

Так, уже интереснее... Ну, хорошо, о Климычеве потом, попозже. Но подробно надо будет её расспросить.

- Так сколько тебе лет, Натали?

- Уже тридцать шесть.

- А мне?

- Тебе первого ноября, четыре дня назад исполнилось сорок семь.

- Так у меня был birthday?

Это что же получается? Выходит, что мой день рождения был ровно четыре дня назад, когда я начал думать!

- Да. Только я теперь его никогда не праздную.

- Почему?

- Потому что... Потому, что всё ТО САМОЕ произошло именно первого ноября три года назад.

- Что, то самое?

- Потом, милый, позже. Не сейчас. Не хочу, пока мне так хорошо с тобой, настроение нам портить. Послушай, лучше, как я отмечаю твой день рождения. Всем заранее говорю, что больна, чтобы никто не приходил, покупаю бутылку «Чивас Ригал» и запираюсь в спальне. Это твой любимый напиток после «Лыхны», а я виски терпеть не могу! Ну, вот: сижу там весь день и пью, плачу и пью. На следующее утро отблуюсь и вроде ничего, легче немного становится.

- Ты сюда ко мне не похмелиться заявила?

- На эту тему даже шутить не надо. Ты же всего не знаешь...

- Нет. Но жду, когда ты мне скажешь, что случилось в тот день?

- Давай ещё о чём-нибудь другом поговорим, постороннем. Спроси меня сам, что хочешь. Ну, спроси, милый.

- Почему на телеке Будда стоит?

- О, это целая история! Сама не знаю, почему решила его здесь поставить. У меня часто так бывает: сначала что-нибудь сделаю, не подумав, а потом оказывается, что правильно поступила. Вот, скажи: правда, у тебя в палате окно классное?

- Да, очень большое.

- Я, когда тут планировку сама им чертила, то подошла к окну, прикинула, где мои коленки в стену упрутся и говорю: а подоконник чтобы был на такой высоте. А когда ремонт сделали, Андрей мне и заявляет: здорово, говорит, Вы всё рассчитали. Если сидеть на кресле-коляске, то в самый раз - всё будет видно! Осталось бы оно стандартным, видел бы ты только лес на холме и небо... А Будду этого Димка усмотрел в киоске аэропорта, когда мы с ним приезжали мать навестить. Давай, говорит, его купим. Можно будет в нём тайник устроить. Я и купила. А когда тебя поехала навещать, то говорю Димке: хочешь его папе на могилу отвезти. А тебе, если хочешь, другого куплю. Тогда он в нём тайник сам и сделал. Чем-то там дыру снизу просверлил и записку от себя вложил.

- Какую?

- Не знаю. Не показал мне. Говорит, молитву Будде написал. А я сама уже туда твой перстень сунула. Я его тебе на тот самый день рождения подарила. Смотреть на него не могла! Пусть, думаю, лучше лежит рядом с тобой. Да и мало ли что, вдруг пригодится. А после такой мысли ещё туда пятьсот фунтов засунула. Сама не знаю зачем. Ваты напихала, чтобы перстень не стучал, а Димка какой-то хернёй, сургучом, что ли, всё и залепил. И даже бронзовой краской для маскировки покрасил.

Никто на него не польстится. Пусть здесь и стоит у тебя. О Димке напоминает.

- А они сейчас в нём?

- Конечно... Ну, наверное. Ему цена-то – копейки.

- Я хочу на записку взглянуть.

- Хорошо, милый. Но давай завтра. Сейчас от тебя отрываться не хочу.

- А что случилось в тот день?

Наташа долго молчала и тёрлась носом о мою щёку.

- А знаешь, почему я тебе картину этой бабочки повесила?

- Нет.

- Ты их собирал и в детстве, и уже когда взрослым мужиком был. Потом бросил. Сказал, что всё равно Набоков из тебя не получится. А Димка теперь собирает книги о бабочках. Причём все подряд. Уже, стервец, целый шкаф набрал, представляешь?

- Наташа, что случилось в тот день?

И её как прорвало:

- Что-что! Они нас схватили на даче. Надо мной просто издевались, а тебя убивали. Понимаешь? Не били, а убивали! Я всё орала, чего вам надо? Все деньги отдам, всё расскажу, только не убивайте! А эти суки в ответ: а нам ничего не надо. У нас заказ такой: тебя на его глазах насиловать, а его на твоих глазах убивать. Медленно и больно. Так и сказал, сволочь!.. Поклянись мне Димкой, что если вспомнишь весь тот ужас, то мне о нём ничего не скажешь!.. Будешь говорить, что не можешь вспомнить. Ладно? Я тебя очень прошу! Потому что я тогда жить больше не смогу.

- Обещаю. Они были в масках, Натали?

- Сначала в масках, но голоса я слышала. Все незнакомые. А потом, наверное, вспотели, сволочи. Нам глаза залепили скотчем, а сами, мне кажется, маски сняли...

- Мы не могли остаться на даче на ночь совсем одни.

- Правильно. На первом этаже ночевал Денис. Ну, это мой охранник был. Так его застрелили, представляешь? Но я выстрелов не слышала. Может быть, с глушителем стреляли, не знаю. Самое непонятное – входную дверь не взламывали. Климычев считает, что Денис им сам дверь открыл... Я не знаю, как там всё это произошло, но над нами измывались несколько часов, представляешь?! А потом мы до следующего утра там валялись, пока Андрей не приехал. У меня руки были связаны, ты... Я была уверена, что ты мёртвый... Давай пока не будем об этом. Я ведь и сама толком больше ничего не знаю.

- А Димка где был?

- Мы его у мамы оставили. Андрей за ним в Сестрорецк поехал. На следующий день должен был к нам на дачу приехать и нам надо было улетать в Англию... Он и приехал. Если бы не Андрей, я не знаю, что бы там с нами было. У тебя руки и ноги переломаны, голова разбита, весь пол в крови. Я сама сначала даже встать не могла. И холод страшный... Сотовые телефоны забрали, никому не позвонишь... Ну, я потом оклемалась. Видимо, установка у них была такая: меня особенно не калечить, просто чтобы тебе больнее сделать. А что они с тобой... Ужас!

- Что они со мной сделали?

- Милый, не помнишь и не надо. Хорошо?

- Что они сделали со мной?

- Они тебя дрелью сверлили! Сначала колени, потом спину. Причём медленно, суки! С перерывами. А ты в сознании был и так страшно... не кричал, а выл. Так страшно выл, что я даже вспоминать это не хочу. Они тебя к стулу привязали..., и я как резанная визжала. И самой больно, и на тебя было ужасно смотреть... Это же понедельник был. На соседних дачах никого, и потом они на первом этаже музыкальный центр включили, там музыка гремела до самого утра... И всё это в метре друг от друга. Специально так сделали, чтобы мы всё видели..., хватит об этом!

Не могу больше... Теперь понимаешь, почему я напиваюсь каждое первое ноября?.. Мне кажется, они даже этот день специально выбрали, чтобы твой день рождения испоганить... Всё! Хватит об этом, ладно?

- О`кей. Давай сменим тему. Какое у нас сейчас финансовое положение?

- А это для меня вообще тёмный лес, милый. Сейчас всё, что знаю, расскажу, а дальше сам соображай. Чтобы ты меня совсем уж debilкой не считал, знай, что ты сам меня всегда от всех этих вопросов ограждал. Никогда мне ни в чём не отказывал, поэтому я и не интересовалась, сколько у нас денег, на каких счетах лежат, где и во что вложены, какие и откуда идут проценты. Ты ещё всегда шутил, что ждёшь, когда я тебя попрошу, чтобы ты мне остров в океане купил. А я в ответ знаешь, что отвечала?

- Нет.

- Мне даже стыдно говорить. Ты и так меня всегда вульгарной считал. В лицо не говорил, но про себя наверняка считал. Всегда учил меня, как себя вести, воспитывал... А я всё равно осталась, какой была. Хотя мне кажется, тебе моя распущенность и безалаберность в душе нравилась. Но ты никогда в этом не признавался. А если бы я тебе такой не понравилась, чего бы ты на меня запал? С другой стороны, тебе, наверное, всякие девки попадались. В общем, не знаю... А сам ты за пятнадцать лет нашей жизни... Нет, за тринадцать лет нашей совместной жизни при мне ни разу матом не выругался. Такой крутой мужик был, а вёл себя, как английский аристократ. Уж как я тебя только не подначивала! Говорила, что знаю кучу матерных слов без буквы «р» и предлагала для тебя их словарь составить...

- Так что ты мне ответила?

- Когда?

- Когда я хотел купить island для тебя?

- А я ответила, что мне нужен не остров в океане, а твой член в постели... Только извини. Сейчас я это совсем ни к месту вспомнила. Не подумала, дура! Извини меня, милый. Мне сейчас ничего больше не надо, никакого секса. Вот только лежать так с тобой и разговаривать обо всём. Я и раньше так любила делать. Ты на меня не обиделся?

- Нет, Натали. Только знаешь, я точно помню, что купил этот island. И всё ждал, когда ты его у меня ask, чтобы at once тебе его to present.

- У тебя было так много денег?

- У нас с тобой было очень много денег. А сейчас расскажи, что у нас осталось?

- Мне Климычев помог со всем нашим добром разобраться. Но сказал, что мы очень много потеряли после того наезда. Он гораздо старше тебя, всё в Лондоне отсиживался, как паук в паутине. А ты мотался по всему свету и меня с Димкой одну оставлял. Я тебя видела, хорошо, если два дня в неделю.

- Я много ездил?

- Много - не то слово! Глазго – Лондон – Петербург – Тбилиси и обратно. Это твой малый круг. И ещё в разные концы Европы, какие-то филиалы там организовывал. Вот из-за этого я с тобой ругалась. Матерно, между прочим, потому что ты сам меня к этому вынуждал. Тебя только матом и можно было пронять. Потому что ты его терпеть не мог. Закатывала тебе раз в квартал истерику, но всегда с успехом и большой сексуальной отдачей с твоей стороны... А ты что там у меня своими пальцами делаешь?

- Шевелю.

- Ух, ты, извращенец! Ну, уж теперь не вздумай останавливаться... Сладкий ты мой, как же мне тебя не хватало все эти два года!..

Андрей, видимо, каким-то шестым чувством догадывается, что нам лучше не мешать. И больше не появляется. А мы с Наташей вместе засыпаем без всякого капучино...

Будда

Утром я просыпаюсь в одной постели с женой. Такое ощущение, что это у меня впервые в жизни. Впрочем, если считать Наташу не женой, а вдовой, то действительно – в первый раз.

Вопросов у меня накопилось воз и маленькая тележка, но я понимаю, что не со всеми из них надо торопиться. Да и самому не мешает сначала многое обдумать.

После завтрака, который приносит нам Андрей, Наташа отправляется «выяснить отношения» с Валерием Павловичем. При мне делать этого не хочет: «Нечего ещё тебе нервы трепать».

Возвращается, разумеется, раздражённая и недовольная. И начинает, как я и ожидаю, совсем с другого вопроса. Интересная она! С типично женской не всегда предсказуемой логикой. Я бы сказал, Женщина с большой буквы. Да, действительно – «Мне бы такую!» Только ей, вот, зачем калека?..

- Милый, я без тебя вернулась ещё к одной дурной привычке. В своё время ты меня от неё отучил, а сейчас я опять на неё подседа. Сам не учуял?

- Опять to smoke начала?

- Да. Но у тебя в палате, разумеется, курить не буду.

- Не велика беда, Натали.

- А этому козлу я там надымила на неделю вперёд. Он тоже не курит и дым не любит. Так ему и надо!

- Почему?

- Сейчас хотела выйти с тобой погулять: Андрей бы вынес и коляску, и тебя. Подышал бы хоть ты свежим воздухом. Говорит, нельзя. Ты так ослаблен, что можешь легко подхватить

пневмонию, и тебе снова станет плохо. Ну, здесь я не спорю. А какого хрена тогда он не занимается укреплением твоего иммунитета или что там полагается укреплять? Где медицинская сестра, которой я плачу бешеные бабки, и которая должна за тобой ухаживать, делать какие-то инъекции. Она сегодня только появится, сучка! Где консультации специалистов? Невропатологов, травматологов, кто там ещё нужен, я не знаю. Ни хера этот Валерий Павлович не делает! Нутром чувствую, что халтурит, чтобы он мне там не доказывал с самым умным видом. Только деньги берёт..., и Андрей мне почему-то об этом ничего не говорил по телефону. Он же с тобой здесь постоянно, все эти два года... Ничего понять не могу... Ну, ладно. Это потом, позже разберёмся... Я вот думаю, как лучше о тебе Димке сказать? Сейчас ему звонить буду.

- Он с кем в Глазго остался?

- Со своим новым бодигардом. У меня их всего два осталось: один постоянно с Димкой, а Андрей – с тобой.

- А у тебя?

- А кому я нужна, милый ты мой?! За меня никто и пенса не выложит. А вот за Димку и за тебя я последнее буду готова отдать.

- С Димкой пока не спеши. По телефону всего не объяснишь.

- Да, ты прав. Потом, позже... Я сейчас выйду минут на десять на улицу: покурю ещё, успокоюсь хоть, и ему позвоню. Давай я твою коляску к окну подвезу... Видишь палисадник с клумбой? Я там похожу, а ты со мной переглядывайся, хорошо?

- Ладно.

- Не дует из окна? Давай я тебе ноги покрывалом укурю на всякий случай.

- Натали, такое большое окно одно на этом этаже?

- Оно одно единственное такое огромное во всём этом долбанном корпусе!

- Плохо. Значит, если взглянуть on the side, легко понять, где поселился VIP-пациент.

- Я об этом и не думала, милый. Мне хотелось, чтобы у тебя здесь было светлее, и чтобы ты больше мог в него увидеть.

- Ну, ладушки. Иди, гуляй, Натали. Я буду тебя ждать.

Поцеловав меня, Наташа надевает пальто и выходит из палаты. Хорошо, что я даже полусогнутыми руками могу крутить колёса своего кресла. Подъезжаю к кровати, нажимаю кнопку звонка и возвращаюсь к окну. Вид из него подтверждает только один факт: я нахожусь где-то под Питером, который я всегда называл аббревиатурой «СПБ». Но в красивом месте. Справа за прогулочным двориком поднимается покрытый невысоким лесом холм. Прямо, где заканчивались лечебный корпус и идущий параллельно ему прогулочный двор для больных, проходит дорога. За ней хорошо был виден технический двор: больничные машины, здание гаража, а за ним высокая и узкая труба котельной. Полная автономия! И везде – сосны, сосны, сосны. С левой стороны от корпуса, по словам Наташи, должна протекать какая-то речушка. Место она выбрала целебное. Хотела, как лучше...

Входит Андрей.

- Максимыч, дай мне, пожалуйста, вон того Будду.

- Вы с ним поосторожнее, Григорий Маркелович. Он только кажется бронзовым. Уроните – и в куски.

Я осматриваю дно статуэтки. На нём заметны края замазанного отверстия.

- Максимыч, я хочу узнать, что там. Только очень... carefully... Ну, в общем...

- Я думаю, что ещё не научился понимать Ваш английский язык, Григорий Маркелович.

- Да? Почему earlier не сказал?

- А Вы не спрашивали. И потом, согласитесь: всё эти чудеса с Вашим превращением, как снег на голову. И Натальи Владимировны давно не было. Чёрт знает, как себя вести... В общем, как я понял, надо аккуратно расковырять этого болванчика снизу, так? - Да. Только in my presence.

- Понял. Без проблем. Сейчас приду с инструментами.

Он выходит, а я в окно машу рукой Наташе. Она быстро ходит вокруг клумбы, курит и разговаривает по мобильному телефону. С Димкой?

Вот заканчивает один разговор, достаёт другой мобильник и начинает снова кому-то звонить. Что ж, она - бизнесвумен. За делами и деньгами приходится следить ежечасно.

Возвращается Андрей с газетой и какими-то инструментами.

- Думаю, Любка не обидится, если я расположусь на её месте. Да ничего и не заметит.

- Кто такая?

- Медсестричка. Сегодня уже появится, будет Вам капельницы ставить.

Он стелет на процедурный столик газету, берёт у меня статуэтку и шилом осторожно делает несколько проколов снизу.

- Да, там пустота!

Затем остриём ножа со странным лезвием треугольной формы начинает делать в дне отверстие. Белые крошки гипса сыпятся на газету.

- Отверстие потом надо будет заделывать?

- Не обязательно.

- Та-а-ак... Вата здесь одна, Григорий Маркелович... Ого! Смотрите! – Андрей вытаскивает свёрнутые в узкий рулон и перевязанные ниткой пачку английских фунтов. - Складывай всё на подоконник, Максимыч.

- Ого! Интересно, это что? Смотрите! Ваш перстень, бля буду! Ой, простите... Григорий Маркелович. Просто я его хорошо запомнил.

Андрей впервые произносит моё имя и отчество неуверенно и с небольшой запинкой. Знает, как меня зовут на самом деле. Впрочем, судя по словам Наташи, так и должно быть.

- Дай сюда.

Я надеваю его на средний палец левой руки, но он оказывается слишком большим. Если я за два года сильно похудел, то это нормально.

- Что там ещё, Максимыч?

- Да вроде больше ничего нет. Вата одна.

- Вынимай всю.

- Надо же! Это или записка, или... Это записка, Григорий Маркелович!

Я молча протягиваю к нему руку. Свёрнутая трубочкой маленькая полоска бумаги.

- Спасибо, Максимыч. Иди.

- Мусор можно выбрасывать?

- Если там больше ничего нет, то можно. А Будду поставь, где он и стоял.

Андрей выходит.

Я снова машу Наташе рукой. Она мне отвечает и продолжает свои телефонные разговоры. Я разворачиваю записку. Не очень ровный детский почерк. Я бы даже сказал – корявый.

«Дорогой Будда! Я знаю, что наш папа жив. Если ты настоящий бог, то сделай так, чтобы он вернулся к нам. Дима Козырев».

Ну, вот она и моя фамилия. Эх, Димка, Димка. Этот бог не настоящий, а гипсовый...

Наташа возвращается в корпус, засовывая в карман пальто мобильник и выбрасывая в урну, наверное, уже пятый окурок. Успеваю заметить, как она быстро кидает в рот подушечку жевательной резинки. Чтобы изо рта не пахло, когда меня целовать будет.

Заходит в палату, вешает пальто в шкаф и говорит:

- Я Андрею сказала, чтобы он тебе сегодня же купил сотовый телефон. Сам тебе его настроит, установит мои номера на быстрый набор и покажет, как пользоваться.

- Я знаю, как им пользоваться.

- Знаешь? Значит, вспомнил? А ты пальцами на кнопки сможешь нажимать?

- Мне кажется, пальцы у меня действуют неплохо. Ты могла в этом сама убедиться.

Мы оба улыбаемся. Она подходит ко мне, целует и замечает лежащие на подоконнике предметы.

- Откуда они здесь?

- Из Будды.

- Ты их достал? А это записка Димки? Он мне её так и не дал прочитать. Представляешь, какой стервец растёт! Упрямый будет, ещё хуже тебя. Я её прочитаю?

- Конечно.

Однако Наташа, последовательная в своей непоследовательности, берёт в руки сначала перстень.

- Ты его не помнишь?

- Нет.

- Тебе никогда не нравилось носить всякие цапки и брюлики. Но что я ещё могла тебе подарить? Не остров же в океане?

И только после этого Наташа берёт в руки записку, снова свернувшуюся в трубочку, и отворачивается от меня к окну. Спрашивает:

- Там ничего... такого нет?

- А ты почему боишься?

- Я всегда трусихой была, милый. Только кураж на себя напускала. Не боялась я только тебя, да когда ты рядом был... И то – до первого ноября две тысячи пятого года...

Я молчу. Что здесь ответишь? Права она. Не смог я свою жену защитить. Значит, виноват. Теперь, впрочем, я уже догадался, в чём и в ком именно я ошибся.

- Как? Откуда? – Голос Наташи переходит в крик. – Как он мог догадаться, что ты жив?

- Я не знаю, Натали. Но если он смог догадаться, то...

Она не слышит мои слова. Падает на колени, прижимается лицом к покрывалу, которое лежит на моих ногах, плачет и бормочет, хлюпая носом:

- Вырастет такой же, как ты. Я это чувствую. Умный будет, стервец. Намучаюсь я с ним... Ну, как я с ним одна справлюсь, а?

- Мы вместе будем, Натали.

- Да, милый, конечно. Вместе. Теперь всё время вместе.

- Тебе не надоело меня постоянно «милым» называть?

- Ах, да! Теперь ты свою фамилию узнал и без меня. А звать тебя... Ты – Олег. Я тебе всегда называла только Олежек.

- Это я тоже вспомнил. Встань и садись в easy chair.

- Господи! Что же я делаю, дура? Сама заставляю тебя всё вспоминать. А не надо было бы этого делать!.. Но мне так хочется говорить с тобой, Олежек. Я так давно этого хочу!.. Ну, подскажи, что мне делать? Ну, как мне лучше вести себя с тобой? Ты же у меня умный! Подумай и скажи. Я всё сделаю так, как ты скажешь. Только, чтобы... всё хорошо было. Я после того дня поседела. Мне теперь волосы приходится красить два раза в месяц. А до тридцати четырёх никакой седины у себя не замечала. Потому что жила с тобой, как в раю... Я это всё к тому, Олежек, чтобы ты никаких глупостей по злости не наделал!

- Я часто делал глупости?

- Нет. Насколько мне известно, ни разу. И то, что с нами случилось, не твоя вина... Ну, может быть, частично. Потому что тебя предал кто-то из своих. Из самых близких. А если это был твой друг, значит, ты его вовремя не раскусил.

- Он не был my friend, Натали. Но сейчас это не имеет значения. Давай continue the conversation о финансах.

- Давай. Сейчас, с мыслями соберусь... В общем все твои деньги я собрать не смогла, Олежек. Этим Климычев занимался. Я ему все твои бумаги передала...

- А мои legal advisers?! Минаев, Бакалейник, Титов? Они где были?

- Все твои юристы и советники сбежали на следующий же день. Выразили соболезнование и даже от жалованья отказались. Всех так запугали, что они сбежали как крысы с корабля... Для меня это было полной неожиданностью. Климычев сказал, что такие масштабные наезды бывают раз в сто лет! Тебя и твой бизнес нужно было уничтожить. Ты перебил кому-то необыкновенно выгодную сделку. Климычев сказал, что ему пришлось выплатить сто лимонов, из наших денег, разумеется, чтобы получить гарантии моего с Димкой спокойного существования. С деньгами, в общем, я тебе толком ничего пояснить не смогу. Сам Климычеву позвонишь и расспросишь обо всём. Я только знаю о недвижимости. Да и то не всё. Сейчас, с деньгами закончу. Мы с ним договорились так: он мне дал своего юрисконсульта, с которым я всегда и советуюсь. На моём счету лежит ровно миллион фунтов. И миллион у Димки, но до его совершеннолетия. Я снимаю со счёта, сколько мне нужно, а там всё равно миллион остаётся. Но больше миллиона снять не могу.

- Как в сказке, да?

- Да, действительно, как в сказке. Но мне этого вполне хватает. И потом я всё время тебя ждала. Думала, поправишься и сам со всем этим дерьмом разберёшься. А о недвижимости я тебе всё подробно могу рассказать. Яхту я продавать отказалась и ни за что не отдам, потому что воспоминания у меня с ней связаны самые лучшие в моей жизни. Ты хоть помнишь, что она сейчас «Натали» называется? Ну, ладно... Но ей ремонт нужен. Ею я не пользовалась. Дом в Глазго у нас хороший, но... дизайнер умудрился устроить внутри старого особняка современный интерьер. А мне такие комнаты на американский манер - полупустые и просторные – не очень нравятся. Зато наша квартира здесь, в Питере – просто роскошь! На Благодатной, недалеко от метро «Электросила». Мне она так нравится, потому что там все наши вещи, картины, которые ты собирал, я там своими безделушками всё заставила. Я люблю, когда всего везде много. И Димке в ней больше нравится. Во всех пяти комнатах антикварная мебель. Мы вместе выбирали. Ты всегда любил всё старое и добротное. Мебель в ней дороже самой квартиры, но я её тоже никому не отдам. А дачу я сразу продала. Ноги моей там больше не было ни разу. Потом небольшой домик в Кутаиси. Я тебе о нём уже говорила вчера, помнишь? Обычный, но ты захотел, чтобы там у нас был свой дом. А вот в Испании у нас дом очень интересный. Тоже небольшой, на виллу не тянет, но в райском месте. Ты вообще любил всё такое небольшое и уединённое. Это севернее Барселоны. Я тебя уговаривала квартиру в самой Барселоне купить. Можно было бы, но ты хотел в сельской местности и на берегу. Побережье называется Коста-Брава, вспоминаешь? Ты ещё был помешан на Сальвадоре Дали, почему мы северо-восток Испании и выбрали. Хотел, чтобы у нас своё «гнездо», так ты выражался, было ближе к его местам...

- Бланес или Тосса?

- Что? Вспомнил, да? Правильно. Мы сначала смотрели в Бланесе и Лорет де Маре. Но там было очень шумно и много туристов. А когда в Тоссу приехали, так ты сразу и обомлел. Наш домик стоит на очень высоком берегу. Вид потрясающий. Но к морю трудно спускаться. Вернее – подниматься. Вам-то с Димкой чего, а я всегда ныла. Мы с ним туда уже два раза ездили. Мне тоже там нравится. Так тихо и спокойно, как в Тосе, нам нигде больше не было. И ты там не столько купался, сколько играл.

- На чём?

- Ну, на чём может играть человек, который не любит слова с буквой «р», но обожает гитару?

- На гавайской укулеле?

- Вот ты всё и вспомнил, Олежек. И я теперь сама не знаю, хорошо это или плохо... Да, теперь получается, что есть где-то ещё наш остров. Но на него никаких бумаг Климычевский юрист не показывал. Может быть, ты что-нибудь перепутал?

- Нет. Ты какие-нибудь документы подписывала из тех, что тебе давал Климычев?

- Господи, Олежек! Я в таком состоянии была... А он хотел сделать всё так, чтобы нам лучше было. И чартер до Кутаиси он мне выбил. В эту Грузию труднее было попасть, чем в Америку. С ней отношения уже начинали портиться. И всё сделал так, чтобы никто ничего не знал. Ну, я про твои похороны, и про твоё помещение сюда.

- Слушай меня внимательно, Натали. First of all. Я думаю, что моя death is open secret. Нас не уличная шпана била, а professionals. И настоящее положение всех satisfy, если не считать нас с тобой. Меня вывели из дела, активы захватили, а ты сама ни для кого опасности не представляешь. In the second place. В плане лечения и восстановления мне лучше было бы находиться в Лондоне. Но это можно было бы сделать ещё

неделю назад. Сейчас уже поздно. Во всяком случае, мне пока лучше оставаться здесь, а тебе сегодня же улететь в Глазго. Будем созваниваться, и я скажу, что тебе делать. Только ничего больше без моего ведома не подписывай.

- Как скажешь, Олежек. Ну, вот! Теперь я начинаю тебя узнавать. А то...

- Thirdly. Ты доку сказала, что я что-то начал вспоминать?

- Сама не помню. Я ему там столько всего наговорила... Сейчас. Я сказала, чтобы к мужу окончательно вернулась память, его надо интенсивно лечить, а Вы ни хера тут не делаете! Вот так ему и выложила!

- Плохо.

- Прости, Олежек. Но я сама не ожидала, что у тебя голова так быстро заработает. Надо было мне с тобой посоветоваться сначала.

- Ничего, Натали. Как ты сама заявила Максимычу: женщине это извинительно. В мой сотовый не забудь внести телефоны Климычева.

- Всё сделаю, Олежек. А Климычев раньше всё спрашивал про какой-то код или шифр. У тебя в норвежском банке есть своя ячейка и там что-то, наверное, лежит. Но я ему ничего не могла сказать, сама не знала.

- И слава богу! На один никогда не уменьшающийся миллион тебе жить будет спокойнее. Но если что-то случится, на самый плохой и неожиданный случай, если тебе понадобится одномоментно много денег, чтобы отделаться от Климычева, запоминай. В ячейке миллионов на сто алмазов, документы на твой island и пятьсот тысяч фунтов. Код лёгкий.

- Подожди, я его запишу. Я никогда цифры не запоминала.

- Не надо. Эти запомнишь. Наши years of birthday: мой, твой и Димки. Только каждый в opposite order. А ключ от ячейки у Дины Павловны...

- Год рождения в обратном порядке. Это поняла. А почему у моей матери? Где?

- Мы ей на последний birthday make of present, помнишь?

- Это ту картину? Громадную такую?

- Да. За её frame он и лежит. Найдёшь... Мы им всем отомстим, Натали! Это я тебе обещаю...

- Как решишь, Олежек. Только, ради бога, не торопись! Я так боюсь, что опять всё повторится... Я как-то под настроение то же самое сказала Димке. Папу, говорю, убили, но мы за него отомстим. И знаешь, что он мне ответил?

- Что?

- Лучший способ мести, говорит, это не отвечать злом на зло. Представляешь? Какой умный он у нас растёт!

- Да. Начитанный. Но это не его слова. Их сказал Marcus Aurelius почти две тысячи лет назад. Но Димка – молодец! А жажда мести, Натали, поможет мне faster восстановиться. А там, поживём - увидим...

После обеда появляется медицинская сестра по имени Люба. И сразу начинает готовить всё для капельницы. Наташа ревниво следит за ней, но ничего не говорит. Я говорю Наташе, чтобы она уезжала к Димке и что теперь мы будем с ней часто перезваниваться. Тогда и решим, что делать дальше...

Бабочки

Наташа уехала в Питер на такси сразу, как мы вместе с ней позавтракали. А я стал вспоминать телефоны тех, кому собирался позвонить в первую очередь. Климычева оставил напоследок, когда выясню для себя все детали произошедшего. Но у мобильного свои недостатки! Там не номер набираешь, а по адресной книге вызываешь фамилию! Их в моём новом телефоне, разумеется, не было. Спрашивать не хотел даже у Андрея. Эти мои звонки должны остаться в тайне ото всех.

Несколько номеров всё-таки вспомнил. Позвоню после капельницы, чтобы быть уверенным, что ко мне никто внезапно не зайдёт. А сейчас надо решить один вопрос с Андреем. Я нажал кнопку звонка.

- Максимыч, взгляни, пожалуйста, в Будде деньги остались?

- Да. Вот они.

- Там должно быть пятьсот фунтов. Их хватит, чтобы купить пистолет?

- Та-а-а-к. Сейчас фунт идёт по пятьдесят одному рублю. Это, значит, чуть больше двадцати пяти тысяч... На «Макарова» вполне хватит, но он может оказаться «запачканным». Понимаете, о чём я?.. Простите, Григорий Маркелович, я не ради любопытства спрашиваю, но у меня здесь есть свой ствол. Если Вам надо...

- Я хочу, чтобы он в моей тумбочке лежал.

- Тогда надо другой доставать. Раньше завтрашнего дня никак не получится. Вас так устроит?

- Думаю, что да. Зови Любаню, пусть ставит свою капельницу.

На этот раз я засыпаю почему-то сразу во время капельницы. А когда просыпаюсь, вокруг меня снова кружатся бабочки.

Впрочем, я, наверное, просто ещё не проснулся. А бабочки мне снятся во сне. Они усеяли весь потолок. Их так много, что они облепили даже стены. Я долго моргаю и трясу головой, пытаюсь их разогнать, но они не реагируют на мои усилия.

Я смотрю на них и пытаюсь сообразить, что из приснившегося, было сном, а что могло случиться наяву. Приезжала жена или это мне приснилось? Или это было не жена? Рассказывала про сына, или это тоже померещилось во сне?

Бабочки летают перед самыми глазами, загораживают весь потолок и мешают сосредоточиться. И все совершенно разные.

Мне кажется, что я уже как-то пытался вывести себя из такого ступорозного состояния. Задавал себе простые вопросы, на которые у меня уже были определённые ответы. А затем из мозаики полученных ответов пробовал сложить законченную картину. Анализ, а потом синтез. Обычные методы исследования. И что-то у меня вроде получалось. Только я уже всё успел позабыть.

Начну ещё раз.

Какая у меня фамилия?

Бондаренко. Это совершенно точно. Так обращаются ко мне врач и некоторые медицинские сёстры.

Какое у меня имя?

Здесь немного сложнее. Называют почему-то «Гриня». Что это?

Украинское имя? Или уменьшительное от «Григорий»?

Начавшиеся размышления прерывает громкий женский голос, который возвращает меня в действительность.

Или в сон? Совсем запутался.

- Гриня, я что тебе говорю?! Ну-ка сам подними свою полужопицу, клизму ставить будем. Дотянешься, дотянешься... Давай отведи её в сторону... Вот так... Хорошо? Ты это любишь... Подержи в себе немного, а когда судно подсуну под тебя, тогда всё и выпустишь...

Это она во сне мне говорит?

Или я проснулся?

Наверное, во сне я вспоминаю, как раньше лежал в том самом отделении...

Или это происходит наяву, и я снова очутился в своей палате на пять коек?

Кто я на самом деле?..

И где нахожусь?..

Ноябрь 2007 г.